ДЭМ

DEM

Ханс-Отто Майснер

ДЕЛО ЗОРГЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга западногерманского автора посвящена жизни и деятельности выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге. Х.-О. Майснер служил в германском посольстве в Японии в одно время с Зорге, хорошо знал его. Со страниц романа встает живой образ советского разведчика, со всеми человеческими достоинствами и недостатками.

- Ханс-Отто Майснер
  - НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ
  - НАКАНУНЕ…
  - ВОЙНА НАЧАЛАСЬ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Ханс-Отто Майснер
Дело Зорге

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Ханса-Отто Майснера «Дело Зорге», вышедшая в Мюнхене в 1955 году, попала в мои руки два года спустя. В то время лишь узкий круг наших специалистов знал, кто такой Рихард Зорге. В Советском Союзе имя Зорге было окружено полным молчанием.

Может показаться невероятным, но факт остается фактом: маршал Г. К. Жуков узнал о выдающемся советском разведчике из франко-итало-японского кино-фильма «Кто вы, доктор Зорге?», который демонстрировался у нас в 1964 году. А ведь крупнейший наш полководец перед войиой был начальником Генерального штаба и ему подчинялась внешная разведка, в которой служил Зорге.

Так уж получилось, что в процессе тогдашней моей работы я был осведомлен о разведывательных делах Зорге. Собственно, это было тайной лишь для советского общества. К началу 50-х годов и на Западе, и в Японии уже не было секретом, что Зорге — выдающийся совет-ский разведчик. В ФРГ, Австрии, Соединенных Штатах и некоторых других странах в газетах и журналах появилось десятка два статей о нем, вышли солидные по объему и количеству приведенных фактов книги «Шанхайский заговор» (1952 г.) и «Мастер советского шпионажа» (1952 г.) генерал-майора Чарльза Уиллогби, который был начальником разведуправления штаб-квартиры командования вооружениых сил США на Дальнем Востоке.

За границами Советского Союза о Зорге появлялось все больше разнообразной информации. К сожалению, хватало и недобрых вымыслов, которые распространяли, чтобы подбросить «горючий материал» в усиленно раздуваемый костер «холодной войны».

А в Советском Союзе продолжали хранить молчание, будто Зорге и не существовал.

Вот тогда у меня и возникла простая мысль: почему бы в Советском Союзе тем, кто знает Зорге и кто может получить сведения о нем из компетентных ведомств, не выступить с максимальной точностью и объективностью по его делу? Почему бы, скажем, не написать документальную повесть, в которой была бы отражена наша версия, правда о жизни и гибели выдающегося советского разведчика?

Хлопоты привели меня в 1959 году в конечную компетентную инстанцию. Состоялся обстоятельный разговор с одним из руководителей (он умер, не буду называть его фамилию),

который давно знал меня и с которым я мог говорить, отбросив официальность.

— Все, что ты предлагаешь, — сказал он в заключение, — очень правильно, но не осуществимо.

— Почему? — спросил я в некотором смущении. — Как это — «правильно, но не осуществимо»?

— Видишь ли, — объяснил генерал, — мы не знаем, например, какими документами по делу Зорге располагают американцы. После капитуляции Японии все материалы японской контрразведки, следственное дело, собственноручные признательные записки Зорге попали в руки американцев. Если мы опубликуем свою версию, они могут поймать нас на чем-нибудь, чего мы не знаем, и нанести нам сокрушительный пропагандистский удар. А зачем нам это? Кроме того, кое-что в действиях Зорге, его образе жизни нам непонятно, вызывает сомнение… Лучше нам в это дело не ввязываться.

Тогда я предложил перевести книгу Х.-О. Майснера. Правда, там немало натяжек, выдумок, слухов (чего стоит хотя бы легенда о том, что Зорге остался жив, был увезен — кем американцами — куда-то, а вместо него казнили другого человека). Но если отбросить фантазии автора (ведь это приключенческий роман, художественное произведение), останется живой, по-человечески многогранный образ коммуниста-интернационалиста, талантливого журналиста и гениального разведчика и вместе с тем простого жизнерадостного человека. Кроме того, это перевод, автор — иностранец, и формально мы не несем за него ответственности. Так что не стоит опасаться осложнений. Главная цель — возвратить нашей стране ее героя-разведчика будет достигнута.

На все мои доводы последовало категорическое «нет».

Вопрос о переводе романа Майснера встал снова в 1964 году, когда Н. С. Хрущев, посмотрев кинофильм французского режиссера Ива Чампи, объявил, что Зорге — герой и о нем должен знать советский народ. В октябре издательство «Правда» подготовило «Дело Зорге» к выпуску. Но Н. С. Хрущев был смещен, обстановка изменилась, издание книги задержали. Затем реанимировались прежние «компетентные» сомнения… и набор был рассыпан.

Четверть века пролежала в архиве рукопись перевода. Перестройка вернула ее к жизни.

Талантливый разведчик, прозорливый политик, неординарная во всех отношениях личность… Таков Рихард Зорге. В удивительно короткий срок он создал в Японии разветвленную и хорошо законспирированную разведывательную

организацию. А условия были труднейшие особенно если учитывать строгий полицейский режим в стране.

Вот что сообщил Центру Зорге в одном из своих оперативных писем: «Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности. Ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства. В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так напрягает и изнуряет».

И тем не менее уже летом 1934 года, всего через десять месяцев после прибытия в Японию, Зорге регулярно передавал в Центр большое количество информации. По данным японской контрразведки, под его руководством работали две группы подпольщиков общей численностью 35 человек. Они, за небольшим исключением, были японцами: журналисты, научные работники, деловые люди, чиновники. Все они были противниками войны, старавшимися помешать милитаристской клике толкнуть Японию на гибельный путь. Всего Зорге использовал для получения разведывательной информации около 160 источников, среди которых были премьер-министр принц Коноэ, министры, генералы, крупные промышленники. Ему удалось получить из посольства нацистской Германии в Токио важнейшие военные и политические сведения. Он стал пресс-атташе посольства и самым близким другом германского посла, который делился с советским разведчиком служебными тайнами.

«Группа, руководимая блестящим, изобретательным разведчиком Рихардом Зорге, совершала поистине чудеса» — к такому выводу пришел генерал-майор Уиллогби после тщательного анализа японских оперативных и следственных материалов по делу Зорге.

Вот еще одна оценка — Аллена Даллеса, крупнейшего американского разведчика, в течение девяти лет возглавлявшего Центральное разведывательное управление США. «Одна из самых известных операций советской разведки перед и во время второй мировой войны, — отмечал он в своих мемуарах, — создание разведывательной сети на Дальнем Востоке под руководством Рихарда Зорге».

Зорге действительно добился поистине поразительных оперативных результатов. Вот некоторые из важных сообщений, посланных им в Центр:

1. Весной 1939 года Зорге передал, что 1 сентября гитлеровцы собираются напасть на Польшу.

2. 5 марта 1941 г. отправил фотопленку со снимками телеграмм министра иностранных дел гитлеровского рейха Риббентропа послу в Токио Отту. В телеграммах министр

предупреждал посла о том, что Гитлер планирует нападение на Советский Союз во второй половине июня.

3. В апреле сообщил, что гитлеровцы сконцентрировали на советско-германской границе около 150 дивизий и что Гитлер намерен начать военные действия против Советского Союза.

4. 15 июня радировал точную дату начала гитлеровской агрессии против СССР — 22 июня.

5. В июле передал первое сообщение о том, что Япония, несмотря на нажим гитлеровской Германии, не вступит в войну против Советского Союза.

6. В сентябре подтвердил: японское правительство решило не выступать против СССР.

7. В октябре сообщил о решении Японии начать войну на Тихом океане против США.

Результаты действительно поразительные. И достиг их Зорге не потому, что ему часто улыбалось разведывательное счастье. Нет, он не полагался на счастливый случай. Все это — плоды напряженной творческой работы. Именно творческой, ибо Зорге не только был человеком исключительной отваги и мужества, высокого интеллекта, глубоких и разносторонних знаний. Он являл собой новый тип разведчика — разведчика-мыслителя, разведчика-ученого. Он так глубоко знал Японию, политику ее правящих кругов, ее экономику, культуру, что точно предугадывал действия японского правительства и японской военщины.

Мы теперь знаем, что Зорге не только талантливейший мастер разведки. Он — революционер, коммунист, интернационалист. Он был беззаветно предан делу социализма, горячо верил в его светлые идеалы. Зорге боролся за безопасность Советского Союза, в котором, как он полагал, осуществляются на практике эти идеалы и который он считал своей второй родиной.

Как же выглядит выдающийся советский разведчик в романе Ханса-Отто Майснера?

Автор показал главное: Зорге — антифашист, всем сердцем ненавидящий гитлеровскую клику; боец, отдающий себя без остатка великой идее; блестящий организатор подполья и великолепный конспиратор, обладающий поистине железной волей.

Один лишь факт. У японской контрразведки возникли вполне определенные подозрения в отношении сотрудников германского посольства, и в частности против Зорге. За ним была установлена плотная слежка. Кольцо вокруг советского разведчика стягивалось все туже.

И он знал об этом. Но ни на минуту не прерывал своей

опаснейшей работы. Он водил за нос шпиков и передавал Центру донесения. Он держал себя как те солдаты-разведчики на фронте, которые вызывали огонь на себя. Он сохранил бодрость духа и поддерживал своих товарищей, сникших перед смертельной опасностью. Более того, в этот полный драматизма момент он сумел добыть сведения исключительной важности: Япония сосредоточивает силы для войны на Тихом океане и готовит нападение на американскую базу в Пёрл-Харборе.

Если бы не это, то Зорге, очевидно, удалось бы спастись. Но он пожертвовал собой, чтобы помочь Соединенным Штатам, в которых уже тогда видел потенциального союзника СССР в борьбе против гитлеровской Германии.

Надо сказать, что Майснеру не удалось избежать ошибок большинства зарубежных авторов, которые писали о Зорге. Он тоже наделил его несвойственными эгоистическими и анархистскими чертами. Иногда он изображает его излишне нервным человеком, чрезмерно грубым, даже деспотичным по отношению к своим подчиненным. Видимо, для того, чтобы еще больше возвысить своего героя над толпой, Майснер показал помощников советского разведчика — Петра и Веру Бранкович, Козловского — трусоватыми неврастениками, богемистыми типами, пекущимися главным образом о спасении своей шкуры.

На самом деле это, конечно, не так. Какой бы исключительной личностью ни был Зорге, в одиночку он не сделал бы и сотой доли того, что совершил для победы над фашизмом и милитаризмом.

Не прав автор, приписывая Зорге чрезмерное увлечение спиртными напитками и любовными приключениями. Это было не в его натуре. В действительности советский разведчик лишь разыгрывал из себя прожигателя жизни, что служило прекрасной маскировкой. Никому и в голову не приходило, что любитель весело провести время на самом деле был советским разведчиком.

Вызывает возражение и восхваление автором деятельности японской контрразведки. На самом деле ее начальник полковник Одзаки и его помощники сумели справиться с группой Зорге не в результате успешного проведения тонких оперативных мероприятий, как это показано в романе, а лишь из-за предательства.

В книге немало отступлений от правды и фактических искажений. Об этом можно сожалеть. Но в целом они не умаляют достоинств романа. С его страниц встает живой образ советского разведчика, со всеми человеческими достоинствами и недостатками. Увы, этого не скажешь о книгах, посвященных

Зорге и выпущенных в Советском Союзе и некоторых социалистических странах. Их авторы, к сожалению, сделали все, чтобы представить выдающегося разведчика как непорочного святого, без недостатков и слабостей. В итоге был создан образ сверхчеловека, в который никто не верит.

То, что пишет Майснер о Зорге, выгодно отличается от засушенных портретов разведчика в таких книгах. И это неудивительно. Автор сам служил в германском посольстве в качестве третьего секретаря и шефа протокола. Он каждодневно встречался с Зорге, беседовал с ним, наблюдал его поведение. И нередко друг посла, удачливый журналист представал перед ним раздраженным, неудовлетворенным, мрачным. Вольно или невольно Майснер передал внутреннее состояние героя: его что-то мучило. Автор объясняет: это, очевидно, из-за того, что Зорге устал вести опасную двойную жизнь. Однако сейчас, в условиях гласности и бескомпромиссного разоблачения культа личности, мы можем сделать и другой вывод. Двойная жизнь — это, конечно, тяжело. Но еще тягостнее недоверие. Зорге, несомненно, чувствовал, что в Центре ему не доверяют. И чем дальше, тем больше. Недоверие шло от Сталина, который в канун войны пренебрег точными данными разведчика о подготовке нападения нацистской Германии на Советский Союз, несправедливо заподозрив его в связи с немцами. Этому еще одно свидетельство маршала Г. К. Жукова: Сталин «как-то даже сказал, что мы имеем очень важные сведения, но мы им не доверяем, потому что, по нашим данным, это двойник. И я думаю, что речь шла именно о Зорге, который потом фактически был обвинен в том, что работал и на нас, и на Гитлера».

Мнение «вождя народов» дамокловым мечом висело над разведчиком. Непосредственные руководители Зорге переносили его на свои отношения к разведчику. Сообщения Рамзая (оперативный псевдоним Зорге) включались в категорию сомнительных и дезинформационных. Были вдвое сокращены средства для работы токийской группы. Она отвлекалась на выполнение второстепенных заданий.

Зорге чувствовал, как все туже сжимается вокруг него кольцо подозрения. Но продолжал стойко выполнять свой долг советского патриота и интернационалиста. Он одержал верх в противоборстве не только с японской контрразведкой, но и с аппаратом Центра в Москве, потрафлявшим бредовым идеям «великого кормчего».

Зорге совершил двойной подвиг.

Виталий Чернявский

НАКАНУНЕ…

Токио, 1 мая 1941 г.…

Прием в саду, устроенный в этот день германским посольством, внешне ничем не отличался от обычных. Круг гостей был таким же, как и раньше. За редким исключением, каждый знал друг друга. Представители официальных кругов японской столицы чувствовали себя здесь среди своих.

Независимо от того, что думали о германском рейхе все эти министры и дипломаты, генералы и высшие чиновники, они понимали: сегодня национальный праздник Германии и их обязанность — явиться вместе с женами на прием.

Из обычных гостей отсутствовали лишь те, чьи страны уже находились в состоянии войны с Германией. А к 1 мая 1941 г. их было не так уж много.

Постоянное напряжение, в котором жили теперь эти люди, не бросалось в глаза. Все они без исключения прошли «старую школу» воспитания, высший принцип которой состоял в том, чтобы ни в коем случае не выдавать своих чувств и не дать кому-либо заметить свое волнение.

В Токио тех лет такие приемы представляли собой весьма пеструю картину, и едва ли в другом месте можно было встретить что-либо подобное. Многие японские женщины носили пестрые, похожие на крылья бабочек, переливающиеся кимоно и гета.[1] С тех пор как Япония почувствовала себя достаточно сильной, чтобы не поддаваться влиянию Запада, здесь снова вошли в моду старинные одеяния. Некоторые высокопоставленные чиновники появлялись даже в традиционных хаори.[2] Среди европейцев особенно выделялись военные атташе. Их опереточные мундиры сверкали эполетами, радугой переливались звезды орденов.

На фоне этого блеска японские генералы в коричневато-землистых мундирах, с очень коротко, согласно уставу, подстриженными волосами выглядели простыми солдатами. Офицеры императорского военно-морского флота казались намного элегантней.

Повсюду шли оживленные беседы. Разноязычный говор заглушал игравший на террасе оркестр. Может быть, эти беседы были даже более оживленными, чем обычно: под внешней оболочкой светской болтовни гости скрывали свои подлинные мысли. Было слишком много тем, которых приходилось избегать. Кто мог знать, что думает его собеседник на самом деле! Среди гостей встречались и дипломаты, чьи личные желания оказывались прямо противоположными желаниям их

правительств. Но старая заповедь «говори, чтобы скрыть мысли» еще не была забыта.

Японцы-слуги, работавшие в посольстве, очень экзотичные в своих черных кимоно, отделанных белыми шнурами, разносили чай и коктейли. Лишь немногие из гостей устроились за одним из маленьких столиков. Большинство же стояло, чтобы в любой момент присоединиться то к одной, то к другой группе. Дипломатический раут в саду вовсе не похож на приятную встречу с друзьями. Тут идет обмен информацией, перепроверяются слухи, завязываются знакомства. Словом, присутствовавшие здесь выполняли свои привычные служебные обязанности, за которые им платят жалованье.

Эти обязанности казались сейчас более важными, чем когда-либо прежде. Настало время выжидания. На обеих половинах земного шара настороженно, готовые к прыжку, застыли под ружьем войска ведущих держав. Уже состоялись тяжелые сражения между гигантскими армиями,[3] но тем не менее все было еще впереди. Уже несколько лет японцы сражались с китайцами, беспрерывно побеждали и все-таки никак не могли покорить огромные пространства Желтой империи. Германия была на вершине своего триумфа. Весной всего за несколько недель были разбиты французы,[4] и большая часть Европы оказалась оккупированной немецкими войсками.

Наступила передышка. На Дальнем Востоке и в Европе противники накапливали силы. Русские и американцы пока придерживались нейтралитета. Тотальная война еще не началась. В Японии различные политические группировки за закрытыми дверями спорили о том, в каком же направлении должен ударить вооруженный кулак их перенаселенной страны. Еще не было оси «Берлин — Токио»,[5] вместо нее существовала платформа «антикоминтерновского пакта». Сам по себе этот пакт значил немного, к тому же в Японии у него были могущественные противники.

Все пока как бы висело в воздухе. Американский посол еще беседовал с германским военным атташе, а Ямамото, генерал японской императорской армии, оживленно шутил с депутатом из Манилы.

И все же каждый из них чувствовал, что мир в том виде, каким он был сейчас, вскоре перестанет существовать. Надвигающиеся события вне зависимости от их характера должны были коренным образом изменить и жизнь всех тех, кто в этот день собрался в тенистом саду посольства. Все они понимали, что события, которые произойдут вопреки их воле, либо вознесут их, либо низвергнут. Поэтому-то они и старались избегать

категорических решений.

Для некоторых это зловещее затишье перед бурей было невыносимым. Они желали, чтобы буря разразилась как можно скорей. И все же никто не осмеливался открыто признаться в том, что его угнетает и тяготит нервное напряжение этих месяцев. Только наиболее внимательные подмечали, как неестественно подчас звучит здесь смех, как суетливо бегают глаза и как быстро меняются собеседники.

— Его превосходительство господин премьер-министр очень сожалеет, что ему пришлось сегодня утром выехать в Киото, — на отличном немецком языке извинялся за отсутствующего шефа Сабуро Танака. — По его поручению я имею честь…

Германский посол пожал руку секретарю главы японского правительства. Он, конечно, понял, почему принц Иоситомо назначил свою поездку именно на сегодня, но отвечал в обычных вежливых выражениях.

Приземистый японец почувствовал, что посол Тратт старается скрыть свое беспокойство. Он смотрел мимо Танаки, видимо, ожидая еще кого-то, кто был ему очень нужен.

Умный Танака решил быть настороже. Разговаривая с гостями, он старался держаться поближе к Тратту, и скоро его наблюдательность была вознаграждена. Он услышал, как посол просил своего личного секретаря доктора Равенсбурга поискать Рихарда Зорге.

Танака улыбнулся: он хорошо понимал, почему так волнуется хозяин дома. Сегодня вечером в Германию через Сибирь выезжает немецкий дипломатический курьер. К этому времени все должно быть готово: и почта, и ежемесячный отчет посла о положении в стране. Но без Зорге такого отчета не написать. Ни один иностранец в Японии не был информирован о положении в стране лучше, чем этот журналист. Его сведения всегда служили основой любого немецкого донесения, которое направлялось в Берлин. Посол считал Зорге своим другом и полностью доверял ему. И не без оснований! Ведь информация доктора Зорге всегда была точной, а то, что он предсказывал, сбывалось. Никогда еще на Вильгельмштрассе[6] не были так довольны донесениями своего посла в Токио, как теперь.

Танака очень обрадовался, получив лишнее подтверждение того, насколько прочны позиции его друга Зорге в германском посольстве, насколько его здесь ценят, нуждаются в нем. Японец тоже в какой-то степени имел к этому отношение: он уже несколько раз помогал своему другу кое-какой информацией. Зорге также чувствовал себя обязанным Танаке и, в свою очередь, информировал его о том, что думают немцы. Господину Танаке и

японскому премьер-министру это было очень кстати.

Секретарь Равенсбург не разделял беспокойства своего шефа. На Зорге можно было положиться, хотя внешне он не всегда производил впечатление надежного человека. Обычно он довольно поздно приносил свои материалы…

Равенсбург отправился искать Зорге среди гостей. Не исключено, что тот, засунув отчет в карман, застрял, разговаривая с кем-нибудь.

— Бросьте вы, Равенсбург, спрашивать о Зорге у мужчин, — съехидничал военно-морской атташе, — спросите-ка женщин. Те лучше знают, где он… Женский глаз увидит Зорге даже через толстую стену. — Он громко засмеялся и добавил: — Каррамба, так оно и есть!

Равенсбург тоже рассмеялся. Однако он был слишком осторожен для того, чтобы спрашивать о Зорге у какой-либо из дам. Зная репутацию Зорге, он понимал, что это могут воспринять как бестактность.

Убедившись, что Зорге нет среди гостей, секретарь подошел к своему шефу.

— Зорге всегда все делал вовремя, господин посол, — заверил Равенсбург. — Он придет в последнюю минуту, но придет обязательно.

Тратт с сомнением взглянул на часы. В это время около посла появился советник доктор фон Эбнер.

— В последнюю минуту поздно, Равенсбург, — напомнил фон Эбнер. — Вы же знаете, в каком виде сдает Зорге свои отчеты, какими сильными выражениями их снабжает. Придется все передиктовывать.

Замечание было справедливым. Заметки Зорге на самом деле писались в таких выражениях, что их можно было оглашать лишь в узком мужском кругу. Для отчетов приходилось извлекать оттуда самое ценное и важное и придавать этому подобающую форму.

— Я прошу вас, Равенсбург, — настаивал посол, — пусть его ищут повсюду, звоните куда только можно. Вы же знаете…

Равенсбург-то знал, но Эбнер решил, несмотря на это, выразиться яснее:

— Пусть позвонят во все рестораны и бары, где только есть крепкие напитки и веселые девочки.

Посол не обратил внимания на эту фразу. Так уж получилось, что его заместитель терпеть не мог Зорге. Более разных людей, чем эти двое, трудно было себе представить.

* * *

…Ресторан «Старый Гейдельберг» был одним из самых своеобразных заведений японской столицы. Он находился на узкой улочке, выходящей на залитую ярким светом Гинзу, то есть в центр Токио. Вход был сделан в форме большой бочки, над которой карлик Перкео держал фонарь. На стенах ресторана висели различные символы старого Гейдельберга. Между дуэльными эспадронами, пестрыми шапочками и цветными шарфами, этими атрибутами минувшего расцвета буршей, на бархате и шелке в волшебном сиянии необычного, праздничного фейерверка вырисовывалось изображение гейдельбергского замка.

На официантках-японках были немецкие крестьянские платья, на головах — кокетливые студенческие шапочки. Эти наряды явно не подходили к приземистым фигурам девушек, к их смуглой коже и раскосым глазам. В больших литровых кружках они разносили жидкое японское пиво гостям, большинство из которых придерживалось твердого убеждения, что именно так, а не иначе бывает ежедневно в Гейдельберге на Неккаре. Девушки подчинялись пожилому официанту-европейцу, а точнее — сербу. Именно это придавало «Старому Гейдельбергу» особый характер: едва ли в каком-нибудь другом токийском ресторане можно было встретить белого официанта.

Ресторан «Старый Гейдельберг», расположенный тремя ступенями ниже уровня улицы, был длинным и узким. Низкие деревянные столы и колченогие стулья — вот и вся мебель, которой довольствовались присутствующие. Посетители ресторана относились к категории людей, не нравившихся японской «полиции мыслей»: вечные студенты с длинными волосами и либеральными идеями, интеллигенты, преимущественно писатели, дарования которых пока еще никто не признавал, и, кроме того, не очень-то добродетельные девушки.

Все эти люди чувствовали себя привольно в «Гейдельберге». Здесь они, как нигде в другом месте, чувствовали себя в безопасности от тайной полиции, которая в последнее время все беспощадней старалась подавить влияние Запада, считая его «антипатриотической болезнью». Нагао-сан, владелец ресторана, полагал, и не без основания, что власти побоятся закрыть заведение, носящее название «Старый Гейдельберг». Это было бы бестактностью по отношению к немцам, тем более что друг германского посла был здесь завсегдатаем.

Трудно было найти более неуютное и более неподходящее для работы место. Но именно здесь, в самом центре ресторана, среди шума и гама, за качающимся столом сидел доктор Рихард

Зорге и торопливо исписывал один лист бумаги за другим. Он курил и потягивал горячее сакэ из фарфоровой чашечки.

Зорге здесь знали и привыкли к его характеру. Когда раскрывалась его широкая натура, все — и мужчины, и женщины — были от него в восторге. Между прочим, перед ним заискивали еще и потому, что протекция такого влиятельного человека, каким был Зорге, могла помочь, если полиция в один прекрасный день все же решит закрыть «Старый Гейдельберг».

Сидя в ресторане, Зорге был уверен, что здесь ему никто не помешает. Поэтому он недовольно поднял голову, когда Бранкович, белый официант, подошел к его столу.

— У телефона германское посольство, — сказал серб. — Они просят вас… вы им очень нужны.

Он произнес это таким тоном, будто чувствовал себя польщенным, что его постоянный клиент срочно потребовался такому высокому учреждению.

Но на Зорге это не произвело впечатления.

— Они еще не научились ждать? — пренебрежительно спросил он. — Скажи им, что хочешь… Ну, скажи, что я пьян… пьян вдребезги.

Серб улыбнулся.

— Я постараюсь объяснить это посольству как-нибудь повежливей.

Рихард пожал плечами.

— Как хочешь!

— Зорге пишет последнюю страницу, — доложил Равенсбург своему шефу. — Через несколько минут он будет здесь.

Посол облегченно вздохнул.

— Пора бы уж, — вполголоса сказал он и, отделившись от группы, в которой стоял, сделал знак Равенсбургу, чтобы тот следовал за ним.

— Боюсь, мой дорогой, — начал он, — что у меня для вас плохие вести.

Равенсбург едва заметно вздрогнул. Он уже давно со страхом ожидал этого разговора.

— Да-а… мне действительно очень жаль, — сказал Тратт, — но министерство иностранных дел не видит возможности сделать для вас исключение. Теперь, как и раньше, нежелательно, чтобы чиновник министерства женился на иностранке… Вы знаете, дорогой мой, это изобрел не «третий рейх»… Этот, разумеется, немного суровый принцип берет свое начало от Бисмарка.

Придав лицу печальное выражение, он взглянул на Равенсбурга. Тот ничего не ответил, и посол продолжал:

— Исключение из этого правила создало бы прецедент, на

который очень скоро стали бы ссылаться и другие. А это не годится… особенно сейчас, во время войны. Вы должны понять это, Равенсбург!

Молодой человек в ответ только беспомощно пожал плечами. Тратт истолковал это как согласие.

— Ну вот, — сразу повеселел посол, считая, что уже выполнил свою неприятную миссию, — я уверен, дорогой мой, что вы переживете это огорчение, и молодая дама тоже.

В этот момент как нельзя более кстати появился испанский посланник. Посол торопливо шагнул навстречу гостю, оставив Равенсбурга одного.

— Каррамба! — Капитан 1-го ранга Натузиус хлопнул молодого человека по плечу. — Вы выглядите так, словно вам урезали жалованье! Пойдемте выпьем по морской чарке!

Равенсбург безвольно последовал за военно-морским атташе к большому столу на лужайке.

У стола собрались одни мужчины. Все они были знакомы между собой уже несколько лет, сталкивались друг с другом по службе и постоянно встречались в обществе. И все же, несмотря на показную веселость, здесь усердно избегали любой острой темы.

— Это все-таки поразительно, — рассказывал атташе по делам полиции Богнер, — после того, как он все воскресенье провел на море с госпожой Ямада, он еще отправился к гейшам в Мианоситу и развлекался там до полудня.

Речь, конечно, шла о докторе Зорге.

— И как он выдерживает только! — удивлялся поверенный в делах Португалии. — А его тяжелые поездки на китайский фронт!

— Мы восхищаемся человеком, обладающим подобными свойствами, — заметил советник Хатта. — Но, разумеется, ему следовало бы поберечь себя, чтобы не возникло конфликта на службе.

— Не беспокойтесь за Зорге, — возразил советнику начальник контрразведки полковник Одзаки. — Зорге-сан отлично справляется со своими обязанностями. В нашей Стране нет другого иностранца, который был бы информирован лучше, чем он…

Все стоящие у стола неожиданно обернулись, так как тот, о ком только что шла речь, направлялся к ним через газон.

— Вот он, ясновидец, — произнес Натузиус.

Зорге, разумеется, и не думал переодеваться для приема в посольстве. Он вообще никогда не переодевался ради чего бы то ни было. Он не имел ни фрака, ни другой одежды для торжественных случаев, хотя зарабатывал немало.

Он шел в поношенном темно-синем костюме, который висел на нем пузырями, словно он и не снимал его с тех пор, как сдал экзамен на аттестат зрелости. Его рубашке уже давно пора было отправиться в корзину с грязным бельем, а ботинкам весьма пригодились бы новые набойки. Безупречно чистым и новым был только пестрый галстук, который, однако, никак не подходил к рубашке. Каждый видел, что вместо расчески Зорге пользуется пятерней и что в последний раз брился он позавчера.

И все же… он шел, притягивая к себе взоры всех присутствующих. В его походке, в небрежности, с которой он перебросил через плечо свой нуждавшийся в чистке плащ, чувствовалось превосходство, сбивавшее с толку и подавлявшее. Он даже и не старался скрыть, что не слишком высокого мнения об обществе, собравшемся здесь. А такое отношение в этих кругах всегда нравится. Глаза женщин устремились к Зорге. Он был вовсе не красив, но производил впечатление!

Высокий и слишком худой, он ходил, чуть наклонившись вперед. Его лицо, судя по цвету кожи, привыкшее к ветру и непогоде, было изборождено глубокими складками, под глазами виднелись полукружия. Нельзя было не заметить острого, порой пронзительного взгляда его светло-голубых глаз. По-настоящему красивыми были только волнистые темные волосы.

Доктор Зорге, из кармана пиджака которого торчало несколько небрежно свернутых листов бумаги, не обращал внимания на устремленные на него взгляды. Он не замечал и знакомых, готовых его приветствовать.

Увидев на террасе рослого посла и его хрупкую жену, Зорге, не торопясь, направился к ним.

Госпожа Тратт протянула ему руку.

— Вы снова заставляете нас беспокоиться, — сказала она.

— Муж уже начал волноваться, не опоздаете ли вы.

Жена посла относилась к Зорге со смешанным чувством снисхождения, дружбы и сочувствия. Даже внимательному человеку было бы трудно понять, каково ее подлинное мнение о Зорге. На людях она, во всяком случае, старалась подчеркнуть, что не обращает внимания на пренебрежительное отношение Рихарда к этикету, и игнорировала сплетни, ходившие о нем.

Зорге слегка прикоснулся губами к ее руке, но не произнес принятых в таких случаях извинений. Затем повернулся к послу.

— Ну, наконец-то, дорогой мой!.. — с укоризной и облегчением произнес посол. — Давно жду вас. Вы же знаете, курьер отправляется через час.

Зорге и не думал оправдываться. Он молча передал послу свои записи.

И пока Тратт, отвернувшись, лихорадочно пробегал глазами листки, хозяйка дома позаботилась о том, чтобы Зорге дали что-нибудь выпить.

— Зорге, вы опять выглядите так, — журила она его, — словно не спали целую неделю.

— Так оно и было, сударыня, — подтвердил он с серьезной миной на лице. — Я приношу себя в жертву доброму делу.

Кто-то услышал этот ответ и, посчитав его фривольным, засмеялся. Госпожа Тратт нахмурилась.

— Это очень интересно! — воскликнул посол, имея в виду информацию, полученную от Зорге. — Так… Вот, значит, к чему идет дело… Премьер-министр уже согласился… Этого я не ожидал! — Он возвысил голос, чтобы и доктор Эбнер, стоявший поблизости, мог услышать, как он хвалит своего друга.

— В самом деле, дорогой Зорге, вы снова оказали нам большую услугу… В Берлине поломают себе над этим голову! И где только вам удалось это раздобыть?

— Витамин «В», — ответил тот, — связи. Ничего, кроме хороших связей. — И засмеялся. — Недаром же я, пресс-атташе, руковожу германской информационной службой в Японии, господин посол. Неужели вас удивляет, что моя контора иногда работает?

Тратт согласно кивнул. И действительно, это золото, не человек. Тонны золота! Какое значение имеет его личная жизнь!.. Человек работает, и работает превосходно.

— Да… Ну, теперь мне нужно продиктовать отчет. Я был бы рад видеть вас рядом на случай, если возникнут вопросы.

Оба скрылись за двойной дверью, которая вела из сада в кабинет посла.

Там уже давно ожидала пожилая стенографистка с блокнотом и остро отточенными карандашами. Она твердо решила дать понять господам, когда они войдут, что обижена. Но как только Зорге дружески пожал ей руку, женщина засияла, заулыбалась.

— Надо по возможности сделать так, чтобы гости не заметили отсутствия мужа, — сказала госпожа Тратт Равенсбургу, который одновременно выполнял обязанность начальника протокольного отдела. — Я позабочусь о тех, кто на террасе, а вы возьмите на себя сад. Там уже стоят в одиночестве несколько истуканов.

Трудно было порой с японцами! Если с ними не заговаривал равный по рангу, они застывали с неподвижными лицами, ничего не замечая вокруг. Низшие рангом ни в коем случае не имели права заговаривать со старшими, а те, в свою очередь, почти никогда не снисходили до беседы с младшими. Поэтому

немецким хозяевам, и прежде всего Равенсбургу, приходилось думать о том, как сгруппировать гостей и оживить беседу.

Но встречались и дамы, которых трудно было втянуть в светскую болтовню. В этом отношении предметом особой заботы начальника протокольного отдела была молодая Лундквист. Ей едва исполнилось двадцать, и она, робея в большом малознакомом обществе, чувствовала себя несчастной. Женщины завидовали ее стройней фигуре и светлым шелковистым волосам. Что же касается мужчин, то они давно уже отказались от попыток флирта с ней: эта молоденькая девушка казалась ледышкой до мозга костей. Она не реагировала на комплименты и ни разу не согласилась на свидание.

Равенсбург подошел к ней.

— Как дела, Биргит, как ваши литературные успехи? Юная шведка недоверчиво взглянула на него большими темно-голубыми глазами. Она не терпела, когда с ней разговаривали в ироническом тоне. Почему всякий позволяет себе насмехаться над ее первыми тремя статьями, которые она опубликовала в одной из газет у себя на родине? Ведь любой журналист начинает с малого.

— Поскольку я очень скромна, — холодно ответила она Равенсбургу, — я вполне довольна.

Равенсбург, слишком поздно осознавший свою бестактность, оглянулся в поисках подмоги. И эта подмога явилась в образе итальянского коллеги, прибывшего недавно и еще не успевшего познакомиться со сдержанной Биргит. Итальянец, очарованный юной шведкой, казалось, только и ждал момента, когда его смогут ей представить. Равенсбург охотно выполнил его желание.

— Мой коллега — известный знаток искусства, Биргит. Он с радостью покажет вам скульптуры, которые мы недавно установили здесь, в саду. Правда, это только копии, но копии с известных оригиналов.

Биргит кивнула и равнодушно пошла с маркизом, который буквально тотчас же обрушил на нее град комплиментов.

Господин Танака бродил по саду один. Но Равенсбургу не нужно было о нем заботиться. Японец очень любил цветы и разбирался в них. Здесь, в саду посольства, росло много растений, семена которых были привезены из Германии. Танаке хотелось посмотреть, как они развиваются в условиях здешнего климата. А если вблизи цветов находились люди, которые вели интересный разговор, то это, видимо, объяснялось простой случайностью.

Танака был важной персоной. Он не только занимал пост личного секретаря японского премьер-министра, но и был его близким другом. Его считали человеком утонченной культуры, и

он, насколько позволял судить объем живота, скудной японской кухне явно предпочитал изощренное искусство своего повара-китайца. Было известно, что он ориентируется на Германию и помогает ковать ось «Токио — Берлин». Поэтому его очень ценили в германском посольстве.

Равенсбург подумал, что надо было бы выписать из Германии семена редких цветов и подарить их такому нужному человеку. Танака, несомненно, будет польщен этим вниманием, и семена принесут богатые всходы в высших политических сферах.

Круг мужчин около стола с напитками раздался, давая дорогу Зорге, который только что вышел из дома. Отчет, видимо, был готов.

Пресс-атташе посольства, освободившись от своих тягостных обязанностей, широко улыбался. Но его улыбка предназначалась только мужчинам, окружившим его. Мимо женщин он прошел, не обратив на них внимания, хотя они в ожидании, что он с ними заговорит, прервали свою беседу.

Зорге молча поздоровался, крепко пожав руку капитану 1-го ранга, Равенсбургу и остальным.

— Ну, Зорге, поскольку вы все знаете… — начал было военно-морской атташе, — слышали ли вы последнюю новость?

— Нет, но я сейчас услышу ее от вас. Натузиус рассмеялся.

— Каррамба! Ваша взяла! Ну ладно, Марианна здесь!

— Очень рад… Очень рад, особенно если она хороша и легкомысленна.

В ответ раздался дружный хохот.

— Не-е-т, не-е-т, дорогой! Хорошенькой Марианночку не назовешь. У нее острая грудная клетка, выпуклый живот, а сзади у нее все время кружится одна штуковина.

— Ну что ж! — принял шутку Зорге. — Меня интересует эта женщина, капитан.

— Каррамба, на этот раз я вынужден вас разочаровать, дорогой! Ведь Марианна — это судно.

Зорге прикинулся изумленным.

— Что вы говорите!.. Тут вмешался Равенсбург.

— Да, и более того — это германское судно, первое судно, прорвавшее блокаду. Груженное отличными оптическими приборами, по которым давно уже тоскуют японцы…

— А мы, что мы получим за эти сокровища? — спросил Зорге. — Капитану — орден, а команде — по чарке сакэ?

— Ну, мы не настолько скромны. — Натузиус пытался взять под защиту германский торговый флот. — «Марианна» погрузит здесь каучук.

Богнер, член партии с большим стажем, всегда видевший

свои личные заслуги в любом достижении Германии, заявил, что он бесконечно горд подвигом судна.

Зорге согласился с ним.

— А как же это удалось? Ведь все моря забиты англичанами… да еще воздушная разведка?

Тут снова наступила очередь Натузиуса, специалиста по морским делам.

— Разумеется, нашей «Марианне» пришлось сделать гигантский крюк… Она далеко обходила обычные морские пути.

— Да, что и говорить, длительное морское путешествие. — Зорге сказал это совершенно равнодушно. Казалось, он потерял всякий интерес к «Марианне», узнав, что это судно. Он смотрел теперь мимо мужчин, продолжавших оживленно обсуждать поход «Марианны», прорвавшей блокаду.

Зорге видел все, что происходило вокруг. Ему бросилось в глаза странное выражение лица Танаки. Японец словно застыл у куста сирени и, казалось, забыл обо всем на свете. Его взгляд, устремленный в глубь сада, был полон удивления и восхищения.

Зорге проследил за его взглядом и понял, что приковало к себе внимание японца. Это была Биргит Лундквист. Чудесное создание снова оказалось в одиночестве! По всей вероятности, молодой итальянец, который только что был так увлечен ею, уже получил свою порцию ледяного душа. Его не было видно поблизости. Безжизненная скульптура, перед которой она теперь стояла, казалось, больше устраивала ее, чем общество жизнерадостного атташе.

В простом белом платье, со сверкающими светлыми волосами, она выглядела на темном фоне высокой изгороди как пришелец из другого мира. Естественная поза, в которой она стояла, была исполнена грации, непривычной для этой страны: нежный цветок далекого Севера, случайно попавший в Страну восходящего солнца. Разумеется, она привлекла внимание такого любителя прекрасного, каким был Танака.

Тем временем мужчины, стоявшие подле Зорге, продолжали свой разговор о «Марианне».

— А разве может это судно, — спросил торговый атташе Эллерброок, — взять столько топлива?.. Ведь ему пришлось совершить почти кругосветное путешествие!

— Каррамба, вы попали в самую точку, мой дорогой друг, — ответил капитан. — Конечно, даже наша славная «Марианна» не смогла бы набить в свое брюхо столько топлива, чтобы хватило на такой маршрут… В океане судно встретил танкер — добрая японская кормилица.

— Ладно, будем надеяться, — заметил Зорге, слышавший

одним ухом разговор мужчин, — что о дурацком рандеву не будут болтать при людях, для которых это могло бы представить интерес.

Он бросил эту фразу как бы между прочим, в конце концов, он не был моряком и у него совсем другие задачи.

— Вот это да, ребятки! — развеселившись, начал Натузиус. — Наш ясновидец, кажется, явно недооценивает нашу хитрость. Место, где встречаются кормилица и дитя, — государственная тайна. Она спрятана за толстой дверцей моего сейфа. — Капитан самодовольно рассмеялся. — И если даже какому-нибудь червяку удастся проникнуть сквозь двадцать сантиметров крупповской стали, то это ему тоже мало что даст. Каррамба! Все зашифровано… дважды и трижды!

Разговаривая, Зорге не упускал из виду Танаку, который погрузился в созерцание небольшой сценки. Красивая шведка стояла возле бронзовой фигуры, исполненной в натуральную величину. Зорге была известна эта грациозная статуя. «Танцующая» Кольбе удивительно походила на Биргит. Такие же точеные руки и ноги, та же грация в позе, и даже волосы, свободно ниспадающие на плечи, напоминали прическу шведки.

Несомненно, Танака сразу заметил сходство. А Зорге, обладавший поразительной способностью читать чужие мысли, понял, что происходит в душе японца.

— Посол восхищен вашим отчетом, — услышал Зорге. Обернувшись, он увидел Равенсбурга.

Зорге пожал ему руку, и они вместе пошли по саду.

— Делаем, что можем, — насмешливо произнес журналист, — и то, за что нам платят… Между прочим, я рад, что вы освободили меня от этого Натузиуса. Его грубые выражения действуют мне порой на нервы. И это вечное мальчишеское «каррамба»!

Равенсбург любил капитана и вступился за него.

— Другие делают и большие ошибки, — язвительно заметил он, — а что касается «каррамбы», то Натузиус, так сказать, связан с этим словом. На флоте его зовут только «Капитан Каррамба»!

Рихард Зорге поднял голову.

— А… я и не знал, что у него есть прозвище.

— «Каррамба» — его любимое слово еще с кадетских времен. Тогда это было модным выражением.

— Избытком фантазии, — сказал Зорге, — наш добрый капитан, видимо, никогда не отличался.

Равенсбург удивился: отчего это вдруг сегодня Зорге так настроен против Натузиуса?

— Конечно, богатая фантазия, — защищал Равенсбург

военно-морского атташе, — никогда не была отличительной чертой нашего друга. Но тем не менее он прекрасный человек и очень знающий моряк.

Зорге переменил тему разговора, предложив своему спутнику провести вечер в Йошиваре. Но Равенсбург отказался.

— Я хочу пойти вечером в клуб Фудзи… там интересная программа.

Кое-кто из гостей уже начал откланиваться, и Равенсбург оставил Рихарда одного. Зорге это было на руку, так как он мог выполнить то, что задумал.

Хотя самообладание было высшим принципом хорошего японского воспитания, Танака вздрогнул, когда Зорге обратился к нему.

— Я вижу, дорогой друг, это произведение искусства восхищает вас, — сказал Рихард, не уточняя, какое именно «произведение» он имел в виду.

Надеясь, что Зорге не понял его тайных мыслей, Танака восторженно начал хвалить статую. Затем заговорил о скульпторе Кольбе, работы которого ему были хорошо известны.

Слушая Танаку, Зорге как бы машинально шел с японцем к «Танцующей». Он сделал вид, что заметил шведку лишь в последний момент, когда они уже оказались рядом. Притворившись приятно удивленным, Рихард тем не менее не совершил ошибки, которую обычно совершали мужчины, разговаривая с Биргит. Он не стал ей улыбаться и не сказал обычных комплиментов.

— Биргит, я хотел бы вам представить господина Танаку. Он не только могущественный личный секретарь премьер-министра, но и один из самых образованных людей Японии. А вы знаете, — многозначительно добавил Зорге, — о чем это говорит в стране, где и без того много образованных людей.

От неожиданности, что сбылась его мечта и его представили этой северной фее, Танака, обычно такой умелый собеседник, потерял дар речи. Зорге сделал вид, что не заметил смятения японца, и ловко использовал момент, чтобы рассказать ему о Биргит.

— Моя молодая коллега считает себя дома в вашей стране, дорогой друг. По-японски она говорит свободно, как дочь Восходящего солнца, хотя сама больше похожа на полуночное солнце.

— Теперь я понимаю, — ответил Танака, который смог наконец взять себя в руки, — отчего солнце на ее родине длинные летние ночи предпочитает не заходить вообще… Оно не может оторвать взора от вас, милостивая государыня.

Но даже этот утонченный комплимент не тронул Биргит.

— Чудо полуночного солнца можно видеть севернее Полярного круга, — поправила она. — В Стокгольме, где живут мои родственники, в двенадцать часов ночи всегда темно.

— Между прочим, фрейлейн Лундквист дома даже тогда, — продолжал направлять разговор Зорге, — когда она находится здесь: она пишет для «Стокгольме тиднин-гаи».

Девушка бросила на Зорге взгляд, полный удивления, И спросила:

— Разве вы читаете страницу для женщин?

— Разумеется, — ответил он, — именно на этой страница нейтральной прессы порой скрываются важные с микологической точки зрения вещи. Но, несомненно, эти маленькие первые успехи надо развивать. Вам надо печататься на первой полосе. А в этом вам, бесспорно, может помочь мой друг Танака.

— Боже мой, первая полоса! — испуганно воскликнула Биргит. — Я не честолюбива. Пока, во всяком случае.

— Это неправильно, дорогая, — возразил Зорге. — Это абсолютно неправильно. Вы должны быть честолюбивой. В двадцать четыре года я написал первую передовицу. Вы в двадцать можете написать первую сенсационную статью, ну, например, о нынешнем напряженном положении на Дальнем Востоке.

— О, что у вас за фантазии, господин Зорге! — запротестовала Биргит, хотя ей было приятно, что он обратил внимание на ее первый журналистский опыт. — Между прочим, я совершенно не разбираюсь в здешней политике.

— А вам это вовсе и не потребуется, — возразил Зорге, — господин Танака вам все объяснит. У вашей газеты нет корреспондента на Дальнем Востоке. Подумайте только, что это будет означать для «Стокгольме тид-нинген», когда личный секретарь японского премьер-министра примет молодую сотрудницу газеты! Интервью, взятое из первоисточника… И вы сомневаетесь, что оно появится на первой странице? А потом ваша фамилия…

— Я, конечно, с большим удовольствием побеседую с молодой дамой, — с готовностью подтвердил японец. — Разъяснять представителям зарубежной прессы мирные намерения императорского правительства — это моя обязанность. А те, кого к тому же рекомендует мой друг Рихард Зорге…

Биргит не скрывала своего восторга от возможности, открывшейся перед ней.

— Господин Зорге, — сказала она, поклонившись неловко, по-мужски, — я очень благодарна за то, что вы познакомили меня

с господином Танакой, который так дружески отнесся ко мне.

— Ладно, ладно! — Рихард мягко отмахнулся. — Все в порядке… маленькая услуга коллеге.

Он был доволен собой. Его исключительная наблюдательность помогла сломать лед в отношениях с этой девушкой, которой хотелось, чтобы люди заметили и оценили ее ум, душевные качества, а не только ее привлекательную внешность. Комплименты своей красоте она воспринимала как своеобразное оскорбление, которое наносят ее уму. Ей было неприятно сознавать, что мужчины ищут близости с ней только из-за ее внешности. И никто не желал говорить с ней, как с умным человеком.

Зорге удивляло, почему ни один из тех мужчин, которые увивались вокруг Биргит, и увивались безрезультатно, не попытался, отбросив избитые комплименты, обратиться к ее разуму. Ведь, по мнению Рихарда, нельзя было не заметить высокой духовной организации этой девушки. Но большинство из окружавших его людей лишены дара читать, как в открытой книге, все то, что таится в душе других.

И именно потому, что он сам был редким знатоком человеческих душ, Биргит Лундквист улыбнулась ему так, как еще ни разу не улыбалась ни одному мужчине.

Таким образом, все шло, как хотел Рихард Зорге.

Танака, вне себя от счастья, надеялся, что день его встречи с этим чудесным созданием будет назначен уже сейчас. Но он заблуждался. По мнению Рихарда, японцу было бы полезно немного помучиться в ожидании.

— Простите, чуть было не забыл, что еще до встречи с моим другом Танакой собирался рассказать вам кое-что, — обратился к девушке Зорге. — Это, правда, не столь уж важно и могло бы подойти только для вашей женской страницы…

— Собственно, я имею отношение всего лишь к одной-единственной странице, — перебила Биргит.

Зорге не стал возражать, так как знал, что она не терпела фраз, смысл которых сводился к комплиментам.

— Именно поэтому я подумал о вас, когда получил сегодня фотоснимки с большой выставки кукол в Киото. Вы знаете, что эта выставка устраивается раз в десять лет. Вы могли бы написать милую статейку о ней… Снимки в вашем распоряжении.

Девушка засияла.

— Мы ведь не молодеем, — сказал Зорге, обращаясь к японцу, — и надо воспитывать подрастающее поколение. Иначе что будет с нашей прессой?

— Вот вам еще одно доказательство, — восхищенно заметил

Танака, — что доктор Зорге — отличный товарищ…

Зорге уловил легкий оттенок сомнения, прозвучавший этих словах, но Биргит ничего не поняла.

— Вы правы! — искренне воскликнула она. — Мне еще никто не помогал… только смеялись надо мной. И все потому, что у меня другие интересы, чем у остальных девушек и у мужчин, которые бегают за ними. — Потом она презрительно добавила: — Это все любители развлечений.

Танака был слишком хорошо воспитан, чтобы рассмеяться, а Зорге видел перед собой лишь свою цель.

— Итак, Биргит, — спросил он, — хотите посмотреть снимки?

— Конечно… конечно!

— Ну, до свидания, — простился Зорге с ошеломленным японцем.

Биргит протянула разочарованному Танаке руку, так и не решившись напомнить об обещанном интервью.

В Токио, как обычно и в других столицах Восточной Азии, комплекс посольства составляло несколько домов и вилл, разбросанных по просторному саду, окруженному стеной с воротами, у которых стоит охрана. Такое расположение называют «компаунд». Германское посольство тоже представляло собой компаунд, центром которого была резиденция посла — солидный дом в стиле конца прошлого — начала нынешнего века.

Резиденцию окружали виллы советника, обоих советников-посланников и маленький домик, где были квартиры холостяков — Равенсбурга и атташе Херцеля. В многоэтажном, хотя и менее заметном доме неподалеку от ворот располагались служебные помещения, исключая кабинет посла, который находился в резиденции. В задней части компаунда были разбросаны небольшие домишки персонала, гаражи и мастерские. Несмотря на большую площадь сада и множество построек, помещений для всех сотрудников не хватало. Некоторые, среди них был и доктор Зорге, жили за пределами компаунда. Для военных атташе, представлявших германские сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, выстроили новый дом, где также размещался недавно созданный информационный отдел Зорге.

Это длинное сооружение стояло в самом отдаленном углу сада. Оно было более современным, чем остальные здания, часть из которых представляла историческую ценность, поскольку это были первые дома, построенные в Японии в европейском стиле.

Зорге заставил себя не смотреть на террасу, где все еще продолжались оживленные беседы. Он был уверен, что очень многие, и прежде всего женщины, тайком наблюдают за ним с той минуты, как он вместе с Танакой подошел к молоденькой шведке.

Зорге и Лундквист долго шли на виду у гостей, пока наконец не скрылись в тени густых деревьев. Дорога к его бюро проходила через сад, и он мог представить себе, о чем говорят за его спиной…

Когда Рихард открыл стеклянную дверь в бюро, сидевший там молодой японец в очках быстро вскочил и, как принято в Японии, поклонился, с шумом втянув в себя воздух.

— Мой секретать, Иноэ-сан, — пояснил Зорге и провел девушку дальше, в свой кабинет.

— Большого порядка у меня вы не увидите, — извинился он, — я не очень-то люблю порядок.

Зорге, несомненно, сказал правду. В кабинете повсюду, даже на полу, громоздились кипы газет и журналов, книг и документов. В самых неожиданных местах валялись курительные трубки и коробки из-под табака. Только висевшие на стенах три или четыре дорогие японские гравюры на дереве говорили, что хозяину не чуждо стремление украсить свой кабинет.

— Я запретил слугам наводить здесь порядок, — рассказывал он Биргит, убирая с дивана пачку газет. — В этом содоме я чудесно ориентируюсь.

Он предложил ей сесть на диван, который только что освободил.

Беспорядок в комнате, запах крепкого табака, полузакрытые ставни — все это так явно говорило о привычках хозяина, что Биргит стало не по себе. Только теперь до нее дошло, что она осталась наедине с человеком, которому, как говорили, не могла противостоять ни одна женщина. Что же странного, если он презирал всех этих женщин!

Но она не относила себя ко «всем этим женщинам» и не считала, что принадлежит к легкомысленным «любительницам развлечений». Она была серьезным человеком с духовными запросами, и доктор Зорге, умница, понял это сразу. И все же… Улыбнувшись, Биргит представила себе, как некоторые лопнут от зависти, когда пойдут разговоры, что Зорге беседовал с ней, как коллегой, достойной уважения.

Между тем Рихард вынул из папки стопку фотоснимков и небрежно бросил их Биргит прямо на колени.

— Вот вам ваши чудесные куклы! Просмотрите все внимательно, а я пока пойду взгляну, что настучал телетайп.

Оставшись одна, Биргит подумала: «Сколько же женщин сидело на этом диване? Конечно же, не одна… Возможно, они не только сидели, но и лежали здесь… В его объятиях…» От этой мысли ей стало не по себе. Кто знает, может, и ей уготована такая же участь? Девушка занервничала, хотела встать с дивана,

пересесть. Но все стулья была завалены папками, бумагами, газетами. Освободить какой-нибудь стул она не решилась и осталась на диване. Ее взгляд остановился на фотоснимках. Видимо, о них-то и хотел поговорить с ней Зорге.

* * *

Однако Зорге не задержался у телетайпа. Он подозвал своего секретаря. Иноэ тотчас сообразил, что шеф собирается предпринять что-то серьезное.

— Встань около стеклянной двери и наблюдай за садовой дорожкой. Если увидишь, что кто-нибудь сюда идет, нажми кнопку звонка. Если же это будет капитан, то дважды!

С непроницаемым лицом секретарь занял пост у входа в дом.

Зорге мгновение помедлил, затем натянул тонкие нитяные перчатки. Не спеша пересек коридор и ключом открыл дверь кабинета военно-морского атташе. Здесь все было тщательно прибрано, каждая вещь лежала на своем месте. Нигде ни бумажки, ни конверта. Все было аккуратно спрятано, занавеси на окнах задернуты. В кабинете царила полутьма.

Зорге подошел к дверце замурованного в стену сейфа. Он хорошо знал этот сейф, по крайней мере снаружи. До сих пор стальной шкаф упорно сопротивлялся усилиям Зорге. Будь у сейфа замок, открывающийся ключом, Рихард очень скоро имел бы его дубликат. Но тут был установлен особый механизм, срабатывающий на определенную комбинацию цифр или на определенное слово. И цифры, и слово зависели от фантазии человека. В данном случае от фантазии капитана 1-го ранга Курта Натузиуса — человека без фантазии. И Зорге, зная, что для замка нужно слово-шифр из восьми букв, вспомнил излюбленное выражение капитана. Не колеблясь, он установил диски замка на слово «каррамба».

Бронированная дверь тотчас подалась и легко открылась. Внутренность сейфа была разделена на несколько отделений, заполненных голубыми папками военно-морского ведомства. Зорге не было нужды копаться во всех этих папках. Капитан был слишком большим педантом, чтобы совать куда попало входящие документы, не обращая внимания на их тематику или дату поступления.

Зорге работал совершенно спокойно. Он был уверен, что в случае опасности его предупредят. А владельцы кабинетов, расположенных в этом доме, все еще находились среди гостей в саду. Пока продолжается прием, все сотрудники посольства

должны быть там. Это их обязанность. Просматривая обложки папок, Зорге наконец нашел то, что требовалось. Он, не торопясь, вынул документ из папки и положил его на курительный столик. Затем взял в рот сигарету, достал из кармана пиджака спичечный коробок и склонился над шифровкой. Кончик сигареты ослепительно вспыхнул. Миниатюрный фотоаппарат в форме спичечного коробка сделал свое дело.

Зорге аккуратно положил шифровку точно на прежнее место, запер сейф и вышел из кабинета капитана. Только В коридоре он снял перчатки и подал знак японцу, стоявшему у входной двери, что все в порядке.

Посол придал отчету Зорге надлежащую форму и, вполне довольный, возвратился в сад.

Сведения, полученные им сегодня от своего самого ценного сотрудника, были не просто важными. Они разрешали проблему, над которой в Берлине давно ломали голову. Отчет, который только что отправлен специальным курьером в Германию, произведет на Вильгельмштрассе большое впечатление. А это наверняка поможет дальнейшей карьере посла Тратта!

Не удивительно, что посол очень тепло и сердечно относился к Зорге. Тратт хотел еще раз поблагодарить журналиста, но среди гостей не нашел его. Посол подошел к группе, собравшейся вокруг Натузиуса. Тратту хотелось, чтобы эти люди узнали, как он признателен своему другу.

— Да-а, господа, сейчас, во время войны, о людях следует судить только по их делам. Нельзя придавать значения первому впечатлению, которое производит человек.

— Вы, видимо, говорите о Зорге, — сухо заметил советник.

— Да, дорогой мой, я говорю о докторе Рихарде Зорге, — подтвердил Тратт. — То, что он принес мне сегодня, ценнее, чем целая танковая дивизия. Такой сотрудник просто незаменим… Да, да, незаменим!

Доктор фон Эбнер хорошо понимал, почему посол хвалит Зорге именно при нем: всем было известно, что Эбнер и Зорге друг друга не переносили.

— Я вовсе не собираюсь принижать заслуги господина доктора Зорге в области сбора информации, — обиженно возразил советник. — Я даже готов признать, что его прогнозы сбываются.

— А сегодня, дорогой Эбнер, мы получили еще одно доказательство этому, — торжествующе засмеялся посол. — Сегодня снова подтвердилось, что события, которые он предвидел три недели назад, сбылись точь-в-точь!

— Мне хотелось бы только узнать, — сказал Богнер, — где он

добывает свою информацию. Ведь на свете нет людей, которые умели бы хранить тайны лучше, чем японцы.

Посол пожал плечами.

— Наш друг Зорге тоже умеет хранить в тайне свои методы.

— Я убежден, что он делает это с помощью алкоголя! — воскликнул капитан. — Каждый знает, что Зорге может выпить бочку и не опьянеть. А наши японские друзья теряют рассудок уже после двух рюмок, хотя всегда намерены выпить гораздо больше.

Посол не поддержал разглагольствований Натузиуса.

— А где он, собственно?

Тут уже позволил себе засмеяться советник.

— Недавно видели, как господин Зорге шел к себе в бюро.

— Я хотел бы сейчас еще раз поблагодарить его, — сказал Тратт, — боюсь, что сегодня я его больше не увижу.

Посол поставил свой бокал и собрался идти. Остальные не стали его задерживать. И тогда Равенсбург, опасаясь скандала, сказал, что, идя к себе в бюро, Зорге был не один, а с дамой.

Было заметно, что Тратту неприятно это известие. Но раз он только что объявил, что для него имеют значение лишь результаты служебной деятельности человека, он не стал опровергать себя.

— С ним была хорошенькая молодая шведка, — разъяснил послу советник, — фрейлейн Лундквист.

Тратт не выдержал.

— Мне действительно это не нравится. Должен же он знать границы…

Равенсбург, как обычно в таких случаях, вступился за Зорге.

— Я убежден, господин посол, что он знает границы, особенно когда дело касается Лундквист. Насколько мне известно, он помогает ей в журналистской работе.

Попытка Равенсбурга взять под защиту Зорге вызвала всеобщий смех.

Капитан 1-го ранга хмыкнул:

— В журналистской работе, говорите? Знаем мы эту работу.

Эбнер же похлопал Равенсбурга по плечу и, пытаясь успокоить, сказал:

— Я неплохо отношусь к Зорге и все-таки думаю, что в этих делах он далеко не ангел.

Но Равенсбург не унимался.

— Речь-то идет в конце концов о маленькой Лундквист… Это хрупкое существо сумеет постоять за себя и дать отпор любому.

— Да, кажется, — с ухмылкой проговорил атташе по связям с полицией. — Ну а если на нее двинется целая танковая дивизия?

Что тогда?

— Танковая дивизия, — громко сказал атташе, — может, и не одолеет маленькую Лундквист. А вот ледокол, тот, пожалуй, справится.

Капитан 1-го ранга наставительно заметил молодому дипломату:

— Не надо поддаваться недоброму чувству. Знаете какому? Чувству зависти байдарки к большому кораблю.

— Господа! — обратился Тратт, которому не нравился начинающийся разговор. — Мы забыли о гостях. Они уже начинают расходиться.

Пододвинув стул, Зорге сел напротив девушки.

— Снимки чудесные, — сказала Биргит, — а текстовки к ним очень облегчают дело.

— Я рад, что вы здесь… — начал Зорге.

Он произнес эту фразу таким изменившимся голосом, что Биргит испугалась. «Выходит, начинается его обычная игра, — подумала она, — а все остальное было лишь предлогом».

— Я всегда мечтал, чтобы у меня был ученик, — продолжал Рихард, — молодой, увлеченный и способный человек, который помогал бы мне. Вы, наверное, знаете, Биргит, что во многих мужчинах заложен инстинкт обучения. Хочется стать большим мастером, собрать вокруг себя учеников… Ну хотя бы одного. — Он засмеялся. — Так бывает, когда у человека нет семьи и он посвящает своей профессии всю жизнь без остатка… Если нельзя продолжить себя с помощью семьи, стремишься найти преемника, который продолжил бы дело твоей жизни…

— Я понимаю, — ответила Биргит, не догадываясь, куда он клонит. — Но здесь есть много молодых людей, которые были бы счастливы…

Зорге решительно покачал головой.

— Нет, дорогая, никто из них не знает, что я имею в виду, что мне нужно…

— Может быть, вы требуете слишком много?

— Да, конечно, — признался он, — то есть я требую не слишком много, а просто много. Я требую подлинно серьезного отношения к делу и умения жертвовать всем, что может быть помехой в нашей профессии… Что может мешать нашей свободной профессии, — уточнил Зорге.

Биргит кивнула. Примерно так же думала и она. Ведь иначе в жизни ничего не добьешься. Ее отец придерживался такой же точки зрения.

— Я говорю с вами об этом, Биргит, — продолжал Зорге, — зная, что вы того же мнения. Известно, наш брат пишет не для

того, чтобы заработать на хлеб, а по той простой причине, что иначе не может. Вы еще только начинаете и пока сомневаетесь в своих силах. Это хорошо, надо сомневаться всегда, чтобы совершенствоваться. Вам еще многому надо учиться. Но раз есть желание, я спокоен за ваше будущее. Именно поэтому я вами интересуюсь.

Он замолчал, чтобы дать ей возможность ответить. Но это было нелегко. Разговор начинал сбивать ее с толку.

— Если я вас правильно поняла, господин Зорге, — сказала она наконец, — вы хотите, чтобы именно я стала тем учеником, которого вы ищете?

Биргит поразило, что Зорге не поддакнул тут же, как она ожидала, а пожал плечами.

— Хм… я в самом деле думал об этом. Тут, правда, есть одно «но», и даже большое. Вы не парень… Вы девушка и очень привлекательная, а моя дурная репутация вам известна. Как думаете, что скажут о вас, если вы станете моей ученицей?

Биргит облегченно вздохнула.

— Мне это совершенно безразлично, — заверила она, — я никогда не придавала значения тому, что говорят люди. И мой отец тоже. Мы ни от кого не зависим.

— Напрасно вы так говорите, — предостерег Зорге. — Токио не необитаемый остров, а маленькое и гадкое захолустье. По крайней мере когда дело касается европейцев.

— Разговоры меня не беспокоят, — продолжала настаивать она, — так же как и моего отца. Он закупает меха в Маньчжурии и в Сибири у людей, которым абсолютно безразлично, работает его дочь у доктора Зорге или нет.

— Ну хорошо, — согласился он, — сплетни злых женщин вас не волнуют. Но не забывайте, что моя неважная репутация имеет основания. Я не всегда могу поручиться за себя. Вы не только умны и талантливы, Биргит, вы еще и очаровательны.

Не ожидая ответа, он взял пачку фотографий с ее колен и встал.

— Я скажу, чтобы вам это завернули. Он вышел в приемную.

Когда Зорге снова вошел, Биргит встала.

— Когда же, — спросила она, — я могу начать? В чем будет состоять первое задание вашей ученицы?

Зорге подошел к ней. Он был намного выше, и Биргит смотрела ему в глаза, сильно запрокинув голову.

— Я думаю, — сказал он после некоторого раздумья, — что ваше интервью с Танакой… Вы же знаете, я говорил с ним об этом в саду… Интервью будет для вас экзаменом.

— Хорошо. — Она откинула со лба прядь волос. — Только

смогу ли я? Такая важная политическая беседа… Не знаю, о чем нужно говорить…

Зорге почувствовал, что Биргит теряет остатки уверенности.

— Если не чувствуете уверенности в себе, то положитесь хотя бы на меня, — утешил ее Зорге. — Я все подготовлю. Ведь это принято среди коллег.

Он положил свои крупные руки на ее плечи.

— Вы прежде всего должны постараться побороть в себе все мещанские предрассудки. Дружба мужчины с женщиной нелегка.

— За мной дело не станет, — заверила она, не поняв толком, что он, собственно, имел в виду. — Можете быть уверены, я постараюсь.

Он промолчал, и она решила, что настало время уходить.

— У вас еще, наверное, много дел, а я вас и так надолго задержала.

Рихард протянул ей руку. Когда же она вложила в нее свою, властно притянул Биргит вплотную к себе. Рихард понял, что планы, которые он с ней связывал, осуществятся…

* * *

Зорге выжимал из своего маленького разболтанного автомобиля все возможное. Дорога вдоль побережья была узкой и изобиловала крутыми поворотами. В этот поздний час навстречу не попалось ни одной машины.

Наконец он резко затормозил и выключил фары. Подождав, пока глаза привыкнут к темноте, снова дал газ, резко свернул влево, и машина, подпрыгивая и дребезжа, покатилась по каменистому дну высохшего ручья, широкой дугой огибавшего холм. Через несколько десятков метров, скрывшись за холмом, Зорге остановил машину. Теперь с дороги ее не было бы видно даже днем.

Местность казалась пустынной, покинутой. Слышался лишь рокот прибоя. Зорге без колебаний шагнул в темноту. Через некоторое время замедлил шаг, закурил сигарету. Почти тотчас где-то впереди вспыхнул огонек спички, осветив лицо японца.

Зорге кивнул и молча последовал за ним.

По прибрежной гальке они спустились к мысу, где без огней стояло большое рыболовное судно. По качающейся мокрой доске поднялись на борт.

Спустившись по трапу, Рихард распахнул дверь каюты. В тесном помещении, освещенном тусклым светом, у столика сидел какой-то европеец и копался в радиоаппаратуре. Увидев Зорге, он быстро вскочил.

— Есть что-нибудь новенькое, начальник? Зорге кивнул.

— Да, Козловский. Может быть, и будет, если мне удастся дешифровать одну штуку.

Лицо радиста расплылось в восторженной улыбке.

— Вы-то сумеете, начальник. Такой ясновидец, как вы, сможет прочитать все, что угодно.

Его восхищение не польстило Зорге. Он знал себе цену. Благодаря необычайной проницательности и интуиции ему часто удавалось читать чужие мысли. Но для того, чем он собирался заняться сейчас, одних этих качеств было мало.

— Хотел бы я быть ясновидцем, — сказал он Козловскому, — тогда мне не пришлось бы корпеть всю ночь.

С этими словами он открыл один из ящиков в стене. И хотя тот был пуст, Зорге уверенно сунул руку вглубь. Откинулась задняя стенка, за которой оказался тайник, заполненный книгами и стопками бумаг. Взяв несколько книг и кое-какие бумаги, он обратился к радисту:

— Дай-ка мне что-нибудь выпить, только побольше, чтобы хватило на всю долгую ночь!

Зорге сбросил пиджак — в тесной каюте было жарко, лампы на потолке не только светили, но и грели.

Козловский поставил на стол бутылку джина и стакан. Стакан, конечно, был слишком велик для такого крепкого напитка. Однако Зорге умел пить.

Затем он сказал:

— Бранкович снова сработал неплохо. Быстро и чисто. Правда, «блиц» опять чуть было не подвел. — Зорге налил себе джину, достал из кармана пачку японских сигарет.

Сев за стол и разложив на нем книги и документы, он вынул из кармана фотокопию телеграммы, переснятой в кабинете капитана 1-го ранга Натузиуса, и показал ее Козловскому.

— Догадываетесь, о чем тут речь? — спросил Зорге.

— Женщины?

— Нет, кое-что получше — корабли! Рандеву! Козловский многозначительно присвистнул.

— Ну, если так, не буду больше мешать.

Зорге собирался приступить к работе над секретной телеграммой, зашифрованной германским военно-морским кодом, который до сих пор считался самым надежным.

Ключа к шифру у него, конечно, не было, но были кое-какие документы, таблицы и тексты ранее дешифрованных им телеграмм. И самое главное: он знал, о чем должна идти речь в этой телеграмме.

В какой-то мере это облегчало работу. В остальном ему должна была помочь его редкая способность «отгадывать» и «домысливать». Безошибочная интуиция часто приносила ему успех тогда, когда он уже больше не мог разобраться в комбинациях шифра, когда пасовала его железная логика. Зорге и сам едва ли отдавал себе отчет в том, как получалось, что иногда тайное содержание колонок цифр вдруг становилось ему понятным. Видел он их, что ли, насквозь?

Но так бывало не всегда. Ведь далеко не вся переписка попадала ему в руки. Приходилось довольствоваться отрывками. Анализируя их, он буквально ощупью подвигался дальше. Порой благодаря опыту и таблицам ему удавалось дешифровать материал. Но заранее поручиться за успех он не мог никогда. Нередко случалось, что утомительная работа на протяжении многих дней и ночей оказывалась бесплодной…

Около полуночи Козловский выкинул гору окурков, переполнявших пепельницу. Лоб Зорге покрыла испарина, ворот рубашки был широко распахнут. Лист бумаги перед Рихардом

был все еще чистым.

И только на рассвете, когда серые лучи наступающего утра начали, пробиваться сквозь прикрытые иллюминаторы, Зорге вдруг резко откинулся на спинку стула. Упершись кулаками в край стола, он несколько секунд неподвижно сидел в таком положении. Затем схватил карандаш и быстро набросал две строки на чистом листе.

— Черт побери! — воскликнул Козловский. — Поздравляю!

— Дай мне нож, — попросил Зорге и разрезал лист на две половинки.

— Зачем? — поинтересовался радист.

— Восемь слов — слишком много для одного сеанса. Ведь японцы стерегут эфир, как кошки мышь. Не хочу, чтобы они тебя запеленговали. Сейчас ты передашь одну строчку — вот этот листок. Потом выйдешь на своем корыте в море и вечером передашь остальное. Затем пришвартуешься в Имаиногама. Ясно?

Козловский кивнул. Однако Зорге заставил его слово в слово повторить приказание.

— Ты знаешь, что надо сделать, если что-нибудь случится?.. Я полагаюсь на тебя.

Вместо ответа Козловский отдернул в сторону грязную занавеску, за которой были видны радиопередатчик и обычная на вид картонная коробка.

— Двенадцать кило тола, — ухмыльнулся он. — С таким горючим наш челнок взлетит высоко в небо.

— А мы полетим в противоположную сторону, — добавил Зорге.

Козловский засмеялся.

— Если поступит что-нибудь важное, — продолжал Зорге, — днем ты меня вряд ли найдешь. А после девяти я буду в клубе Фудзи.

Попрощавшись, Рихард поднялся на палубу и по узкой сходне сошел на берег. В тени под скалой сидел Ямагути — тот самый японец, который встретил его вчера. Он сторожил здесь всю ночь.

— Спасибо, иди спать, — сказал ему Зорге и, взобравшись по откосу, усыпанному галькой, пошел к своему автомобилю.

Глядя на невзрачный деревянный домик позади здания императорского военного министерства, трудно было предположить, что именно здесь помещается организация, которой придавали огромное значение. Это была контрразведка.

Ее власть, так же как и денежные средства, которыми она распоряжалась, была практически неограниченна. Она имела обыкновение работать без шума. Ее щупальца простирались вплоть до Европы и Америки, уши были повсюду, даже в эфире.

Этим занималась служба радиоперехвата и пеленгования.

Люди у пеленгаторов сидели в постоянной готовности. Три смены радистов круглые сутки непрерывно прослушивали эфир. С давних пор над империей летели радиограммы, происхождение которых оставалось загадкой. Это случалось, правда, очень редко, но тем не менее было ясно, что передают их из Японии.

Полковник Одзаки тревожился, так как понимал, что имеет дело с умным противником. Радиограммы были настолько короткими, что ни стационарные, ни подвижные пеленгаторы не успевали засечь передатчик, месторасположение которого, казалось, меняется каждый раз.

Уже несколько недель начальник контрразведки держал наготове своих лучших специалистов.

— Если наш противник так умело скрывается, — поучил он подчиненных, — значит, он осторожен и поэтоту вдвойне опасен. Япония стоит на пороге больших решений. И прежде чем они будут приняты, тайный передатчик должен умолкнуть навсегда. Две или три недели в эфире было тихо, но бдительность контрразведки не ослабевала. Усилились поиски на других диапазонах.

И вот он снова появился! Вскоре после рассвета, когда люди, работавшие ночью, готовились сдать смену, передатчик вышел в эфир на своей прежней волне.

Но на этот раз все было готово, и контрразведчики не потеряли ни секунды. Раздались звонки тревоги. Пеленгаторные автомобили, завывая сиренами, выскочили из гаражей. В течение пяти секунд было извещено командование военно-морских сил, и сразу же антенны пеленгаторов флота уставились в сторону суши.

И именно в этот миг передатчик замолк. Тем не менее контрразведчикам удалось определить направление, откуда велась передача. Враг притаился в районе полуострова Идзу, примерно в ста десяти километрах юго-восточнее Токио.

— Местность там не очень населенная. Имеется всего одна дорога, идущая вдоль побережья, — объяснял Одзаки своим людям. — Надо обыскать каждый дом у этой дороги. Опросить всех людей, живущих на отлете. В пустынной местности чужой человек бросается в глаза.

Приказы были немедленно отданы, но полковник Одзаки не верил в быстрый успех. Его противники до сих пор вели себя умно. Почему же сегодня они должны ошибиться и попасться на глаза людям в этой пустынной местности?!

— Напасть бы на след, — говорил спустя некоторое время Одзаки барону Номуре, начальнику отдела иностранных флотов в главном военно-морском штабе, — на какой-нибудь след, или, на

худой конец, зацепиться бы за подозрительный факт…

Моряк улыбнулся.

— Меня бы удивило, Одзаки-сан, если бы у вас такого факта не оказалось.

Полковник смотрел через окно на пустынный двор.

— Я не даю волю неясным предположениям, — сказал он, — я не допущу, чтобы они сбили меня с толку.

Он помедлил немного и затем добавил:

— Это правда, я надеялся, да и сейчас надеюсь, что ваша дочь сможет найти ниточку, с которой связаны мои пока еще слабые догадки.

— Сожалею, — вежливо сказал капитан 1-го ранга, — что неспособность моей дочери причиняет вам такие неприятности.

— Дочь из столь высокого дома, как ваш, — так же вежливо возразил Одзаки, — уже оказала мне большую помощь в моих жалких усилиях. Кроме нее, у меня нет никого, кто бы мог общаться с чиновниками из германского посольства на равной с ними ноге. Вы же знаете, как связаны у меня руки из-за этого несчастного дипломатического иммунитета. Я уже подумывал, нельзя ли… Капитан в испуге замахал руками.

— Только не делайте этого, Одзаки-сан! — воскликнул он. — Очень опасно, если мы, японцы, нарушим экстерриториальность посольства. Даже если ваши люди сделают все очень умело, это могут обнаружить. И тогда… Ведь иммунитет основывается на взаимности. Подумайте только, Одзаки-сан, что будет, если в ответ и наши посольства за рубежом…

Он мог не продолжать. Одзаки хорошо понимал, что имел в виду Номура. С иностранными представительствами следовало обращаться очень осторожно.

— Я еще раз поговорю с высокочтимой Кийоми-сан, — сказал полковник. — Не исключено, что ваша дочь узнала что-нибудь, на ее взгляд, несущественное, но что могло бы нам все-таки помочь.

— Мне кажется, было бы неплохо узнать, — предложил барон Номура, — каковы личные взаимоотношения между немцами в посольстве. Маленькие недоразумения, возникающие в любом учреждении, могут рассказать порой об очень многом.

Капитан поднялся, собираясь уходить.

Поскольку собеседники были равными по рангу, они одновременно поклонились и с шумом, как это принято, втянули в себя воздух.

Когда Герберт Равенсбург вошел в вестибюль клуба Фудзи, обе девушки, обслуживающие гардероб, улыбнулись.

Конечно, персонал клуба знал, почему этот немец, с тех пор как семинар по японологии начал демонстрировать старинные

танцы, регулярно ходит сюда. По их мнению, его интересовали не эти скучные представления.

И все же они ошибались. Даже если бы у Равенсбурга и не было особых личных причин, он все равно бы ходил в клуб. Герберт использовал любую возможность, чтобы в этом современном городе увидеть хоть кусочек старого мира Японии, мира, который уже давно либо переместился в отдаленные уголки страны, либо уединился за монастырскими стенами.

Сам по себе клуб Фудзи был порождением современности, местом, где встречались европейцы и американцы с японцами, получившими образование в разных странах и жившими на западный манер. Соответственно выглядело и оборудование клуба. Мебель европейского стиля, картины новейшей японской школы и одновременно пестрые кимоно, в которых ходили служанки. Многие европейцы, незнакомые с японским вкусом, поражались, узнавая в декоративных растениях, помещенных в дорогие фарфоровые горшки, капусту — цветную и красную. Но тех, кто, подобно Равенсбургу, давно жил в стране, такие вещи уже не удивляли.

Хорошенькая гардеробщица поспешила отворить Равенсбургу дверь. Не ту большую, которая вела в зал, а маленькую, слева, открывавшую проход в узкий коридор.

Равенсбург не сдержал улыбки: «Разве скроешь что-нибудь в этой стране!»

Он прибавил шагу, чтобы быстрее пройти длинный пустынный коридор, и наконец постучал в последнюю дверь. Она немедленно отворилась, выпуская пожилую японку с ворохом сверкающей ткани в руках.

Равенсбург прошел в комнату и замер в удивлении. Он хотел обнять Кийоми, но это было невозможно. Целое облако тяжелого шелка и плотной парчи помешало ему. Над облаком из тканей и красок возвышалось смеющееся лицо.

— Нравлюсь я тебе в таком средневековом одеянии? — спросила Кийоми.

— Честно говоря, мне больше по душе двадцатый век, — возразил он. — Это же крепость, а не платье. Мне никогда не преодолеть ее стен.

Тяжелая ткань зашуршала. Девушка наклонилась, желая поцеловать его. Кийоми сделала это очень осторожно, чтобы не нарушить складок, уложенных определенным образом.

Молодая баронесса Номура, слишком высокая для японки, была почти одного роста с Равенсбургом. В Стране восходящего солнца высокий рост считался признаком благородного происхождения и означал, что японское дворянство — особая

раса, которая даже чисто внешне заметно отличается от простого народа. Кийоми казалась намного стройнее, чем обычно бывают японские женщины. Но сейчас трудно было все это заметить, так как пышные одежды укутывали девушку вплоть до подбородка.

В кругу молодых японцев дочь капитана Номуры не считали особенно красивой. На их взгляд, ее лицо было слишком выразительным и недостаточно круглым. Недостатком считали они и живость ее глаз. Однако европейцы находили Кийоми пленительной. Ее приветливая улыбка, обаяние и прежде всего уверенность, с которой она себя держала, были порождены далекой Европой. Отец Кийоми долго жил за границей, работая военно-морским атташе в Риме и Берлине. Детство Кийоми прошло в Европе. Очень рано лишившись матери, она выросла куда самостоятельней других девушек. Ей были чужды робость и приниженность, свойственные японкам. Она воспитывалась не в строгости и уединении, как принято в японских семьях, а была хозяйкой в доме своего отца. В отличие от других дочерей из хороших семей, она имела профессию. Юная баронесса Номура была сотрудницей профессора Мацумото, которому правительство поручило спасти культурные ценности страны — те, что еще уцелели к нынешнему времени.

К этим ценностям относились и сложные полузабытые танцы, которые прежде в особых случаях исполнялись в храмах. И то, что Кийоми посвятила себя этой области старины, спасло девушку от беспощадных критиков из аристократических кругов, которые наверняка резко осудили бы ее за то, что она живет не так уединенно, как полагалось девушке ее происхождения.

Кийоми увидела, что у Равенсбурга плохое настроение.

— У тебя неприятности? Если так, я бы хотела разделить их с тобой.

Он не хотел пока рассказывать ей о неприятном известии. Но она, казалось, догадывалась, в чем дело.

— Если бы это были обычные служебные неприятности! Но это хуже, Кийоми. Гораздо хуже!

Она вздрогнула точно так же, как Равенсбург, когда посол отвел его в сторону на приеме.

— Значит, из Берлина ответили отрицательно? Равенсбург молча кивнул.

Девушка плотнее запахнулась в парчу, словно ей стало холодно. Но быстро овладела собой.

— Не огорчайся, дорогой. Мы ведь ничего другого и не ожидали.

— И все-таки я не сдамся! — горячо воскликнул он. — Я не сдамся… я поеду в Берлин.

Она умоляюще протянула к нему обе руки.

— Не делай этого, Герберт, не езди в Берлин, дорогой! Это было бы большой ошибкой… Мы ведь и так вместе, мы любим друг друга.

Равенсбург ласково погладил ее по руке.

— Пока мы оба здесь, в Токио, еще можно смириться, — согласился он. — Но ведь меня в любой день могут перевести. Идет война, и я, конечно, попросился на фронт. Меня могут призвать со дня на день… Мы должны подумать о своем будущем…

— Герберт, ты загадываешь очень далеко наперед!

— Я обещаю тебе найти выход. Я уже… Ну ладно, мы поговорим об этом в другой раз.

Раздался резкий стук в дверь, и в комнате появилась костюмерша. На ее лице была недовольная гримаса. Костюмерше не нравилось, что у баронессы Номура могут быть интересы, не имеющие отношения к классическому искусству. Она протянула девушке большую волосатую маску. Кийоми, схватив ее обеими руками, надела на голову. Превращение было полным. Вместо прелестного девичьего лица на Равенсбурга смотрела страшная маска. Рыжие, цвета ржавчины, спутанные волосы ниспадали на плечи девушки, полностью закрывая их. Из оскаленной пасти торчали волчьи клыки, на месте глаз ярко полыхали большие ярко-красные круги.

— Кийоми, не смей носить это! — запротестовал возмущенный Равенсбург. — Отвратительный наряд!

Она рассмеялась.

— Не забывай, что, несмотря на пугающую внешность, я добрый демон. Я прогоняю злых духов, чтобы они оставили в покое рисовые поля крестьян. Я добрый дух… и тот, в кого я вселяю ужас, все же любит меня.

— Прогони тогда и моих духов, — с грустью попросил он, — которые хотят нас разлучить.

Костюмерша, укоризненно поглядывая на Равенсбурга, расправила складки тяжелой ткани на девушке, и «демон» исчез из комнаты. Равенсбург отправился в зрительный зал и сел за маленький, заказанный им столик у самой сцены.

Зал был заполнен всего на две трети. Но и это считалось нормальным. Старинные медленные танцы не пользовались популярностью в нынешней столице. Чтобы понять символику этих обрядовых танцев, нужно было разбираться в старинной японской музыке, сопровождавшей каждое движение танцующих. В этой музыке отсутствовала какая бы то ни была гармония, да и вообще все то, что мы привыкли понимать под словом «музыка».

Кийоми объяснила Равенсбургу, что означают отдельные фрагменты ее танца. Это была древняя религиозная легенда.

Крестьяне отдаленной долины долго страдали от ночных заморозков, которые губили их урожаи. Наконец, не выдержав, они обратились к страшному и уродливому демону Угаци, прося помочь им. И Угаци оказался вовсе не таким страшным и злым, каким его считали, он обещал помочь крестьянам. Холодными весенними ночами он отправлялся на поля и распугивал злых духов, которые уже были готовы погубить нежные ростки. В награду за добрые дела счастливые крестьяне назвали Угаци своим защитником и выстроили для него храм.

Танец потребовал от Кийоми большого напряжения — он длился долго и состоял из множества сложных движений. Дышать в тяжелой маске было трудно. Одежда из плотных тканей тоже весила немало. В дополнение ко всему в зале среди гостей сидел профессор Мацумото. Кийоми знала, что он-то заметит любую, даже малейшую ошибку.

Вскоре после первого антракта в зале возникло движение. Появился Рихард Зорге, который в полутьме пытался отыскать Равенсбурга. Увидев его, он подошел и сел рядом.

Зорге был одет в поношенный костюм «на все случаи жизни». Манжеты, выглядывавшие из рукавов, были несвежими. Но это его нисколько не смущало. Даже наоборот!

— Неплохо устроились здесь люди, — обратился он Равенсбургу достаточно громко, так что его можно было слышать за соседним столиком. — В темноте не видно, кто может себе позволить такую роскошь, как чистая сорочка.

— Вас, дорогой мой, — добродушно возразил Равенсбург, — все равно не обвинят в роскошестве, даже при ярком солнце.

— Тогда я спокоен, — засмеялся Зорге и бросил недоуменный взгляд на свободный стул, стоявший у стола.

— Я был убежден, что наконец-то встречу вас с женщиной… А вы опять сидите один.

Равенсбург заверил его, что чувствует себя отлично и в одиночестве.

— Вот уже три года я знаю вас, — продолжал Зорге, — и так же, как и любой из нас, знаю, что вы где-то спрятали красивую, как солнечное сияние, женщину, для которой вы с редким упорством храните германскую мужскую верность… Знаете, Равенсбург, это не очень-то порядочно с вашей стороны! Чистейший эгоизм — лишать своих соплеменников возможности восхищаться вашей драгоценностью. Разве вам не хочется немного насладиться завистью других?.. Это же доставляет бесконечно большое удовольствие!

Тон, которым он говорил, был крайне неприятен Равенсбургу. В конце концов, даже если Зорге и не знал о Кийоми, речь шла о ней. Равенсбург с трудом подавил раздражение.

— Нет, дорогой мой, так лучше. Во всяком случае, поостерегусь знакомить вас с девушкой.

— Может быть, вы и правы, — сказал Зорге. — Моя неважная репутация накладывает известные обязательства, от которых я не могу уйти.

Во время этого разговора даже сильно развитое «шестое чувство» Зорге не сумело подсказать ему, что таинственная женщина, о которой шла речь, находится рядом. Скрытая пышными складками материи и уродливой маской демона, она ритмичными шагами двигалась по сцене.

Зорге пришел сюда, желая, видимо, показать присутствующим, что он интересуется культурой древней Японии. Но ему было скучно. Его взгляд все чаще устремлялся в конец зала. Он хотел посмотреть, что за люди ходят на такие представления.

Внезапно он слегка вздрогнул. У входа в зал стояла женщина, которую он знал и которая, очевидно, его искала. Равенсбург проследил за взглядом Зорге и тоже увидел женщину. Это была европейка, лет тридцати — тридцати пяти, одетая очень просто. Она выглядела несколько грубоватой, хотя была модно и аккуратно причесана.

— Я поражен, Зорге, — съехидничал Равенсбург. — После романа с хрупкой Лундквист могло показаться, что ваш вкус стал тоньше.

Зорге усмехнулся.

— Нет, мой дорогой. Самая соль в контрасте… Прощаясь, он хлопнул Равенсбурга по плечу и, не оглядываясь, пошел к выходу. Равенсбург увидел, что Зорге коротко поздоровался с женщиной, словно они были давно знакомы, и потом исчез вместе с ней за двойной дверью.

* * *

Запыленная, вся во вмятинах машина Зорге стояла у подъезда фешенебельного клуба Фудзи, как раз там, где висел знак, запрещающий стоянку. Зорге подвел свою молчаливую спутницу к автомобилю и, открыв дверцу, предложил сесть.

— Ну так что же случилось? — спросил он, с трудом из-за своего высокого роста втиснувшись за руль и трогая машину с места.

Вера Бранкович молча открыла сумочку и осторожно вынула оттуда листок бумаги.

— Я не знаю, что там написано, — сказала она. — Это зашифровано.

Зорге небрежно сунул листок в карман пиджака и, остановив автомобиль у ближайшего светофора, высадил Веру. Кивнув, он захлопнул дверцу и дал газ.

Через полтора часа Зорге подъехал к бухте Имаиногама. Это была не обычная уединенная бухта, каких много на побережье Идзу. В Имаиногаме всегда сновало множество рыболовных судов, доставлявших сюда свой улов. Вблизи гавани находился небольшой отель, которому принадлежало несколько бунгало на берегу, куда часто выезжали парочки, искавшие уединения. Поэтому к европейцам здесь привыкли. Они часто спускались в гавань, чтобы полюбоваться ее пестрой жизнью. На чужие суда здесь тоже никто не обращал внимания, если, конечно, они не очень отличались по своему виду и не застревали тут надолго.

Уже стемнело, и Зорге, не опасаясь, что его кто-нибудь увидит, спокойно поднялся на борт судна. Машину он оставил на набережной среди автомобилей рыботорговцев: она ничем не выделялась. Все, что делал Зорге, таило в себе определенный смысл. И то, что он никогда не мыл свой автомобиль, тоже имело свои причины.

Козловский, громко храпя, спал в каюте на узком диванчике. Зорге не стал его будить: нужды в этом пока не было.

На этот раз Зорге вынул из тайника лишь листок картона. На нем ничего не было видно, кроме беспорядочно разбросанных отверстий, делавших его похожим на сито. И тем не менее это был ключ, с помощью которого можно было расшифровать документ, полученный им от Веры. Записка на первый взгляд состояла из сплошных рядов букв, сочетание которых было совершенно бессмысленным.

Зорге наложил картонку на записку так, чтобы совпали края, и прочитал текст, сложившийся из букв, видневшихся в отверстиях. Очередное задание Рихарду Зорге гласило:

«Как можно скорее и точнее установите, какую позицию займет Япония, если Германия будет настаивать на совместном нападении на Советский Союз».

Задание было неожиданным для Зорге. Во всяком случае, он получил его раньше, чем ожидал. Значит, затишье перед грозой кончилось, начинался большой пожар. Зорге был убежден, что в один прекрасный день пороховая бочка взорвется. Но кто подожжет фитиль? Это оставалось для него неясным.

Он знал, что ему нужно теперь делать, и хорошо понимал

важность полученного задания. Советский Союз хотел знать, ждет ли его война на два фронта или же ему придется вести войну только на Западе, против Германии. Оставит ли Кремль на случай нападения Японии свою мощную Дальневосточную армию в Сибири или перебросит ее для борьбы против немцев? Решение этой проблемы зависело теперь от Рихарда Зорге.

Зорге вынул зажигалку и уничтожил записку: его память была способна дословно хранить и более длинные тексты.

В кабинетах германского посольства трезвонили внутренние телефоны. Тратт вызывал к себе всех ответственных сотрудников и военных атташе. Такое совещание сейчас, во второй половине дня, было необычным: ведь ежедневно в десять утра устраивались так называемые «пресс-конференции», на которых обязательно присутствовали все эти люди. Они обсуждали вопросы, которые касались «большого штаба». И если «штаб» собирают второй раз в день, значит, произошло что-то из ряда вон выходящее.

К сожалению, не все были на месте. Отсутствовал капитан 1-го ранга Натузиус, вышедший в море на японском крейсере. Торговый атташе находился в отпуске, а один из секретарей посольства уехал в качестве курьера в Шанхай.

Всех входивших в кабинет Тратт приветствовал любезной улыбкой.

— Не исключено, господа, — начал посол, движением руки предложив всем сесть, — что я пригласил вас напрасно. Но господин Богнер только что сообщил мне некоторые вещи, над которыми, возможно, следовало бы задуматься.

Он повернулся к атташе по связям с полицией.

— Будет, пожалуй, лучше, если вы, дорогой Богнер, расскажете все сами.

Атташе был польщен оказанной ему честью.

— Вы знаете, — начал Богнер, — что у меня отличные отношения с японской контрразведкой… В конце концов, это входит в мою задачу. Полковник Одзаки некоторое время назад говорил мне, что засечен тайный передатчик. Он выходит в эфир редко, радиограммы всегда очень короткие и состоят всего из нескольких слов. Передатчик хотя и меняет свое месторасположение, но все время остается в радиусе примерно ста километров от Токио. Людям Одзаки, не имеющим хороших пеленгаторов, пока не удалось захватить передатчик. Он причиняет японцам много хлопот, и даже премьер-министр очень обеспокоен…

— Учитывая шпиономанию, которой страдают наши друзья, — заметил военный атташе полковник Фихт, — можно себе представить, какой у них переполох. Но, как бы там ни было,

эту штуку надо найти.

— И людей тоже, — добавил военно-воздушный атташе.

Посол нервно крутил карандаш.

— Прошу, господа… самое серьезное еще впереди. Оба военных смущенно умолкли и с любопытством взглянули на Богнера.

— Полковник Одзаки, — продолжал тот, — прислал мне через своего адъютанта текст короткой радиограммы, перехваченной сегодня утром. Всего несколько слов или, скорее, цифр. Контрразведчикам, конечно, трудно разобраться, о чем в ней говорится, и они подумали, не сможем ли мы…

— Действительно неприятный случай, — прервал Богнера посол, которому показались слишком длинными объяснения атташе по связям с полицией, — и очень некстати, что как раз сегодня отсутствует капитан. Перехваченная радиограмма содержит координаты корабля, точнее, в ней обозначена точка в южной части Тихого океана… точка в открытом море…

Он сделал паузу, чтобы дать возможность всем осознать сказанное.

Но до атташе по вопросам культуры Хефтера смысл сообщения посла не дошел. Волны южной части Тихого океана не входили в сферу деятельности атташе. Поэтому ему захотелось узнать, почему эта точка в таком сыром месте вызвала тревогу посла.

Все подавленно молчали. И только посол сердито произнес:

— Я позволю себе надеяться, что все присутствующие поймут, что же сейчас является самым важным. Я имею в виду военные действия, которые мы ведем. Честь и хвала вашей музыкальной неделе, мой дорогой… Однако, откровенно говоря, мне сейчас гораздо ближе к сердцу наши блокадопрорыватели. «Марианне» удалось дойти по крайней мере сюда. Но «Аахен» еще в пути. Все теперь зависит от того, встретит он в море танкер или нет. В противном случае судно останется вместе со своим ценным грузом посреди океана. И произойдет несчастье, если точка встречи окажется известной противнику! А это точка… в южной части Тихого океана. Я полагаю, дорогой Хефтер, что теперь даже вы поймете, почему нас очень встревожило сообщение полковника Одзаки о тайном радиопередатчике. И этот передатчик посылает неизвестно куда и кому донесение, в котором говорится о точке в южной части Тихого океана.

Атташе покраснел, словно школьник, от нотации, прочитанной послом.

— Прошу прощения… Я не знал обо всех этих вещах. Но его оправданий никто не слушал. Речь шла о весьма важном вопросе:

можно ли как-нибудь установить, где должен встретиться блокадопрорыватель с танкером?

— Без «капитана Каррамбы» мы едва ли что-нибудь узнаем, — сказал полковник Фихт, пожимая плечами. — Он единственный, кто это знает… он связывался с «Аахеном» по радио и согласовывал все дело с японским военно-морским командованием.

— А нельзя ли как-нибудь связаться с Натузиусом?.. Он же отправился не на тот свет!

— Для нас он на том свете, — отрезал Богнер.

— Во-первых, капитан на японском крейсере где-то в открытом море, а во-вторых, мы же не можем радировать ему открытым текстом: это прочтет полмира.

— Разве дело так горит? — поинтересовался Хефтер. — Когда он возвращается?

На наивный вопрос атташе, только что севшего в лужу, никто не обратил внимания. Посол бессильно развел руками.

— Прежде всего никто из нас не может сказать, когда должна состояться встреча.

— В перехваченной радиограмме, — разъяснил Богнер, — говорится только о точке. Время рандеву не указано. Возможно, дата была передана позднее… К сожалению, вторую радиограмму перехватить наши друзья не смогли.

Посол решил предостеречь от поспешных выводов.

— Прошу вас, господа… Мы говорим сейчас только о вероятности того, что в радиограмме шла речь об «Аахене». Это еще вовсе не доказано… В конце концов, Тихий океан не пруд, там могут встречаться и другие.

— Но максимум осторожности соблюдать необходимо, — предупредил доктор Зорге. — Все это дело мне кажется очень серьезным, господин посол. Надо что-то делать.

— Надо, надо, дорогой мой, — поддержал посол своего друга, улыбнувшись ему. — Я уже думал… Может быть, самое лучшее — связаться с японским главным военно-морским штабом. И немедленно.

Он повернулся к Равенсбургу.

— Вы хорошо знаете семью барона Номуры. Поезжайте к нему. Захватите с собой радиограмму. Он сразу увидит, касается она «Аахена» или нет…

Равенсбург кивнул. Посол протянул ему листок бумаги с текстом.

— Разумеется, вы поговорите с ним наедине.

— Конечно, господин посол.

— Да-а, — заключил Тратт, — нам остается только надеяться

на лучшее.

Присутствующие встали, прощаясь с послом жестом, который был лишь слабым подобием «германского приветствия». В жаркое время года, когда у всех были влажные ладони, взмах правой рукой был очень гигиеничным приветствием. Его даже рекомендовали врачи. Только Богнер, придавая большое значение этому жесту, вытягивал руку на всю длину и поднимал ее, как полагалось.

— Дело с передатчиком, — заметил Зорге, идя с группой сотрудников посольства через сад, — мне очень не нравится. И как это японцы не могут покончить с ним?.. — покачал он головой.

Атташе по вопросам культуры отнесся к известию проще.

— А кто знает, может быть, это радиолюбители. Среди них есть совершенно безобидные люди, которые стучат просто так, для удовольствия.

— Владение и пользование частными передатчиками, — разъяснил ему полковник Фихт, — по японским законам категорически воспрещается.

— Именно поэтому… — невозмутимо возразил атташе.

— Что вы имеете в виду? — спросил его Фихт, повысив голос. — Что значит «именно поэтому»?

— Именно потому, что запрещено, это и доставляет людям удовольствие.

Но это объяснение не нашло поддержки.

— Такое удовольствие, мой молодой друг, — строго заметил майор Клатт, — может слишком дорого обойтись любителю.

Группа достигла большого куста сирени, откуда расходились дорожки к различным служебным зданиям. Несмотря на жару, Зорге подал Равенсбургу руку на прощание.

— Итак, дорогой мой, постарайтесь поскорее увидеть капитана 1-го ранга Номуру. Но тем не менее будьте осторожны при езде, — сказал он с теплотой в голосе. — Эта дорога чертовски извилистая.

Главный штаб императорского военно-морского флота располагался не в самом Токио, а в двух часах быстрой езды на автомобиле от столицы.

Для Равенсбурга дорога от Токио до Иокогамы была сплошным мучением. За последние годы столица как бы срослась с гаванью, превратившись в единый густонаселенный район. Сорок километров приходилось ехать по городским улицам, забитым звенящим и грохочущим транспортом.

Уже стемнело, когда Равенсбург наконец, оставив позади последние улицы Иокогамы, свернул на узкое шоссе, которое по

самому берегу полуострова вело к сильно укрепленному мысу.

Шоссе было открыто для всех лишь на небольшом отрезке. Вскоре после Иокогамы путь посторонним преграждал шлагбаум. Начиная с этого места весь район был объявлен запретной зоной военно-морского флота. Японцы издавна считаются очень осторожными людьми.

Едва часовые заметили чужую машину, остановившуюся у шлагбаума, тотчас бросились к ней. Лица их были хмурыми, примкнутые штыки винтовок тускло мерцали в сумерках.

Но Равенсбургу не пришлось даже раскрыть свой документ. Хризантемы с шестнадцатью лепестками, оттиснутой золотом на обложке удостоверения, было достаточно. Как только оба часовых увидели священный знак их императора, они на мгновение почтительно замерли, а затем молниеносно рванули шлагбаум вверх.

«Что за странная страна, какой противоречивый образ мыслей! — думал Равенсбург, ведя машину дальше. — С одной стороны, покрывают всю страну густой сетью тайной агентуры, создают громадные запретные зоны. С другой же — достаточно предъявить документ с оттиском цветка на обложке, который легко можно подделать, чтобы проехать в любое место. Ведь то, что предъявил я, было обычной дипломатической карточкой, которая есть у всякого дипломата, а значит, и у сотрудников советского посольства».

Равенсбург вспомнил свою поездку на Южное море в прошлом году. По каждому из расположенных там японских островов, которые когда-то были немецкими, его сопровождал офицер полиции. Цель была ясна: немец не должен оказаться в районах береговых батарей. Но один из офицеров, будучи очень занят, ограничился тем, что сунул Равенсбургу карту острова с отмеченными красным карандашом пунктами, где не следовало появляться. Попади такая карта в руки врага, ей бы не было цены.

С тех пор Равенсбург понял, какие шансы открываются перед человеком, действительно разбирающимся в своеобразном характере мышления японцев. Тот, кто умел пользоваться их нелогичностью и был достаточно хладнокровен для того, чтобы проникнуть через щели, оставляемые их чрезмерным рвением, встречал здесь в разведывательной работе, наверное, меньше трудностей, чем в Европе, где тщательно охранялись наиболее важные объекты и тайны. Он был убежден, что большинство ценной информации, которую добывал Зорге, доставалось ему в основном очень простыми способами.

Если бы Равенсбург не спешил, он бы насладился этой поездкой. Слева от дороги лежала большая бухта Иокогамы. В

темной воде отражались огни множества судов, которые входили или выходили из гавани или просто стояли на рейде. Яркими точками вспыхивали сигналы маяков. Побережье, вдоль которого ехал Равенсбург, лежало во тьме и было пустынным. Недоверчивый военно-морской флот не разрешал сооружать ни вилл, ни купален в своей запретной зоне. Лучи прожекторов больших военных кораблей, стоявших на рейде Иокогамы, без устали скользили по воде. Вот уже несколько лет империя воевала с Китаем, в Европе тоже шла война. Япония была настороже.

Равенсбург знал это лучше, чем многие другие. Враг, которого следовало опасаться немецкому блокадопрорывателю, был врагом невидимым. Он, не колеблясь, уничтожит и японский танкер, когда тот будет снабжать топливом судно в открытом море. Подводная лодка наносит удар незаметно. О том, кто его нанес, чья это лодка, можно будет только догадываться. Для того чтобы заявить официальный протест, нужны не догадки, а доказательства.

Конечно, «Аахену» грозит опасность. Кто заинтересован в получении информации о месте встречи в южной части Тихого океана, переданной очень осторожным радистом? Оба судна ни в коем случае не должны встречаться в условленной точке. Рандеву надо отложить или перенести в другое место. Но кто знает, может быть, уже поздно?..

Автомобиль, взвизгнув шинами, взял крутой поворот, и в первый раз за весь путь перед водителем открылась прямая лента шоссе, исчезающая в темноте.

Равенсбург нажал на педаль — мотор как бы сделал глубокий вдох — и стремительно погнал машину вперед.

То, что случилось потом, в середине этой прямой, произошло столь быстро, что Равенсбург так и не понял, как это вышло.

Когда внезапно из темноты выполз неосвещенный грузовик и стал поперек дороги, Равенсбург еще сумел рвануть руль вправо… в гору.

Но гора была слишком крутой. Машина ударилась о скалу с такой силой, что, отскочив, перевернулась и перелетела через дорогу, покатившись вниз, к морю.

Шофер грузовика спокойно вылез из кабины и направил вниз луч сильного фонаря. Но берег здесь был слишком обрывистым, и Ямагути не разобрал, что стало с машиной и с водителем.

Однако и того, что он увидел, было достаточно. Ямагути погасил фонарь, влез в кабину грузовика и тронулся в сторону Иокогамы.

Хотя вообще полковник Одзаки не любил себя баловать,

сейчас, в жару, он был одет в легкий белый форменный костюм. Два ряда орденских планок и знаки различия выглядели очень скромно и поэтому производили еще большее впечатление.

По внешнему виду кабинета полковника Одзаки трудно было предположить, что здесь помещается центр организации, раскинувшей свои сети по всему миру. Письменный стол из простого крашеного дерева; стул, на котором сидел Одзаки, и стулья для посетителей — самые дешевые. На стенах — никаких украшений, только географические карты. В плоском шкафчике под замком хранился портрет императора. В дни государственных праздников, когда в кабинете собирались ближайшие сотрудники Одзаки, дверцы торжественно открывались и контрразведчики молча склонялись перед изображением своего властелина.

На письменном столе обычно лежала только одна папка с материалами, которые полковник читал в данный момент. Все остальные документы хранились за толстыми стальными дверями сейфа, стоявшего за спиной Одзаки.

Слева, на краю стола, вспыхнула синяя лампочка. Нажав на кнопку звонка, полковник вызвал адъютанта.

— Баронесса Номура, — доложил вошедший.

Одзаки, казалось, удивился, но тем не менее сделал знак, означавший «проси!»

Несмотря на то что его посетительница была всего-навсего женщиной, полковник встал: ведь Кийоми принадлежала к благородной семье. Сам Одзаки происходил из низов. И хотя в Японии уважали людей простого происхождения, сумевших благодаря своему трудолюбию и прилежанию добиться высокого положения, здесь очень строго следили за соблюдением традиций. Недаром на протяжении двух тысяч шестисот лет страной правит одна династия. Кийоми знала, что полагается делать, когда женщина предстает перед мужчиной. Девушка согнулась в глубоком поклоне и выпрямилась только тогда, когда услышала, что Одзаки снова сел на свое место.

— Очень рад видеть у себя дочь моего высокочтимого друга, — начал полковник с обычной формулы вежливости, — прошу вас сесть.

— Глубокоуважаемый господин полковник, как я вижу, к моему полному удовлетворению, находятся в полном здравии. — Кийоми ответила так, как требовал обычай.

Они продолжали обмениваться высокопарными и учтивыми фразами, пока наконец Одзаки, человек по природе практичный, не решил, что пора переходить к делу.

— Моя работа, — сказал он, — состоит не только из удач, поэтому я надеюсь, что сообщение, которое вы сделаете, снимет с

меня одну из многочисленных забот.

Кийоми, сидевшая около стола в позе скромной школьницы, неуверенно улыбнулась.

— Одзаки-сан, в свое время вы дали мне, слабой и недостойной, почетное поручение: завязать знакомство с немецким дипломатом доктором Гербертом Равенсбургом. Господин полковник мне приказали установить, что за человек этот господин Равенсбург, не принадлежит ли он к кругу лиц, неугодных нашему правительству.

— Такое задание, — возразил Одзаки, — я мог дать только даме очень умной и беспредельно преданной его величеству. За дипломатами следить очень нелегко. Эти люди подготовлены и знают, что за ними следят.

— В отношении господина Равенсбурга это было не слишком трудно, — поспешила заверить его Кийоми, — его жизнь, его привычки ясны и умеренны. У него нет подозрительных связей, и не было случая, когда его нельзя было бы разыскать.

Она сделала паузу, давая возможность Одзаки задать вопрос. Но тот молчал.

— Я твердо убеждена, — проникновенно продолжала Кийоми, — что господин Равенсбург не относится к числу тех, кого мы должны подозревать. Он исключительно честный человек, человек долга и, несомненно, сторонник японо-германской дружбы.

Кийоми снова остановилась, но поскольку полковник хранил упорное молчание, закончила:

— Поэтому, мне кажется, мы будем только напрасно терять время, продолжая следить за ним. Я надеюсь, что впредь мне не нужно будет докладывать о нем.

Полковник наклонился над столом и очень внимательно посмотрел на нее.

— У меня нет оснований, Кийоми-сан, — подумав, сказал он, — сомневаться в вашем выводе относительно доктора Равенсбурга. Еще меньше оснований — подозревать его. Но он в числе лиц, знавших о вещах, которые стали известны нашему противнику.

Она быстро покачала головой.

— Конечно… но он никогда не совершит неблагородного поступка. Поверьте мне… Я же знаю его!

Полковник слегка ухмыльнулся.

— Мне это, разумеется, тоже известно… Но в нашем деле личные чувства не играют никакой роли. Прошу вас этого не забывать.

Намек обидел Кийоми, и она умолкла. Одзаки сделал вид,

что не заметил ее обиды, и продолжал:

— Вы знаете, я предпринял все, чтобы ввести несколько по-настоящему верных людей из своего отдела в германское посольство. Но они там на положении обслуживающего персонала. А в присутствии прислуги все дипломаты молчат… по крайней мере когда речь идет о важных вещах. И хотя посол не знает, что Минами-сан, прислуживающий за столом, отлично говорит по-немецки, он все-таки очень сдержан в его присутствии. Телефон тоже ничего не дает. Ведь сейчас каждому известно, что его могут подслушать. Я все знаю о личной жизни господ немцев. К сожалению, разговоры, которые мне передают дословно, содержат только обычные глупости.

— Мне очень прискорбно это слышать, Одзаки-сан.

— Вы, Кийоми-сан, единственная из всех женщин, которую я могу использовать в германском посольстве. Единственная, кто пользуется там уважением и с кем говорят откровенно… Я имею в виду Равенсбурга. Я слышал, он собирается жениться на вас.

Кийоми вздрогнула, испугавшись осведомленности своего шефа, хотя неумение скрыть свои чувства считалось признаком дурного воспитания. Но она ничего не ответила.

А полковник и не ждал ответа.

— Очень жаль, что это пока невозможно. Разумеется, это — сугубо частное дело, которое по службе меня едва ли может интересовать. А вот что меня интересует, так это полное доверие Равенсбурга к вам.

Кийоми хотела что-то сказать, но промолчала.

— Доверие, которое Равенсбург питает к вам, Кийоми-сан, — единственный успех, которого мы до сих пор смогли добиться в германском посольстве. Мы должны этот успех развить…

— Я же вам говорила, Одзаки-сан, — совершенно неподобающим образом прервала его Кийоми, — немыслимо подозревать, что Равенсбург мог…

— Но зато можно допустить, что Равенсбург кое-что знает о своем друге, о котором и я хочу знать. Я говорю о докторе Рихарде Зорге.

Кийоми удивленно взглянула на своего шефа и повторила имя, которое только что было названо.

— Да, — подтвердил полковник, — Равенсбург интересует меня только постольку, поскольку он является другом доктора Зорге…

Он не договорил. Загудел зуммер телефона. Одновременно вспыхнувшая лампочка означала, что полковника беспокоят по важному делу.

Одзаки взял трубку. По лицу его проскользнуло выражение

тревоги.

— Это касается вас, — обратился он к Кийоми, закончив разговор. — Сегодня ночью по дороге на Йокосуку Равенсбург попал в аварию… в довольно тяжелую аварию. Но немецкие автомобили крепкие. Он несколько раз перевернулся, и тем не менее оба целы — и автомобиль, и он сам.

Кийоми вскочила.

— Где он? Одзаки-сан, прошу вас… мне нужно знать.

— В маленькой больнице Тойохара, в двадцати километрах за Иокогамой.

Она была уже у двери, когда он вернул ее.

— Послушайте, Кийоми-сан, я должен как можно скорее узнать, что там произошло на дороге. Это дело мне не нравится… Вторая машина скрылась, а ее номер был фальшивым!

Маленькая больница Тойохара располагалась на высоком берегу. Кровать Равенсбурга выдвинули на веранду. Отсюда он мог наслаждаться прекрасным видом на море, которое там, внизу, под десятиметровым обрывом, шумя и пенясь, разбивалось о скалы.

Но пострадавшему, казалось, было не до окружающих его красот. Он хотел как можно скорее уехать отсюда. Боли, правда, его еще мучили, но кости, видимо, были целы. Он мог бы так же спокойно лежать где-нибудь в Токио и даже у себя дома. Но в больнице настояли, чтобы он остался.

С врачом и несколькими сестрами Равенсбург больше не пытался объясниться: услышав его ломаный японский язык, они лишь закачали головами. Когда он хотел встать, его силой уложили обратно. Он никак не мог им растолковать, что ему нужно немедленно встретиться с капитаном 1-го ранга Номурой из Йокосуки. Равенсбург был близок к отчаянию.

Между тем час шел за часом. А где-то на юге Тихого океана навстречу друг другу шли корабли. Их команды не подозревали, что приближаются к месту, где под водой, может быть, затаился враг.

Равенсбурга не подпускали даже к телефону. А скорее всего, тут его и не было. Вне больших городов японцы живут так, словно сейчас не двадцатый век, а глубокое средневековье.

Наконец он просто ухватил за руку тоненькую медсестру и сказал ей несколько слов по-японски.

Но либо она ничего не поняла, либо ей было дано строгое указание не разговаривать с иностранцем. Она резко вырвала руку.

В этот момент на веранде появилась Кийоми. Любая другая женщина могла бы неправильно истолковать маленькую сценку,

случайным свидетелем которой ей пришлось оказаться. Но Кийоми не придала этому значения. И хотя страх за возлюбленного был очень велик, в присутствии сестры она поступила так, как подобает японке: в глубоком поклоне застыла перед кроватью Равенсбурга.

— Как ваше высокочтимое здоровье? Равенсбург уже спустил обе ноги на пол.

— Слушай, Кийоми-сан, — нетерпеливо воскликнул он, — мне нужно немедленно попасть к твоему отцу в Чокосуку! Это очень важно. Пусть мне принесут мою одежду… Ты на машине? Моей больше нет!

Он почувствовал, что тело отказывается ему служить, в затылке загудело, и он потерял равновесие. Кийоми и сестра быстро уложили его обратно в постель.

— У меня есть машина, и я тотчас привезу отца сюда.

Она поняла, что дело очень серьезное, и не стала терять время на разговоры. Равенсбург был благодарен ей за это. Присутствие маленькой медсестры вынуждало Кийоми строго соблюдать японские обычаи: она не могла поцеловать возлюбленного. Склонившись перед ним в глубоком поклоне, девушка улыбнулась и вышла.

Рихард Зорге шел по тщательно ухоженному парку принца Йоситомо.

После своего назначения премьер-министром принц продолжал жить в собственном доме. Он чувствовал себя здесь независимо. В служебной квартире он неизбежно оказался бы в гуще происков и интриг враждующих политических группировок. А тут его окружали надежные слуги и секретари, в преданности которых он уже не раз имел возможность убедиться.

К числу этих преданных людей в первую очередь относился Сабуро Танака, бывший уже много лет приближенным принца.

Чтобы понять причины тесной дружбы Йоситомо с его личным секретарем, нужно знать, что Япония под маской современного государства все еще хранила многие черты феодального строя. Тем более что как феодальное государство она прекратила свое существование лишь в 1867 году. Семейство Йоситомо до этого времени считалось правящим, так же как в Германии в свое время курфюрсты Липпе-Детмольд или герцоги Саксен-Майнинген. Подобно тому как в средние века в Германии, эти японские принцы были окружены своими рыцарями, преданными им не на жизнь, а на смерть.

Эта связь между влиятельными феодалами-даймё и самураями, как назывались рыцари, сохранившаяся после образования современного японского государства, оставалась и

теперь, несмотря на сильное влияние западного мира. Поэтому не было ничего странного в том, что собственный дом Танаки стоял в парке премьер-министра и секретарь чувствовал себя здесь хозяином.

Деревянный дом на сваях внутри был более просторным, чем казался снаружи. Он был обставлен в японском стиле, с большим вкусом, который мог оценить лишь такой знаток Японии, как Рихард Зорге.

Знание японской культуры, столь редко встречающееся у иностранцев, уже давно сблизило Танаку с немецким журналистом. Кроме того, секретарь учился в Германии и был сторонником германо-японского сближения. Танаке льстило, что Зорге, крупный журналист и приятель немецкого посла, подружился с ним еще в то время, когда Сабуро совершенно не имел политического влияния.

Разумеется, Танака и не подозревал, что доктор Зорге, прекрасно разбиравшийся в обстановке и до тонкостей изучивший образ мышления и характер японцев, еще несколько лет назад пришел к выводу: рано или поздно принц Йоситомо станет главой правительства, а Танака, его правая рука, приобретет большое влияние. Зорге искал сближения с Танакой задолго до того, как это могло прийти в голову кому-нибудь другому. И когда спустя некоторое время другие начали добиваться расположения Танаки, Зорге уже прочно сидел в седле этой дружбы и без труда избавлялся от нежелательных конкурентов.

Как это принято в японских домах, Зорге в прихожей снял ботинки. Танака в темном, украшенном гербом хаори сидел на полу за низеньким письменным столиком. Увидев Зорге, он отложил в сторону кисточку для письма и поднялся, с неподдельной радостью по-японски приветствуя нежданного гостя.

Для Танаки это приветствие было делом нелегким, так как его талию при всем желании нельзя было назвать стройной. А вежливый человек по японскому обычаю должен, положив ладони на колени, почти горизонтально склониться вперед. При этом полагалось как можно громче втянуть в себя воздух. Хозяин не имеет права выпрямиться до тех пор, пока не будет уверен, что гость уже закончил поклон.

Зорге, в кругу европейцев пренебрегавший этикетом, с японцами очень строго соблюдал принятые у них формы вежливости. В этом была одна из причин их хорошего отношения к нему.

— Мой жалкий дом благодаря посещению уважаемого друга

стал дворцом, — начал Танака серию изысканных приветствий.

— Когда работа начинает становиться в тягость, — улыбнулся Зорге в ответ, — лицезреть человека, которого ценишь, — наилучший отдых.

Они еще некоторое время обменивались любезностями в том же духе, стараясь перещеголять друг друга новизной своих выражений. Ведь образованные люди должны избегать избитых фраз!

Наконец Танака раздвинул бумажные двери в соседнюю комнату и предложил гостю выпить чашку чая.

Чайная комната (ни один приличный дом не может обойтись без нее) имела всего три стены. Четвертую заменял сад. Вид, открывающийся отсюда, каждый раз приводил Зорге в восхищение. Окруженный с трех сторон высокой стеной из вечнозеленых деревьев и кустарника сад едва ли превосходил по площади комнату. И тем не менее это была Япония в миниатюре: тут были и долины, и горы, и даже маленькая речушка, с журчанием бежавшая среди поросших мхом камней и впадавшая в озеро. На островке, обрамленном цветами лотоса, виднелся храм, к которому вел красный лакированный мостик — точная копия известного моста Никко. Карликовые лиственные деревья — предмет особой любви японцев, каждое из которых стоило много тысяч иен, — дополняли впечатление.

Появилась служанка и, склонившись перед гостем, протянула ему чашечку с зеленым чаем.

Зорге обеими руками взял тончайший фарфор и, поклонившись, выпил горький напиток, сходный с нашим чаем лишь по названию.

Только после окончания этой церемонии гость имел право перейти к цели своего посещения.

Зорге начал очень осторожно, издалека.

Танака понял, что речь пойдет о важных вещах. Рихард заговорил сначала об обстановке в целом, затем заметил, что необычная напряженность в мире может вызвать и необычное разрешение этой напряженности. Одним словом, не исключается взрыв в совершенно неожиданном месте.

Танака кивнул.

— Будущее полно неизвестности, — сказал он, — в хмурых тучах прячется молния, но кого она поразит, мы еще не знаем.

Зорге намекнул, что едва ли немецкие молнии ударят по Советскому Союзу. Судя по обстановке, это исключено.

— Скорее всего, исключено, — подтвердил Танака.

— Однако среди частных лиц, — улыбнулся Зорге, — поговаривают о совершенно невероятных вещах… Например, о

том, какие последствия мог бы иметь германо-советский конфликт для Юго-Восточной Азии.

Танака ответил, что он, собственно, не задумывался над этим, но сомневается в возможности вооруженного столкновения между Берлином и Москвой.

— А если все-таки дать волю фантазии, — продолжал Зорге, — то невольно напрашивается вопрос: какой будет позиция друзей?.. Как вы думаете, Танака-сан? Захочет высокочтимая империя принять участие в уничтожении красной опасности? Заявит ли она свои справедливые претензии на побережье Сибири, на Северный Сахалин? Пройдет ли граница ее зоны национальной безопасности по материку через Амур и даже по Сибири? Станут ли воевать дети Солнца? Японец улыбнулся.

— Я лично хотел бы, — сказал он, — чтобы мы всегда оставались друзьями. Что бы ни случилось!

Ответ не удовлетворил Зорге.

— Как вы думаете, Танака-сан, — спросил он напрямик, — будет ли противник Германии одновременно и противником наших японских друзей?

Танака, по-прежнему улыбаясь, задумался. Затем он сказал:

— Настоящий друг желает своим друзьям прежде всего мира. В случае войны каждый японец отдаст свою жизнь, чтобы выполнить приказ его величества.

Ответ был очень уклончивым, и Зорге следовало бы сменить тему беседы. Но его торопили, и он предпринял последнюю попытку.

— Германо-советский конфликт, порожденный моей фантазией, дал бы Японии возможность захватить жизненное пространство, в котором она очень нуждается. Ведь население империи все время растет.

Танака уклонился от прямого ответа и на этот вопрос.

— Решения такой важности, — сказал он, отвесив поклон в сторону императорского дворца, — подвластны только его высокочтимому величеству. Никто не знает, что прикажет Тэнно, если наступит решающий для нашей страны момент.

Зорге, так же как и Танака, отлично знал, что эти слова — абсолютная чепуха. Хотя японский император и пользуется всеобщим, чуть ли не мистическим уважением, он просто символ власти, но к политическому управлению страной не имеет почти никакого отношения. Особенно теперь, когда в Японии военная диктатура. Подлинным хозяином страны являлся Большой Генеральный штаб. Не имел власти и принц Йоситомо. Он был лишь гражданским представителем всемогущих военных. Но он, бесспорно, был в курсе политики страны.

И если вообще существовал кто-то, кто знал, что намерена предпринять Япония в будущем, и особенно в случае германо-советского конфликта, то это в первую очередь был принц Йоситомо и вместе с ним человек, сидевший сейчас напротив Зорге.

Однако из ответа Танаки было ясно, что он не хочет высказываться, а может быть, и не имеет права.

Зорге не оставалось ничего иного, как сменить тему беседы и постараться это сделать как можно искусней, чтобы Танака не догадался об истинной цели его визита.

— Господин посол и берлинское правительство незаслуженно похвалили меня, — заговорил Зорге, — они мне очень благодарны за донесения… Но поскольку в действительности эту похвалу заслужили вы, я охотно передаю ее вам.

Японец почувствовал облегчение: разговор пошел в другом направлении.

— Дружба между нашими правительствами настолько искренна, — сердечно заверил он Зорге, — что мы можем откровенно говорить на любые темы. Когда мы, японцы, доверяем человеку, мы рассказываем ему все, что знаем. Мы уверены, что он не злоупотребит доверием.

Зорге улыбнулся. У него был сюрприз для Танаки.

— Адольф Гитлер, фюрер великой Германии, — начал он с подчеркнутой торжественностью, — выразил большую признательность за те ценные услуги, которые вы, Танака-сан, оказали делу японо-германской дружбы. Поэтому он решил наградить вас Звездой ордена Германского Орла. Торжественное вручение этой награды состоится через несколько дней в германском посольстве.

Как и всякий японец, Танака был очень честолюбивым и к тому же тщеславным. Награждение орденом значило для него очень много. Он не осмеливался даже мечтать об этом.

Вместо ответа взолнованный Танака склонился почти до земли и на некоторое время застыл в этом положении.

Танака, конечно, понимал, что он удостоен высокой награды благодаря стараниям своего друга. И он чувствовал себя обязанным отплатить за это.

Но Зорге был слишком умен, чтобы воспользоваться своим преимуществом. Это было бы тактически неверно. Поэтому он встал, собираясь уходить.

В вестибюле, когда слуга Танаки завязывал Зорге шнурки, он снова обернулся к хозяину дома, стоявшему у порога.

— Между прочим… я хотел вас еще кое о чем попросить, дорогой друг.

Японец улыбнулся.

— Не окажете ли вы мне честь в будущую пятницу пообедать со мной? Я бы предложил сделать это на одной из лодок на озере Яманака.

Танака тотчас принял приглашение.

— Отлично, — сказал Зорге, — тогда в восемь вечера на озере! Вы не будете возражать, дорогой друг, если я приведу с собой коллегу? Помните маленькую шведку Биргит Лундквист… Юная дама мечтает поговорить с вами. Она считает, что сейчас осталось очень мало действительно интеллигентных мужчин. И малышка не хочет упустить возможность поближе познакомиться с одним из них.

Танака, обрадованный этим известием, с трудом подавил волнение и спокойно произнес два коротких слова: «Да, конечно».

Затем началась длительная церемония прощания.

Солнце еще не успело опуститься в море у Тойохары, как перед зданием маленькой больницы остановился автомобиль главного военно-морского штаба. Из машины вышел капитан 1-го ранга Номура.

Маленькая медицинская сестра с восхищением глядела на него. Такой элегантный офицер в стране приземистых, низкорослых мужчин был редкостью. В своей белоснежной форме Номура казался выше и стройнее, чем был на самом деле. Седые волосы никак не соответствовали его свежему, моложавому лицу. Походка и выправка свидетельствовали о силе и энергии этого человека.

Номура был достаточно хорошо воспитан: он не подал виду встретившему его врачу, что спешит. Тот очень подробно рассказал о состоянии Равенсбурга. Пока все шло вполне удовлетворительно, но окончательный вывод можно будет сделать лишь через несколько дней. Во всяком случае, необходимо проявлять максимальную осторожность. Просто чудо, что такая тяжелая авария обошлась всего-навсего несколькими синяками да ссадинами. Боязнь осложнений и заставила задержать пациента в больнице вопреки его воле.

— Я хотел бы повидать его, — прервал Номура затянувшееся объяснение, — мы друзья с вашим пациентом.

Врач послушно поклонился и провел офицера к веранде, на которой находился Равенсбург.

Тот выпрямился в постели, услышав голос и шаги Номуры, и не позволил ему тратить время на церемонии приветствия.

— Я прошу вас, капитан… То, что мне надо сказать вам… из-за чего я и ехал… очень важно. Речь идет о немецком блокадопрорывателе. Японец испугался.

— Вы имеете в виду «Аахен»? Равенсбург кивнул.

— Страшно не повезло, что именно в эти дни капитан 1 — го ранга Натузиус вышел в море на одном из ваших кораблей. Без него мы не можем понять, что означает радиограмма тайного передатчика, о которой нам сообщили. Но вы это наверняка знаете, капитан, ведь вы обусловливали рандеву нашего судна с вашим танкером.

Он передал японцу листок бумаги.

Номура, уже собиравшийся присесть рядом с кроватью, остался стоять с листком в руке. В лучах заходящего солнца еще можно было разглядеть то, что там было написано.

Равенсбург не мог перенести молчания, а по лицу капитана определить что-либо было невозможно.

— Как вы считаете, речь идет о встрече «Аахена» с вашим танкером?

— Да, именно о встрече… Неизвестный враг узнал об этом.

Равенсбург похолодел.

— Но ведь, вероятно, еще есть время, чтобы предупредить суда… перенести рандеву?

Японец плотно сжал зубы.

— В этот час, — сказал он немцу с едва сдерживаемым волнением, — наши товарищи отдают свои жизни за родину.

С этими словами он повернулся к солнцу — олицетворению божественной матери-Японии — и отвесил глубокий поклон.

Известие о гибели «Аахена» и японского танкера пришло в посольство во время пресс-конференции утром следующего дня.

Оно было подобно разорвавшейся бомбе.

— Все-таки предали!.. — вскричал посол и вне себя ударил кулаком по ручке кресла.

Он побледнел. Гибель судна — тяжелая потеря, но еще тяжелее доносить о катастрофе в Берлин. Тратт знал, как не любят диктатор и министр иностранных дел людей, докладывающих плохие вести.

— Эта чертова гонка! — проворчал военно-воздушный атташе Клатт. — Я ему все время твердил, что он слишком быстро ездит.

— О ком вы там говорите?

— О Равенсбурге, конечно. Если бы он ехал осторожней, не случилось бы этой дурацкой аварии, было бы время предупредить суда и перенести встречу.

— Ну и что толку, — возразил Богнер, лицо которого пылало от гнева, — какой-нибудь японец выдал бы и новую точку.

— Кто вам сказал, что нас предают японцы? — вмешался Хефтер. — В конце концов, об этом знали и другие люди.

— Подробности о снабжении топливом наших блокадо-

прорывателей, — веско заявил военный атташе, — известны очень ограниченному кругу лиц… Только шести или семи человекам. Один из них не умеет хранить тайну. Сомнений в этом нет!

Все присутствующие обернулись к полковнику — он пользовался здесь большим авторитетом.

— По здравом размышлении и исходя из того, что я знаю, — продолжал он, — мне кажется, японская контрразведка в состоянии определить, кто это сделал. Ведь число осведомленных людей очень невелико!

— Найти виновного в данный момент — не самое главное, — сказал доктор Зорге, меняя направление разговора. — Главное — предотвратить новые катастрофы.

— Вот это правильно! — воскликнул Херцель, но на него никто не обратил внимания.

Тратт наклонился к Зорге.

— Можете вы что-нибудь предложить, мой дорогой, чтобы предотвратить новые катастрофы?

— Да, конечно, господин посол, — ответил журналист, к удивлению всех, — не нужно больше посылать блокадо-прорыватели… дело слишком рискованное.

Наивность этого предложения ошеломила всех.

— Мой дорогой друг, — наконец мягко возразил посол, — то, что вы советуете, является благородным свидетельством вашей человечности, но не думаю, что у нас на родине так же…

Он не закончил фразу, но и без того было ясно, что имелось в виду.

Полковник Фихт высказался еще более определенно:

— На войне многое бывает рискованным, дорогой доктор Зорге… Большие успехи немыслимы без большого риска. Что же касается блокадо-прорывателей, то мне хотелось бы только сказать господам, что одного судна с грузом каучука достаточно, чтобы на три-четыре месяца обеспечить нашу армию шинами. Да и для нашего искусственного каучука нужно определенное количество натурального. Поэтому вы согласитесь, господа, что в условиях войны мы ни в коем случае не можем отказаться от блокадо-прорывателей.

Он сделал паузу и затем продолжал с еще большей настойчивостью.

— Даже если из трех судов проскочит одно — это уже успех, и он стоит жертв. Да-а, господа, так, к сожалению, выглядит лицо тотальной войны.

Против этого возразить было нечего.

— Нам остается только надеяться, — подавленно сказал посол, — что Одзаки и его люди покончат с этим свинством. Мы

тут ничем не можем помочь.

Он встал, давая понять… что совещание окончено.

— Как подумаешь, — выходя, обратился Зорге к Богнеру, — сколько невинных людей погибнут в ходе этих операций, выть хочется.

— Германский народ никогда не забудет этих жертв, — совершенно серьезно возразил ему Богнер. Он верил в то, что говорил.

Почти одновременно состоялось совещание и у японцев. В доме барона Номуры собрались Одзаки, его адъютант капитан Хидаки, начальник службы радиоперехвата и пеленгования, два офицера главного военно-морского штаба и Кийоми.

Из предосторожности беседа происходила в маленьком, открытом со всех сторон павильоне на оконечности мыса, вдававшегося в море. Сидели по японскому обычаю на плоских четырехугольных подушечках, брошенных на пол. С моря дул холодный соленый ветер, и поэтому все грели руки над жаровней. Кийоми непрерывно подливала гостям горячий чай из чайника, стоявшего на пылающих углях.

— Я полагаю, что в главном вопросе мы пришли к единому мнению, — подвел итог долгому обсуждению капитан 1-го ранга. — С точки зрения безопасности мы сделали все, что могли. Кроме моего адъютанта и шифровальщика, никто не знал, где должны встретиться суда. Я заверяю вас, Одзаки-сан, что ограничиться меньшим числом людей просто невозможно.

Начальник контрразведки кивнул.

— Нет, что касается вас, то тут все в порядке, Номура-сан. Оба ваших офицера давно уже имеют дело с секретными донесениями, и до сих пор тайна была сохранена.

— Таким образом, ясно, — заметил адъютант, — что не японская сторона повинна в предательстве.

Одзаки предостерег от поспешных выводов.

— Пока ясно то, что исключено предательство со стороны тех немногих, кому была доверена эта тайна. Но вполне возможно, что кто-то со стороны узнал о ней.

Номура и его офицеры пораженно переглянулись.

— Наш военно-морской шифр абсолютно надежен, — заверил Номура, — кроме того, его то и дело меняют.

— Все шифроматериалы лежат в сейфе, который постоянно охраняется, — добавил шифровальщик. — Этот сейф можно открыть только двумя ключами, а они хранятся у двух разных офицеров.

Одзаки снова кивнул.

— Все это я знаю. Но сейф капитана 1-го ранга Номуры —

всего лишь один из этапов на пути этого документа. Надо методично проследить все этапы, прежде чем дать волю подозрениям.

— Вы подозреваете, полковник Одзаки, германское посольство? — спросил Номура.

— Нет, Номура-сан, ведь посольство не один человек. К тому же подозрение — слишком сильное слово. Прежде всего проследим путь, по которому прошел документ, а он ведет в германское посольство к капитану 1-го ранга Натузиусу.

— Я знаю Натузиуса много лет, — повысил голос Номура, — и знаю также этот тип немцев. Поэтому такой человек, как Натузиус, никогда…

Начальник контрразведки поднял руку.

— Я настолько невежлив, Номура-сан, что прерываю вас. Но вы напрасно возмущаетесь, я очень хорошо информирован об этом германском офицере. Мы знаем его биографию, нам известны его семейные дела… Уверяю вас, что и я очень уважаю капитана 1-го ранга Натузиуса. Но…

Вместо продолжения Одзаки улыбнулся.

— Но?.. — переспросил Номура.

— Но… немцы очень легкомысленны и доверчивы, когда дело касается сохранения тайны. Если вы познакомитесь с историей этой страны, то увидите, что они никогда не умели хранить свои секреты. Среди немцев много героев, но и много предателей. В то время как одни жертвуют собой во имя родины, другие либо служат врагу, либо перебегают на его сторону.

Номуре все это было известно, и он согласно кивнул.

— Вы полагаете, что легкомысленная болтовня в германском посольстве послужила причиной этого несчастья?

Полковник отрицательно покачал головой.

— Нет, одной легкомысленной болтовней не потопить судна. Тут не обошлось без предателя, имеющего радиосвязь, без человека, сумевшего воспользоваться этой болтовней. Предатель, вероятно, свой человек в посольстве. Он входит и выходит из него, не вызывая подозрений. Другими словами, я считаю, что он сотрудник посольства.

— Вы имеете в виду определенного человека, господин полковник? — не удержался шифровальщик.

Вопрос молодого капитана был задан в лоб, но Одзаки не ответил.

— Вам известно, как трудно нам было ввести в германское посольство надежных людей, — продолжал он свою мысль. — Но они до сих пор нам почти ничем не помогли и едва ли смогут помочь в дальнейшем. Я не имею права допрашивать работников

посольства. Иностранные дипломаты, к сожалению, пользуются правом экстерриториальности… Они не подсудны нашей юстиции.

— Едва ли станет посольство возражать, — заметил адъютант барона, — если вы арестуете у них шпиона. Для немцев он не менее опасен, чем для нас.

— Конечно, — согласился Одзаки, — но они станут возражать, если я арестую кого-нибудь из их людей только по подозрению, для допроса. Ни одно посольство этого не допустит… Мне нужны доказательства. Но мы очень далеки от них.

Номура, поднесший было чашку с чаем ко рту, снова поставил ее на место.

— Скажите, а есть ли у вас хотя бы предположение, — спросил он, — кто мог это сделать?

И хотя целью сегодняшней встречи был разговор именно об этом человеке, Одзаки помедлил, прежде чем ответить. Он вовсе не был уверен в своей правоте.

— Да, есть такое предположение… точнее сказать, информация, которую я вчера получил от одного из наших агентов в Берлине. Но она ни о чем не говорит, странное совпадение — еще не доказательство.

— Но странные совпадения всегда заслуживают тщательного расследования, — настаивал Номура.

— Во всяком случае, несколько недель назад я кое-что предпринял, — продолжал Одзаки, — хотя немцы, кажется, над этим никогда не задумывались. Принято считать, что они очень основательные люди, но я бы этого не сказал. Нетерпение охватило его слушателей.

— А что вы предприняли?

— Я дал указание своим людям в Германии проверить биографию доктора Зорге и тщательно изучить его прошлое. Прежде всего выяснилось, что его мать — русская…

Присутствующие переглянулись. Шифровальщик удивленно пожал плечами.

— Прошу вас, господа… — успокаивающе произнес Одзаки. — Эта деталь пока ни о чем не говорит. У многих матери — иностранки, есть даже русские матери у японских офицеров. Мать господина доктора Зорге для нас не представляет большого интереса. Зато дед… дед доктора Зорге с немецкой стороны намного интересней!

Одзаки сделал паузу, чтобы еще больше захватить своих слушателей.

— Фридрих Альберт Зорге, дед нашего доктора Рихарда

Зорге, в молодости был секретарем человека, которого весь красный мир почитает как своего пророка. Его дед был секретарем и ближайшим сотрудником Карла Маркса!

* * *

Капитан 1-го ранга Номура проводил гостей до ворот. Возвратившись в павильон, он нашел свою дочь в глубоком раздумье. Она не слышала его шагов и подняла голову лишь тогда, когда он обратился к ней.

— Ты слишком горячо заступалась за Равенсбурга перед ними, — упрекнул ее Номура, — даже поручилась за него. Это неумно, дитя мое. Японка не должна ручаться за иностранца.

Он опустился около жаровни. Кийоми видела, что отец очень озабочен.

— Но, данна-сан,[7] ты же знаешь, что я в самом деле могу поручиться за него.

Номура нахмурился.

— Я это знаю, — сказал он, — и сам доверяю ему. Но это — наше личное дело. Когда речь идет о безопасности нации, личные чувства должны умолкнуть. И твои чувства, Кийоми, тоже.

— К моим чувствам это не имеет отношения, — возразила Кийоми. — Самый недоверчивый человек не сможет сказать что-нибудь плохое о Равенсбурге. Даже полковник Одзаки.

— Возможно, — согласился Номура, — и все же высказывайся осторожней. Помни японский принцип: нельзя полностью доверять ни одному иностранцу, даже самому лучшему из них. Ты выросла в Европе, Кийоми, воспитывалась в других условиях. Не забывай, что наше государство требует от каждого гражданина, когда дело касается Японии, отречься от своих личных воззрений… а сейчас дело касается именно Японии.

— Я это знаю и делаю все, что в моих силах…

Барон Номура был в замешательстве. Его дочь не признавала духа нетерпимости, который вот уже несколько лет господствовал в Стране восходящего солнца.

— Мы оба, — решил он продолжить разговор, — обязаны строго следить за тем, чтобы не высказывать своего предпочтения кому-либо из иностранцев… Я хочу сказать, что ты должна лучше скрывать свои чувства к Равенсбургу.

Кийоми смущенно взглянула на отца. До этого он ни разу не говорил о ее отношении к Равенсбургу, хотя знал, что они собираются пожениться.

— Почему ты считаешь, данна-сан, что мы оба должны

скрывать свои симпатии?

Отец печально покачал головой.

— Я не предполагал, что ты настолько наивна. Разве ты не чувствуешь, как здесь все изменилось за последние годы? Мы все больше и больше впадаем в национальный фанатизм. Нас хотели бы вернуть в прошлый век, к тем временам, когда Япония недоверчиво и гордо отгородилась от всего остального мира. Тогда под страхом смертной казни было запрещено покидать страну и ни один иностранец не имел права ступать на нашу землю. Ты же знаешь, что в течение двухсот пятидесяти лет ни одна чужая книга, ни один иностранный предмет не проникали в Японию. Не прошло и восьмидесяти лет с тех пор, когда мы, японцы, жили в условиях средневековья. Еще мой дед путешествовал по стране на носилках, делая всего каких-нибудь двадцать километров в день. И это в то время, когда в Европе и Америке уже давно ходили поезда!

Она, конечно, знала об этих столетиях полной изоляции.

— Что ж, теперь мы снова откажемся от железных дорог и снова сядем в носилки? — засмеялась Кийоми. Но отец не поддержал ее шутку.

— У тебя неверное представление о нашей политике, дитя мое, — возразил он. — Правительство считает, что теперь мы больше не нуждаемся в помощи иностранцев. Мы взяли от них все, что нам было нужно, и теперь можем обойтись без них. Достижения западной техники нам полезны, мы многому научились, а вот идеи Запада сбивают с толку наш народ. Поэтому от них нужно избавиться и держаться подальше. Они противоречат бусидо.[8] А дух бусидо хотят возродить, им должен проникнуться до мозга костей каждый японец.

Кийоми решительно покачала головой.

— Но разве это не шаг назад? Не слишком ли ограниченны эти идеи для большой нации?

— В том курсе, по которому сейчас собирается идти правительство, есть известная доля величия, — пытался объяснить дочери Номура. — Когда девяносто лет назад пушки американских кораблей обстреляли наш беззащитный город Кагосиму, мы уступили силе и открыли страну для иноземцев. Уже тогда высокочтимый дух императора Мэйдзи понял, что спасение Японии — в ее быстрейшей модернизации. Если бы мы этого не сделали, Кийоми, то сегодня мы были бы колонией белых, как Индия или Индокитай. Со дня Кагосимы мы видели перед собой лишь одну цель — стать такими сильными, чтобы разговаривать с врагами на том языке, на каком они разговаривали с нами, — на языке пушек! Конечно, мы не

кричали об этом на весь мир. Ни один японский государственный деятель не забыл обстрела Кагосимы. Ответ на это варварство пока еще за нами. Но мы ответим… И ты, и я — мы оба доживем до этого дня!

Номура говорил сухо. Но Кийоми чувствовала волнение отца и не перебивала его.

— Наш народ проделал работу, равной которой мир не знает. Без переходного периода мы скакнули из средневековья в двадцатый век. Этот прыжок удался! Теперь наша страна так же сильна и современна, как государства белых. Наше обучение закончено, нам больше нечему учиться у иностранцев. Время страха миновало… пусть спадет маска!

Необычная откровенность отца испугала Кийоми. Она слушала его с растущим страхом.

— Япония будет воевать, — продолжал Номура, словно говоря сам с собой, — этого не избежать. Наше население с каждым годом увеличивается на миллион человек. Им нужно где-то жить. Для этого необходимо захватить землю.

Кийоми подняла взор на отца.

— Значит, мы будем воевать вместе с немцами? Номура, погруженный в собственные размышления, не заметил, что мысли его дочери вращаются только вокруг ее возлюбленного. Она даже мирилась с войной, если только Равенсбург будет на той же стороне, что и она.

— Судя по тому, как сложились сейчас группировки держав, — пояснил он, — видимо, некоторые враги Германии будут и нашими врагами.

— Естественно, мы же союзники! Барон покачал головой.

— У нас нет военного союза с Германией, мы только заверили друг друга во взаимных симпатиях. Мы не дали связать себе руки. Где мы будем воевать — это зависит только от того, что будет выгодней для нас.

— Но ведь нам выгодней быть на стороне Германии, — настаивала Кийоми.

— Да, возможно, это так, — кивнул он. — Нам нужно много пространства для нашего растущего населения. А это пространство принадлежит людям, против которых будет воевать Германия.

— Значит, имеются в виду русские, — заметила Кийоми, — ведь Сибирь ближе всего к Японии.

— Нет, о России я не говорю. Нам нужны теплые страны. В Сибири японские поселенцы не смогут хорошо жить. Поэтому я не думаю, чтобы мы пошли против Советов. Конечно, мы боимся коммунизма… но земли, куда могли бы переселиться миллионы

японцев, у русских не взять. Кроме того, наша армия уже обескровлена: слишком много солдат воюет в Китае.

— Значит, мы вообще не можем вести войну!

— Можем, — возразил Номура, — наша главная сила — военно-морской флот. Он должен захватить теплые страны, которые нужны Японии: Южное море, Филиппины, Голландскую Индию… Может быть, даже Австралию. Все будет наше, если флот изгонит из морей чужие корабли. Тогда и война в Китае кончится победой.

Дочь Номуры даже не подозревала, что ее собственная страна стоит на пороге войны не на жизнь, а на смерть.

Она боялась будущего, потому что чувствовала, насколько мало будут значить ее судьба и ее любовь в этом грозном времени, которое должно будет наступить.

— Как ужасно, данна-сан! Чем все это кончится? Наша страна слишком мала, чтобы бороться с такими могучими противниками.

Номура не признался дочери, что его одолевают те же сомнения.

— Я рассказал тебе все это не для того, чтобы пугать, Кийоми, — сказал он ласково. — Я только хотел, чтобы ты поняла: мы оба должны заставить себя думать так, как того требует наше время. Мы принадлежим своему народу и разделим его судьбу… Есть, правда, люди, и люди влиятельные, которым не нравится, что мы охотно общаемся с иностранцами. Осуждают наш образ жизни, считая его недостаточно японским. Ведь именно от дворянства ждут, что оно повернет к обычаям старины. Большинство это уже сделало, причем многие против воли. И все-таки они живут, как сто лет назад. Дело уже дошло до того, что людей, подобных нам с тобой, долго проживших за границей, считают неполноценными.

— Ну, это уж слишком, — воспротивилась Кийоми. Отец пожал плечами.

— Хотят собрать в кулак все силы. В урагане, который разразится, империя уцелеет только тогда, когда каждый японец будет готов пожертвовать собой… Мы не имеем права думать о собственной судьбе, мы пылинки, которые несет ветер.

Кийоми не осмелилась возразить. Ей было тяжко смотреть, как ее отец, умный, повидавший мир человек, пытается оправдать дикий шовинизм, не признающий свободы и подчиняющий все интересам государства.

— Ты ведь знаешь, Кийоми, что тебе нужно делать. — Номура попытался снова вернуться к строгому тону. — Одзаки дал тебе задание, важное для Японии. Сможешь ли ты его выполнить, я не

знаю. Но, как твой отец, я требую, чтобы ты сделала все для его выполнения, не щадя ни себя, ни своего сердца.

Она послушно кивнула, словно склонилась перед отцовской волей. Когда Кийоми подняла глаза, ее мысли опять вернулись к возлюбленному.

— Я должна любым способом как можно больше узнать о Зорге. Может быть, как раз поэтому следовало бы довериться Равенсбургу? Он же сам заинтересован в этом…

Номура замахал руками.

— Нет, нет! Иностранец не должен знать, как работает наша контрразведка и кто с ней связан… Неужели тебе до сих пор непонятно, что мы не можем открывать свои карты чужим!

Она покачала головой.

— Нет, я не понимаю, почему должна отказаться от его помощи. Если доктор Зорге действительно враг, то кто же может быть более полезным, чем Равенсбург! Он каждый день встречается с ним.

— Выкинь это из головы, Кийоми, — потребовал отец. — Все аргументы, на которые ты ссылаешься, желая посвятить в наши дела Равенсбурга, на самом деле продиктованы твоим сердцем. Ты любишь этого немца и не хочешь его обманывать. Ты боишься потерять его любовь, если он вдруг узнает, что ты следила за ним по заданию контрразведки… Не так ли?

Отец был прав, и Кийоми честно признала это. Но она не смогла сдержать слез.

— Тебе еще многому надо учиться, дитя мое! Женщина из дома Номура не должна допускать, чтобы ее глаза служили зеркалом ее сердца!

— Я не достойна тебя, данна-сан. — Она произнесла это так, как должна была сказать дочь отцу в японской семье.

Номура закусил губу.

— Все, что сейчас причиняет тебе горе, Кийоми, может очень скоро измениться. История делает самые неожиданные повороты, и она часто развивается не так, как того требует логика. Не исключено, что и нынешнее обострение обстановки разрешится мирным путем. Да и война когда-нибудь кончится. Я обещаю тебе, что тогда мы снова поедем в Европу… Там все по-другому. Твое сердце будет чувствовать себя свободным. Но сейчас ты должна его запереть… Мы все принадлежим сейчас матери-Солнцу и его высокочтимому величеству императору — сыну Солнца.

Барон Номура отвесил поклон в сторону императорского дворца, и Кийоми последовала примеру отца.

Не напрасно их предки две с половиной тысячи лет назад

твердо верили, что богиня Солнца Аматэрасу заставила земную женщину родить ей сына Дзимму-тэнно, для того чтобы он от имени богини правил Японией. Ни разу еще небесная мать не покидала империю в беде, ни разу за всю долгую историю ни один враг не побеждал островитян. Может быть, и сейчас Аматэрасу вызовет небесный ветер (камикадзе), чтобы уничтожить корабли противника, как это она уже делала раньше, когда Кублай-хан, сын ужасного Чингиз-хана, на десяти тысячах кораблей хотел захватить Японию. Камикадзе уничтожил всех врагов, прежде чем хоть один из них увидел Остров восходящего солнца.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

— Пробил час Великой Германии! — воскликнул доктор Зорге, когда в Токио узнали о начале войны с Советским Союзом.

Восхищение, светившееся в его глазах, вдохновило Богнера на патетический жест. Он схватил руку начальника отдела информации и долго жал ее, так и не догадавшись об истинном смысле, вложенном Рихардом Зорге в эти слова.

Богнер не заметил и скептических мин на лицах остальных коллег. Как многие немцы, живущие за границей, сотрудники посольства лучше, чем их соотечественники на родине, видели, как складывается соотношение сил в мире, и понимали, что явное преимущество на стороне противников Германии.

Чиновники посольства недовольно поморщились, узнав, что начало вторжения немецких войск в Россию Зорге счел вполне подходящим поводом, чтобы устроить одну из своих вечеринок.

Дом Зорге — маленькое сооружение в европейском стиле — давно нуждался в ремонте. Местность, где он стоял, когда-то была красивым пригородом, но со временем ее поглотил Большой Токио. Люди побогаче здесь уже не жили.

Трудно было сказать, какая из комнат этого дома служит хозяину спальней, какая — столовой или гостиной. Повсюду царил беспорядок: груды книг и газет заполняли все углы, столы, диваны и стулья. Зорге не держал трех-четырех слуг, как полагалось уважающему себя европейцу. Хозяйством ведала всего одна женщина, внешний вид которой красноречиво говорил о том, что уборку комнат она считает делом ненужным.

Как и в кабинете хозяина в посольстве, так и здесь среди курительных трубок, бутылок и посуды встречались ценные произведения искусства — старые гравюры, картины. Жаль только, что Зорге обращался с этими красивыми вещами без почтения. Да и к гостям особого почтения не проявлял, а давал им ясно понять, что в центре внимания здесь должен быть он. Поэтому не удивительно, что у него не бывали ни дипломаты, ни кто-либо из влиятельных членов иностранной колонии. Гости доктора Зорге в основном состояли из числа тех, кто имел обыкновение заходить в «Старый Гейдельберг».

У Зорге встречались различные люди: японские интеллигенты с пустыми желудками и длинными волосами, видевшие в нем своего последнего защитника и благодетеля; несколько журналистов как с хорошей, так и с сомнительной репутацией, приходившие сюда, чтобы подхватить пару-другую новостей, которые порой может милостиво подбросить им их

великий коллега; два или три немецких студента-филолога, довольные тем, что могут бесплатно выпить. Здесь были эмигранты из различных стран, заброшенные на японский берег волнами своей судьбы; царские офицеры из России; националисты с Филиппин и даже евреи из Германии — ведь Зорге мог себе позволить все. Несколько молодых людей — европейцев и японцев — Зорге отобрал и сделал своими постоянными спутниками. Среди гостей было много различных женщин: неудавшиеся актрисы, танцовщицы из кабаре, полукровки, вроде работавшие где-то переводчицами; порой одна-две белые женщины, покинувшие когда-то Европу ради любовника-японца и теперь не знающие, как заработать на жизнь в этой стране. Короче говоря, самая пестрая компания собиралась в этом стареньком домике.

Так бывало всегда, не представлял исключения и сегодняшний вечер.

Биргит с большим трудом удавалось хотя бы внешне походить на женщин, окружавших Зорге. Ее ногти теперь были ярко накрашены, роскошные светлые волосы свободно спадали на плечи. Между пальцами она постоянно держала сигарету, правда, почти всегда потухшую. Подражая женщинам из окружения Зорге, она бездумно вертела в руке бокал, но, в отличие от других, никогда не просила наполнить его вином.

Все говорили наперебой, много смеялись. Озабоченной была только домработница Зорге — она стояла возле граммофона и меняла пластинки.

С бутылкой в руках Зорге обходил гостей. Лицо его раскраснелось, ворот рубашки был расстегнут. Он ни с кем не задерживался больше чем на несколько секунд. С каждым Зорге объяснялся на его родном языке, даже с китайскими футуристами. Все хотели узнать у него последние новости или сообщить ему свои. Иногда он прислушивался к разговорам, чаще отмахивался: «Мне это уже известно!»

— Как вы думаете, сколько продлится война с московитами? — поинтересовался Янта, польский журналист, живущий в Токио под покровительством германского посольства. — Смогу я вернуться домой до рождества или придется зимовать здесь?

Зорге громко рассмеялся.

— Куда ты так торопишься, братец? Это же чудесная война, классическая война между славянами и германцами.

Слова Зорге пришлись поляку не по душе.

— Может быть, вам нравится эта война, — зло ответил он, — потому что вы любуетесь ею издалека.

Хозяин дома равнодушно пожал плечами и, притворяясь пьяным, сказал:

— Точно, я воюю издалека…

Некоторые пытались танцевать. Но делали это без настроения. К тому, что обе художницы танцевали в паре, все уже привыкли. Никого не шокировало и то, что студентка в роговых очках на самом деле была студентом — в доме доктора Зорге такие «несущественные» различия никого не смущали.

В сутолоке вечеринки Биргит Лундквист было совершенно безразлично, кто ее партнер по танцу. Главное — она доказала Рихарду, что сумеет акклиматизироваться в любом обществе. Он понял это и часто с довольной улыбкой посматривал в ее сторону. Незадолго до прихода гостей Зорге рассказывал Биргит, как важно для журналистки не теряться ни в какой ситуации. «Надо, — внушал он, — чтобы тебя признавали за своего человека в любом обществе, среди любых людей».

Она сумела войти в это общество! Как приятельница Зорге, она пользовалась уважением. Но немногие из гостей знали, что она в действительности гораздо больше, чем просто приятельница, — она правая рука Зорге, его новая сотрудница.

Неожиданно появился Иноэ, секретарь Зорге. Он пробивался с телеграммой сквозь гомонящую толпу к своему шефу. И Зорге, занятый разговором, так и не обернулся бы к секретарю, если бы тот не проявил настойчивости. Рихард вскрыл конверт.

— Черт побери! И надо же, чтобы это случилось в Киото! — воскликнул он так громко, что все обратили внимание. — Похороны, да еще в момент, когда мне так весело!

Но проклятия едва ли могли помочь делу. Нужно было успеть попасть на вечерний поезд, идущий на Киото. Держа телеграмму в руке и недоуменно пожимая плечами, Зорге стоял перед гостями. Было ясно, что им нужно немедленно расходиться. Но некоторые из гостей считали, что могут отлично повеселиться и без хозяина.

— Не-ет, ребятишки, — покачал головой Зорге, — причина моей поездки слишком серьезна, не годится развлекаться здесь всю ночь… Прошу вас разделить мое горе… Биргит, пойди уложи мне траурный креп!

Гости неохотно стали расходиться. Когда последний из них спустился по ступенькам, Зорге повалился на диван и рассмеялся.

— Торопись, до отхода поезда осталось мало времени, — сказала Биргит, взглянув на часы. — Что ты возьмешь с собой?

— Ничего, глупышка, ничего! Никто не умер, и никуда я не еду. Просто хотел избавиться от этих бездельников…

— А телеграмма?..

— Послал ее заранее по телефону при помощи Иноэ.

— Если гости тебе в тягость, зачем же ты их приглашаешь?

— Они мне были полезны. Я должен был узнать, что думают в определенных кругах о войне немцев с Россией. Кое-кто из них связан с тайной оппозицией. На таких вечеринках люди забывают об осторожности и у них можно кое-что выудить…

— Мне кажется, — сказала Биргит в раздумье, — ты способен на все ради хорошей информации. Сначала ты необычайно приветлив с людьми, затем, получив от них все, что нужно, даешь им коленкой вон.

— Ты со временем откроешь во мне и другие дурные черты, — ответил он, — но цель оправдывает средства, как говорят французы. А у нас хорошая цель. Должны же мы получать информацию, как ты думаешь?

Биргит неуверенно кивнула.

— Очень приятно, Рихард, что ты говоришь о нас обоих. Но мне, к сожалению, не удалось выудить ни единого слова, которое могло бы представить интерес для немецких газет. Если бы ты меня предупредил! Ты же знаешь, как охотно я бы помогла тебе.

— Ты можешь мне помочь, Биргит и даже очень.

— Пожалуйста, скажи, что я должна сделать. — Она вскочила, словно ожидая приказа, который нужно выполнить немедленно.

— Это не так срочно, — засмеялся Рихард, — у нас есть еще немного времени…

Но Биргит продолжала настаивать. Зорге начал издалека.

— Дело касается Танаки, ты помнишь его… толстый, важный секретарь премьера. Я представил его тебе в тот раз в посольстве.

— Ты хотел помочь мне взять у него интервью, — с готовностью подтвердила она.

— Да, поэтому я пригласил его сегодня пообедать вместе с нами на озере Яманака. Ты, он и я! Цель этой прогулки — узнать у него, какие планы существуют у японцев в отношении их Квантунской армии сейчас, когда немцы начали войну с русскими. Ты знаешь, эта армия расположена на границе Маньчжурии и Сибири. В полной готовности она стоит у черного хода в Россию, а папаша Сталин, к своему несчастью, должен сейчас защищать свой парадный вход от злых германцев. Используют ли японцы эту великолепную возможность, чтобы ворваться в тыл к папаше? Вот что мне бы хотелось узнать у Танаки. А ему, конечно, это известно!

— А почему бы тебе его прямо не спросить? Ты же дружен с ним!

Зорге не сдержал улыбки.

— Мы не настолько друзья. Да и речь идет о таких вещах, о которых добрый Танака не имеет права рассказывать, даже если бы очень хотел.

— И ты думаешь, я могла бы помочь тебе? Я, такая слабая женщина?

— Как раз слабые женщины и сводят с ума сильных мужчин, — подтвердил Зорге. — Улыбка красивой женщины развязывает язык молчаливого человека быстрее, чем самое сладкое вино!

— Не слишком ли ты переоцениваешь меня и недооцениваешь своего друга?

Зорге покачал головой.

— Если ты будешь вести себя умно, Биргит, этот человек в твоих руках станет мягким, как воск. Танака питает к тебе слабость, очень большую слабость… Ему еще не встречались такие девушки. Для него ты так же своеобразна и привлекательна, как красивая гейша, которая попалась бы шведу, любителю женщин, где-нибудь у вас в стране. Ты для него — произведение искусства, привлекательное и очаровательное.

— Звучит уж слишком опасно, — пошутила она.

— А это в самом деле опасно, — признался он. — Опасно для Танаки!

— Пока ты со мной, мне ничего не страшно.

— Тебе и без меня не будет страшно… Она испуганно посмотрела на него.

— Что ты говоришь? Я думала, нас будет трое! Зорге предвидел, что ему придется ее уговаривать.

И он начал совершенно спокойно, по-деловому объяснять ей, что он привезет ее на озеро, где они условились встретиться, а затем извинится и, ссылаясь на неотложные дела, покинет их. Японцу будет очень приятно прокатиться на лодке вдвоем с ней. Этим нужно воспользоваться, так как с глазу на глаз Танака, возможно, станет разговорчивей.

Биргит согласилась, хотя побороть в себе сомнения так и не смогла.

— Но если Танака действительно влюблен в меня, — заговорила она, — я бы не хотела быть с ним в лодке вдвоем…

— Не волнуйся, маленькая, ничего не случится. А вообще все, что ты делаешь, ты делаешь для меня. Вернее, для нас обоих, для будущего. Мы живем сейчас в необычное время, и приходится прибегать к необычным средствам. Мы же не обыватели, мы люди, стоящие на краю мировой истории. Или ты считаешь, что не подходишь для этой роли?

— Я боюсь, — запинаясь, произнесла Биргит. — Точнее, мне

эта игра очень неприятна.

Зорге почувствовал, что слишком поторопился.

— Зря беспокоишься, дорогая. Ты многое усложняешь. Такой восхитительной женщине, как ты, достаточно улыбнуться мужчине — и он расскажет все!

Биргит решила не показывать виду, что боится.

— Я постараюсь, — серьезно сказала она. — Если мне удастся, ты получишь свою информацию. Но прошу, расскажи мне подробно обо всем еще раз…

Зорге ехал очень быстро. Он не обращал внимания, что его автомобиль буквально трещит по всем швам, грозя развалиться на одном из крутых поворотов.

— Боишься? — спросил он свою спутницу, которая тщетно пыталась ухватиться за что-нибудь, чтобы удержаться.

Биргит покачала головой. Она не боялась. Ей нужно было о многом подумать. Мужчина, сидевший рядом, вез ее навстречу приключению, которое еще месяц назад показалось бы ей невероятным.

«Почему ему чуждо даже такое чувство, как ревность? — думала Биргит. — Может, потому, что он абсолютно уверен, что я люблю только его? Или его честолюбие взяло верх над всеми другими чувствами?»

Биргит еще не могла разобраться в своих отношениях с Зорге. Она еще не понимала, что стала его соратником, его товарищем на всю жизнь. И это объединяющее их чувство товарищества было сильнее, чем обычная любовь. Оно связывало обоих настолько прочными узами, что уже ничто не могло их разъединить. Ничто!

— Тебе нечего бояться, дитя, — услышала она его голос, — машина еще послужит. Она, конечно, старовата и выглядит не ахти как, но у нее новый, очень сильный мотор. Кузов староват, но остальное в порядке!

— А почему ты не купишь себе новую машину? Зорге переключил передачу, ловко взял узкий и крутой поворот, выровнял машину и, дав газ, помчался к следующему повороту.

— Видишь ли, дорогая, есть люди, которые любят выдавать себя за более богатых и важных, чем они есть на самом деле, а есть любители прибедняться. Я отношусь к последним и с удовольствием это делаю. Со временем ты это заметишь.

Он так громко засмеялся, что смех заглушил стук и грохот машины.

— Ты действительно странный человек и совсем не такой, каким я тебя считала. Может быть, ты и не такой, каким тебя считают люди…

— Я лучше, интереснее, чем ты думала? — добродушно спросил он, беря последний поворот.

— Когда любишь, трудно судить, — пробормотала Биргит тихо.

Темнело. Они ехали по прямому узкому шоссе. Местность вокруг была плоской, как стол. И только вдалеке виднелись гряды холмов. На горизонте величественно возвышалась священная гора Фудзи. Лучи заходящего солнца сверкали на ее вечно снежной вершине.

— Можно понять японцев, — сказал Зорге, — почему эта гора с ее неповторимыми линиями занимает так много места в их легендах.

— Да, действительно трон богов, — согласилась Биргит. — Невольно представляешь Аматэрасу, праматерь японцев, взирающую с высоты на своих детей.

— Ты, конечно, веришь всему, что эти японцы навыдумывали! — Зорге почему-то сказал это так громко, что девушка вздрогнула. — Японцы всех убеждают, что они здесь жили еще во времена сотворения мира. Но это вздор! На самом же деле японцы пришли сюда, на этот большой остров Хонсю, с их небольшого острова Кюсю. Законных хозяев этой земли, бедных айнов, они истребили мечом и водкой. Осталось лишь несколько сотен представителей этого несчастного народа. Сейчас они живут в жалких лачугах на Хоккайдо и Сахалине. А болтуны-японцы отобрали у них и эту священную гору вместе с ее названием. В языке айнов есть слово «фудзи», оно означает «огонь». А гора Фудзияма, как ты знаешь, была когда-то огнедышащим вулканом. Отсюда и название этой горы. Сам же Токио был когда-то всего лишь обычным замком, который японцы построили на земле, отобранной ими у айнов. Назывался он Эдо. А было это каких-нибудь семьсот лет назад. Сейчас в Японии запрещено даже упоминать об этом. Ни в одной школе не преподают настоящую историю. Даже ученые не отваживаются писать об этом историческом факте. Все, о чем учителя рассказывают своим школьникам, — шовинистические истории, выдуманные в угоду национальному тщеславию… Даже сегодня оставшиеся айны не имеют избирательных прав. Они живут под полицейским надзором, от которого не так-то легко уйти. Дело в том, что айны не относятся к монголоидной расе и глаза у них не раскосые, а обычные, как у нас.

— Как у нас? — переспросила Биргит. — Никогда об этом не слышала.

— Охотно верю, дитя мое. Ты и не могла об этом слышать. Кто бы тебе здесь сказал, что коренные жители Японии —

возможно, европейцы или даже индогерманцы?

— И откуда ты все это знаешь?

— Я знаю японцев лучше, чем они сами себя.

— Это-то мне известно.

Зорге притормозил и свернул в аллею. Между деревьями поблескивал темный диск озера Яманака.

Большая терраса отеля, укрепленная на сваях, нависла над водой. К ней вел широкий деревянный помост, освещенный двумя рядами пестрых лампионов, свет которых красиво переливался в воде. Лодки, привязанные к высоким пестрым столбам, с шорохом терлись бортами друг о друга. Некоторые уже были подготовлены к приему гостей: в центре под балдахином разложены подушки, на корме пылали жаровни. К носу каждой лодки был прикреплен шест, на котором, глядя в воду, сидела большая черная птица.

Танака, радостно улыбаясь и широко раскинув руки, шел по помосту навстречу Зорге и Биргит.

Очевидно, он ждал уже давно. Зорге извинился за опоздание, сославшись на неожиданный визит одного из коллег.

— Небольшое ожидание только продлило мне радость, которую я испытывал в предвидении встречи, — ответил, улыбаясь, японец. — Поэтому я должен вас поблагодарить.

Зорге с улыбкой поклонился. Он давно жил здесь и привык к обычаям страны. Однако цветистые выражения, к которым в Японии прибегали даже в тех случаях, когда следовало бы обидеться, каждый раз веселили его.

— Я тем более огорчен, Танака-сан, что число участников этой встречи сократится на одну персону. По озеру смогут прокатиться только двое.

Всего на долю секунды на лице японца промелькнуло разочарование, но затем он быстро взял себя в руки.

— О, наша юная дама, видимо, условилась о свидании? Возможно, там соберется более веселое общество. Я, конечно, понимаю, молодость тянется к молодости.

— Вынуждена вас разочаровать еще больше, — улыбнулась ему Биргит. — К сожалению, нас оставляет доктор Зорге. Ему надо немедленно возвращаться, и вам придется быть в моем недостойном обществе. Прошу прощения.

— Да, это так, дорогой друг, — с горечью подтвердил Зорге. — Меня вызывает по телефону Берлин, я должен быть у себя. В Германии не понимают, что здесь уже наступил чудесный вечер. Они только позавтракали и усаживаются за письменные столы. Я убежден, что вы, как человек долга, меня поймете.

Танака отлично понимал, что, находясь на службе у государства, надо быть готовым ко всему. Зорге пожал ему руку.

— Я знал, что вы на меня не рассердитесь, — тепло проговорил Рихард. — Моя юная коллега сумеет заменить меня. Боюсь, она рада, что мне приходится уехать. Побеседовать вдвоем с таким интересным человеком для девушки, я хочу сказать, для умной девушки — это событие, которое случается не каждый день. Японец обратился к Биргит:

— Наш друг осыпает меня такими любезностями, что я не знаю, краснеть ли мне от гордости или от стыда.

Все трое засмеялись.

Зорге хотел тут же проститься, но Танака из вежливости предложил проводить его до машины.

Когда автомобиль скрылся из виду, Танака сказал Биргит:

— Надеюсь, что вам еще не доводилось ужинать в лодке-ресторане на озере. Я был бы очень рад, если бы этот вечер сохранился в вашей памяти как нечто особенное.

Биргит была уже здесь однажды с отцом, правда, днем, но сочла за лучшее промолчать.

Танака в японской национальной одежде, скрадывавшей его полноту, был похож на большую ночную птицу. Полы широкого кимоно, раздуваемые свежим прохладним ветром, напоминали крылья. Инициатором этой прогулки был Зорге. Именно он должен был позаботиться обо всем заранее. Но Танака знал, что его друг наверняка забудет что-то сделать. Поэтому японец заказал все сам.

Когда они подошли к причалу, слуги, находившиеся в лодке, склонились в глубоком поклоне и с шумом втянули в себя воздух.

Хороший ужин в веселом обществе на лодке, скользящей по озеру или реке, издавна был одним из наиболее утонченных развлечений, распространенных в Японии. Художники и поэты старины увековечили этот обычай в своих произведениях.

— Я предпочитаю китайскую кухню нашему японскому меню, — сказал Танака, протягивая Биргит руку и помогая ей войти в лодку. — Может быть, и вы также? Но я просил бы сделать сегодня исключение для рыбы. Нам поймают форель прямо из озера. Так принято.

— Конечно, — согласилась она. — Только не думайте, что для меня специально нужно жарить или варить рыбу. Я ее с удовольствием съем и сырую, как настоящая японка.

Биргит сразу заметила, что их лодка была оборудована богаче, чем остальные. Средняя ее часть, где на подушках должны были сидеть гости, от кормы и от носа отделялись красным шелковым занавесом, оставляя открытыми борта. Под широким балдахином качались два фонаря с нарисованными на них значками счастья.

Оба лодочника стояли на корме. Способ, которым они обычно двигали лодку, приводил в изумление любого европейца, видевшего это впервые. Они гребли не руками, а одной ногой, обхватив ею весло. Руки их были скрещены на груди, а глаза без всякого выражения устремлены вперед. Казалось, что эта работа не стоит им никаких усилий.

На носу судна хлопотали четверо слуг. Повар и его помощник крутились вокруг жаровни, на которой стоял большой бронзовый котел. Рыбак склонился над водой, держа в руках проволочную корзинку с сосновой лучиной, пламя которой должно привлекать рыб. В почтительной позе у самого занавеса сидела гейша с ярко раскрашенным лицом и перебирала струны старого сямисена.

Танака налил сакэ. Пряный аромат этой горячей рисовой водки, по цвету напоминавшей чай, смешивался с тонким запахом сандаловых палочек, вставленных рядом с низким столиком в сосуд с песком.

— Я очень люблю Европу и с большим удовольствием бываю там, — сказал Танака. — И все же в Европе я лишен того, что мне по душе здесь, в Японии. Но я еще никогда не испытывал такого счастья, как сейчас, — ужинать по старинному японскому обычаю с такой очаровательной представительницей Европы.

Японец не знал, что его спутница невосприимчива к комплиментам, которые были вовсе не в духе этой страны, где ни один мужчина, соблюдающий обычаи, не станет их отпускать женщине. Здесь скорее принято обратное: женщина ухаживает за мужчиной, открывая в нем новые и новые достоинства, которые следует превозносить.

— Не считайте меня чужестранкой, — попросила Биргит. — Я родилась в Киото, училась в японской школе, а свою родину знаю только по нескольким поездкам туда. Кстати, мы можем говорить по-японски, если хотите.

Танака отрицательно покачал головой.

— Мои земляки, — с грустью ответил он, — как известно, очень любопытные люди. А то, что скажет белая дама, им особенно интересно. Я эгоист и хочу один слушать вас. Пожалуйста, расскажите мне немного о себе.

Его просьба помогла Биргит скрыть смущение. Ей нужно было время, чтобы привыкнуть к своеобразному положению, в котором она оказалась по воле Зорге.

Биргит постепенно осваивалась: для того чтобы рассказывать о себе, об отце, о доме, не нужно быть осторожной, не требовалось тщательно подбирать слова и обдумывать выражения.

Тем временем лодка удалялась от берега, огни отеля

становились все меньше и меньше. Вода, как темный струящийся бархат, скользила за бортом. Гребцы на корме неторопливо и бесшумно делали свое дело.

Одна за другой появлялись на столе маленькие мисочки и соусники, распространяя вокруг пряный тонкий аромат китайской кухни. Секретарь премьера чувствовал себя наверху блаженства: вечер, подобный этому, был для него олицетворением изысканного наслаждения. Уютная лодка на гладком, как зеркало, озере, отличные блюда, рокот струн сямисена и горячее сакэ — все это отвечало хорошему японскому тону. К тому же близость этого волшебного создания! Танаке казалось, что эта золотоволосая девушка восхищена им. «Если вообще можно быть счастливым, то я сейчас счастлив», — думал японец.

Повар высунул голову из-за занавеса и тихо спросил, не пора ли подавать сасими, сырую форель. Тапаки наклонился к Биргит.

— Хотите посмотреть баклана за работой? Вы, наверное, знаете, что это древнее искусство ловли рыбы в Японии отмирает.

Она кивнула, и он помог ей встать.

Гейша отодвинула занавес, пропуская гостей на нос. Рыбак, одетый в костюм своей корпорации, повесил на шест железную корзинку с тлеющей лучиной. В воде отражались ее красные огоньки.

Баклан сидел на верхушке шеста, внимательно разглядывая освещенную поверхность воды.

— Птица очень хорошо выдрессирована, — заметил Танака, — хозяин ее даже не привязал.

На шее у баклана виднелось оловянное кольцо. Его надевали для того, чтобы птица не могла проглотить крупную рыбу. Маленькая рыбешка проскальзывала через искусственно суженное горло птицы беспрепятственно — это была собственность баклана. А крупную полагалось отдавать хозяину.

Внезапно баклан стрелой кинулся вниз и исчез в озере. При слабом свете на поверхности в нескольких метрах от лодки. Хозяин вытящил подплывшего баклана на борт, заученным движением извлек из раскрытого клюва трепещущую форель и снова усадил птицу на шест.

В течение нескольких минут эта сцена повторилась пять или шесть раз.

— Теперь, я думаю, хватит, — сказал Танака, похвалив рыбака, и увел Биргит за занавес.

Рыбу подали тотчас же. Повар ее только почистил и выпотрошил. Ее свежее холодное мясо в Японии едят сырым, без приправ. Форель считается изысканным блюдом. Биргит

разделяла эту точку зрения и не менее ловко, чем Танака, управлялась с форелью с помощью палочек.

Он восхищенно смотрел на нее.

— Любой японский отец гордился бы такой дочерью, — сказал он. — Но я думаю, что и ваш отец-швед тоже гордится вами.

— О, у него нет для этого оснований, — рассмеялась Биргит. — Напротив, он очень огорчен, что я хочу стать журналисткой, а не торговать мехами подобно ему.

— Умных женщин привлекает журналистика — это понятно, — заметил Танака. — А меха? Разве вам не хотелось бы иметь красивые меха?

— Как любая женщина, я очень люблю их, — засмеялась Биргит.

— Наверняка высокочтимый господин отец уже дарил своей дочери великолепные меха, — высказал предположение Танака.

— Отец с радостью укутал бы свою недостойную дочь в самое красивое манто из соболя. Но пока это случится, пройдет еще, вероятно, немало времени.

— Ваш высокочтимый господин отец ждет, вероятно, какого-нибудь особого случая, чтобы преподнести столь ценный подарок? — спросил Танака. — Может быть, имеется в виду свадьба?

Биргит звонко рассмеялась.

— Нет, Танака-сан, он ждет не праздника, а сотую шкурку. — И Биргит рассказала ему, что из многих тысяч шкурок выбирают те, которые подходят друг к другу по окраске, ворсу и размеру. Даже крупные меховщики, вроде ее отца, тратят годы, пока им удастся подобрать равноценные шкурки соболей или норок на целое манто. Только очень богатые оптовики в Лондоне, Лейпциге, Париже или Нью-Йорке могут сразу же продать сотню подходящих шкурок.Танака знал, что сердце женщины легче всего завоевать, если говорить с ней о том, что ей хотелось бы иметь. Поэтому он поинтересовался, в каком состоянии сейчас ее коллекция соболей.

— О, большая часть уже у меня, — с готовностью ответила Биргит. — Это совсем темные шкурки с белой полоской на спинке. Отцу удается их покупать в Хабаровске или Владивостоке. Такие соболя встречаются только в Сибири. Там торговля монополизирована, все в руках государства. А выбор мехов очень большой. Иногда отец берет меня с собой, и я сама отбираю для себя шкурки. Только…

Она внезапно умолкла, и японцу показалось, что девушка испугалась.

— О чем вы задумались, Биргит? — спросил он. — Отчего вы стали вдруг такой серьезной?

Танака налил горячее сакэ в чашечку и протянул ее Биргит.

— Я подумала о том, почему отец не взял меня с собой на этот раз. Вчера он снова поехал в Сибирь. — Она взглянула на собеседника глазами, полными тревоги.

— Танака-сан, я боюсь за отца.

Он поставил чашечку, которую Биргит забыла у него взять, на стол.

— Боитесь за высокочтимого отца. Но почему, любовь моя?

Биргит дрожала от волнения. Разговор совершенно случайно дошел до того момента, когда станет ясно, достойна ли она доверия Рихарда Зорге. Но у нее уже не хватало мужества продолжать игру в непосредственность, которая до сих пор давалась ей без труда. Этот умный человек наверняка не даст себя провести молодой, неопытной девушке. Она чувствовала, что уверенность покидает ее, и боялась его испытующих взглядов.

Танака снова протянул ей горячий напиток, и она взяла чашечку. Он отпил из своей, внимательно глядя на Биргит.

— Меня очень огорчает, — сказал он, — что вы не хотите поделиться со мной вашими заботами, которые так внезапно испортили вам отличное настроение. Что вас тревожит, Биргит? Доверьтесь мне, может быть, я смогу помочь как друг, полностью вам преданный. Отчего вы боитесь за господина отца?

Она ошиблась. Японец ничего не понял. Танака совсем по-иному объяснил себе поведение Биргит. И это объяснение как нельзя лучше подходило к тому, что ей предстояло сделать.

— Я боюсь за отца, боюсь, вернется ли он благополучно домой, — призналась она. Ведь сейчас идет война между русскими и немцами. Если война докатится до Сибири?

— И это все ваши страхи Биргит тогда они необоснованны! Эта ужасная война идет в Европе, за много тысяч миль от вашего отца. В Сибири же тихо.

Несмотря на эти слова, выражение страха не покидало Биргит, сидевшую, опустив голову.

— Да, тихо, пока воюют только немцы и русские. Но говорят, что японцы вмешаются. Тогда отец пропал, ему уже не вернуться через границу!

Танака медленно покачал головой.

— Верной дочери нечего опасаться за судьбу своего высокочтимого отца.

Повар, принесший новое ароматное блюдо — карпа, запеченного в сахаре, — и жареный миндаль, вынудил их прервать разговор.

Они подождали, пока слуга снова оставит их вдвоем.

— Вы говорите так, чтобы утешить меня, Танака-сан, но люди, которые были в Маньчжурии, рассказывали, что Япония шлет все больше солдат на русскую границу. Они наверняка скоро двинутся на Россию. И мой отец тогда не выберется оттуда.

Танака заметил, как задрожала ее рука, когда она снова взяла палочки. Ему стало бесконечно жаль ее.

— Разумеется, у сибирской границы стоит сильная армия императора, — сказал он тихо. — Мы должны быть настороже. Но тем не менее ваш отец вернется невредимым.

— О! Если бы это было так, Танака-сан, я была бы счастлива!

Он положил ладонь на ее руку и нежно погладил.

— Можете мне поверить, дорогая Биргит, что в той болтовне нет ни слова правды… Если об этом говорю вам я, то вы должны мне верить. Ваш высокочтимый господин отец вернется здоровым и Невредимым не только из этой поездки. Он сможет еще много раз спокойно ездить в Сибирь. И вы можете его сопровождать…

Биргит улыбнулась.

— Вы действительно это точно знаете, дорогой друг? Вы не ошибаетесь?

Он нежно погладил ее руку.

— Нет, я не могу ошибаться.

Биргит благодарно посмотрела на него и задала вопрос, который должен был окончательно разрешить последние сомнения:

— Скажите, Танака-сан, вы хотите встретиться со мной еще раз?

Японец даже не попытался скрыть свою радость.

— Вы не представляете, дорогая Биргит, что бы я отдал, лишь бы снова увидеть вас.

Он взял ее руку и поцеловал с неприкрытой страстью.

— Хорошо, тогда мы встретимся, как только я вернусь из Сибири. В следующий раз я поеду туда с отцом.

Она почувствовала, что ее решение не испугало Танаку. Напротив, он был доволен, что Биргит назначила ему свидание.

— Надеюсь, вы поедете скоро, и мое сердце не будет томиться долгой разлукой.

Она выиграла. Из груди невольно вырвался вздох облегчения. Пусть теперь этот человек гладит ее руки и подсаживается поближе. Рихард Зорге ей настойчиво внушал, как важно для него, чтобы она завоевала доверие Танаки. Не исключено, что от него и впредь можно будет получать ценные сведения.

— Вы вернули мне мужество, Танака-сан, — благодарно сказала Биргит. — Как только я привезу собольи шкурки из

Сибири, мы обязательно встретимся.

— А до этого ни разу? — жалобно спросил он.

Она подумала о возможных заданиях Зорге и кивнула:

— Отчего бы и нет…

Танака наклонился и поцеловал ее в плечо. Биргит не отстранилась, боясь возбудить у него подозрения. Внезапно с обеих сторон лодки раздался легкий шорох.

— Мы плывем по цветам лотоса, — объяснил Танака. — Взгляните только, как светятся белые цветы на фоне темной воды. Словно глаза красивых душ.

— Да, — вспомнила она, — доктор Зорге говорил мне, что вы поэт и пишете чудесные стихотворения. Жаль, что их не понимают в Европе, очень немногие знают вашу письменность.

И хотя Танака отрицал, что он поэт, Биргит уговорила что-нибудь прочитать. Танака решил воспользоваться можностью блеснуть перед очаровательной гостьей, более что он действительно обладал редким даром импровизации. Взмахнув рукой, он начал монотонно читать:

Луна покоится на нежных облаках,
Моя лодка плывет по темному озеру,
Цветы лотоса источают сладкий аромат.
Серебром блестит святая Фудзи,
Золотом сверкает голова чудесной женщины.
Огонь пылает в моем сердце.

Биргит хорошо говорила по-японски, поэтому она смогла оценить достоинства этого экспромта.

— Вы — талантливый поэт, — задумчиво сказала она. — Прошу вас, запишите ваше стихотворение. Я уверена, что, написанное вашей рукой на старинный лад, оно будет еще лучше.

Он поклонился. Какое чудо! Эта чужеземная девушка хорошо знает японские обычаи! Она способна понять и оценить такого мужчину, как он.

Танака велел убрать со стола. Затем были поданы новые фарфоровые бутылки с горячим сакэ и сосуды из красивой яшмы. Вино было теперь другого сорта, необыкновенно ароматное.

— Это особый напиток, — пояснил Танака, — он создан для самых чудесных часов жизни.

Он налил ей и себе. Они почти не говорили. Тоскливая мелодия сямисена убаюкивала.

Лодка скользила у подножия холмов, и ветви раскидистых деревьев все чаще цеплялись за балдахин. Вдруг судно задело за какую-то корягу, скрытую под водой. Толчок швырнул девушку прямо на Танаку.

Он тотчас обнял ее за плечи.

— Счастливый случай, — сказал он тихо, — приблизил твое сердце к моему.

Равенсбург ошибался, считая излишней осторожность японского врача в Тойохаре. Рентген показал, что у него сломаны два ребра, а в третьем — трещина. Больному наложили жесткую повязку и велели сидеть дома. Поскольку вилла находилась в компаунде посольства, часть работы ему присылали на дом.

Когда на рубеже столетий сооружалось здание посольства, люди были слишком щедрыми и холостякам выделили три квартиры с передней и крытой террасой. Но, к сожалению, меблировка этих квартир осталась на уровне того времени. Поэтому Равенсбургу приходилось жить среди старой мебели, ковров и занавесок, а его слуга, называвший себя Вилли, ежедневно выбивал пыль из этих предметов.

Вилли был китайцем и принадлежал к распространенной в Восточной Азии и очень ценимой всеми гильдии старых «боев из Циндао», представители которой встречались теперь все реже и реже. Равенсбургу повезло, что он унаследовал Вилли от своего предшественника. Тот, в свою очередь, тоже заполучил его от своего предшественника. Таким образом, Вилли был принадлежностью служебной квартиры Равенсбурга. Родился Вилли в Циндао, германской подмандатной территории, где служил у немецкого унтер-офицера уборщиком, поваром и мальчиком на побегушках. По-немецки он говорил неважно, но берлинский диалект знал хорошо: как и все слуги в этом районе, он в молодости усвоил язык своего господина. И не только язык, но и формы обращения, и тон старого вояки, которому был обязан своим именем.

У всех «боев из Циндао» были немецкие имена, и все они говорили на каком-нибудь германском диалекте. Все они в большей или меньшей степени сохранили грубость в обращении, заимствованную от бравых моряков. И никакая сила в мире не могла приучить их к лучшим манерам. Эти недостатки с лихвой окупались преданностью своим хозяевам.

— Там пришел какой-то, — доложил Вилли, — хочет с тобой поговорить.

Равенсбург уже привык к этому «ты». Вилли не умел говорить иначе.

— Кто он? Как выглядит?

— Какой-то японский офицер, — без всякого уважения объяснил Вилли. — Пустить?

Равенсбург кивнул и застегнул пиджак, прикрывая повязку. Вошедший оказался начальником японской контрразведки.

Полковник Одзаки поклонился и начал разговор в обычной японской манере.

— Мои сотрудники и я были счастливы узнать, что наш уважаемый друг в этой тяжелой аварии избежал опасных повреждений. Мы надеемся, что благодаря искусству немецкого врача вы скоро снова будете совершенно здоровы.

Равенсбург поблагодарил, предложил Одзаки сесть и велел подать сигареты и вермут. Однако полковник отказался: он был некурящим и непьющим.

— Разумеется, очень неприлично, — извинился он, — тревожить вас в вашей квартире, тем более что вы нуждаетесь в покое. Но дело, ради которого я пришел, очень срочное. Поэтому прошу прощения, если без предисловий перейду прямо к цели моего визита.

Равенсбург насторожился. Каждый хорошо воспитанный японец должен примерно четверть часа говорить о пустяках, прежде чем перейти к делу. Если его гость пренебрег принятыми формами этикета, значит, дело действительно очень серьезное.

Беседы с полковником никогда не доставляли Равенсбургу удовольствия. Одзаки относился к тому типу японцев, которые не в силах избавиться от определенных привычек. Полковник, особенно в присутствии иностранцев, чувствовал себя скованно и пытался побороть эту скованность чрезмерной деловитостью. Это делало беседы с ним чрезвычайно трудными, тем более для дипломата, привыкшего даже о серьезных вещах говорить с улыбкой.

— Я к вашим услугам, Одзаки-сан, — сказал Равенсбург.

— Тогда я позволю себе задать вам один вопрос: в чем состоит деятельность господина доктора Зорге в германском посольстве?

Вопрос Одзаки поразил Равенсбурга. В списке дипломатов черным по белому было написано, что Зорге является начальником отдела информации.

Равенсбург так и ответил японцу, напряженно ожидая, что за этим последует.

— Правильно ли, — продолжал тот, — что господин Зорге до войны не служил в министерстве иностранных дел и что он вообще не был чиновником? Действительно ли он сотрудничал в крупных газетах Германии?

— Верно, — подтвердил Равенсбург. — Он один из самых наших талантливых журналистов и, пожалуй, лучший знаток Дальнего Востока. Зорге уважают в посольстве, он относится к тем немногим внештатным сотрудникам, которых ценят даже кадровые чиновники.

— То, что он хороший знаток Восточной Азии, — улыбнулся Одзаки, — в этом нет сомнения. Я понимаю, почему его превосходительство господин посол выбрал Зорге для поста начальника отдела информации. Смею ли я спросить, как это произошло?

Разговор начал принимать оборот, который не нравился Равенсбургу. Собственно говоря, Одзаки не имел права интересоваться внутренними делами посольства. С другой стороны, не было оснований не ответить на вопрос.

— Отдел информации посольства, — объяснил Равенсбург, — создали с началом войны. Возникла необходимость давать японской прессе сведения, проверенные немецкой стороной. Сейчас этот отдел приобрел первостепенное значение: военные действия против России лишили нас сухопутных связей.

— Ясно, — кивнул Одзаки, — совершенно ясно. Как я слышал, господин посол сам сделал этот отличный выбор.

— Он поддержал его, — сдержанно подтвердил Равенсбург, затем несколько любезней добавил: — Господин посол питает к доктору Зорге особое доверие, они давно знают друг друга.

Одзаки положил серые форменные перчатки, которые до этого держал в руках, на стол перед собой.

— В такое время особенно важно, когда на ответственный пост назначается человек, которому можно полностью доверять.

— Насколько я понял из ваших слов, — сказал Равенсбург, решивший наконец узнать, ради чего пришел Одзаки, — вы разделяете то глубокое уважение, которым повсюду пользуется доктор Зорге.

— Несомненно, доктор Зорге — примечательная личность, — уклонился от прямого ответа японец. — Тем более странно, что такой заслуженный человек до сих пор не зачислен в штат министерства иностранных дел Германии.

«Ну, уж это совсем не твое дело», — подумал Равенсбург, ломая голову над тем, как бы повежливей дать понять полковнику, что этот разговор ему неприятен.

— Полагаю, что это не имеет значения для наших японских друзей, — сухо ответил дипломат. — Для доктора Зорге тоже.

— Как сказать! — возразил Одзаки, к удивлению Равенсбурга. — Как чиновник министерства иностранных дел господин доктор Зорге пользовался бы дипломатической неприкосновенностью, а так… — полковник намеренно сделал паузу, — он пользуется этой неприкосновенностью лишь благодаря нашему высокому уважению к вашему учреждению.

Равенсбург решил, что настало время взять быка за рога.

— Если вас интересует доктор Зорге, Одзаки-сан, я бы

советовал вам обратиться непосредственно к нему. Уверен, что он всегда к вашим услугам.

Начальник контрразведки сохранял полнейшее спокойствие.

— Вот этого я хотел бы избежать. Так же, как я до сих пор избегал устанавливать за ним наблюдение, которое ведется сейчас за всеми иностранцами, не пользующимися дипломатической неприкосновенностью. К сожалению, я обязан знать все о каждом иностранце, проживающем в Японии. Официально доктор Зорге не имеет дипломатических прав, которые могли бы оправдать это исключение. Неофициально мы все же предоставляем ему такие права из уважения к дружественной Германии. Теперь вы видите, в чем мои трудности, и понимаете, из-за чего я пришел.

— В чем состоят ваши трудности, я, конечно, вижу, Одзаки-сан, но я не вижу, чем бы мог помочь вам именно я.

— Господин доктор Равенсбург, я обязан получить кое-какие сведения о докторе Зорге: о его происхождении, биографии и даже о его сердечных делах. Я не хотел бы поручать такое деликатное дело своим подчиненным и ставить самого доктора Зорге в затруднительное положение. Вам известен его темперамент! Он может неверно истолковать эту пустяковую формальность. Поэтому я хотел просить вас, господин доктор, помочь мне заполнить карточку на Зорге-сан. — Одзаки не договорил до конца и только улыбнулся.

Равенсбург едва сдерживался.

— Мне жаль, господин полковник, — сказал он, — но в этом деле ничем не могу помочь.

Одзаки не понимал, какую громадную ошибку он совершил. Это была типично японская ошибка — исходить в разговоре с европейцами из собственного образа мышления. Сам по себе факт, что начальник контрразведки интересуется биографией определенного человека, для любого японца был бы признаком того, что этот человек находится под подозрением. А если, кроме того, о нем еще и расспрашивают, то, полагал Одзаки, и этот молодой немец должен был бы сразу понять, что в интересах самой Германии следить за доктором Зорге на каждом шагу. Работники Одзаки делать этого не могли — их полномочия кончались у ворот посольства. Значит, было ясно, что за своим земляком следить должны были сами немцы. Но пока об этом нельзя было сказать прямо — веские доказательства вины Зорге отсутствовали. Однако полковник полагал, что высказался достаточно ясно.

Для Равенсбурга же визит Одзаки означал нечто другое, да он и не видел в нем ничего особенного. В акции начальника

контрразведки Равенсбург усмотрел одну из непрерывно повторяющихся попыток ограничить дипломатические прерогативы, с существованием которых не желал мириться ни один японец. И хотя эти прерогативы основывались на взаимности и японские представительства за рубежом сами придавали им очень большое значение, у себя дома они никак не хотели допустить существование иностранных суверенных островков. Своим недоверием по отношению к европейцам японские чиновники заразили и большинство дипломатов в Токио, вынужденных постоянно отбивать посягательства на их старые привилегии. Так и сейчас произошло трагическое и тяжелое по своим последствиям недоразумение: Равенсбург не увидел в просьбе полковника Одзаки ничего иного, кроме нового вмешательства во внутренние дела своего посольства.

— Я очень рассчитывал на вас, доктор Равенсбург, и сожалею, что вы не желаете оказать нам помощь, — подчеркнул начальник контрразведки.

— Не могли же вы ожидать, господин полковник, что я буду сообщать вам сведения, касающиеся личной жизни моих коллег и друзей, не ставя их об этом в известность! Я знаю доктора Зорге несколько лет и очень высоко ценю его, несмотря на некоторые странности его характера. Убежден, что нет нужды заполнять на него карточку в вашем ведомстве. Он заслуживает полного доверия.

— Хотел, чтобы так было, — улыбнулся Одзаки, скрывая свое разочарование, — но я не убежден в этом. Опыт учреждений, подобных моему, показывает, что люди, пользующиеся доверием в высших инстанциях и имеющие доступ к секретным документам, представляют ценность для врага. Поэтому мне приходится особенно внимательно присматриваться к тем, кому доверяют в высоких учреждениях. Это касается как моих земляков, так и чужеземцев… Мера предосторожности, и ничего больше. В тысяче случаев она окажется излишней, но в одном — оправдает себя. А одного такого случая может быть достаточно, чтобы потрясти государство.— Он умолк и наклонился вперед. — Господин доктор Равенсбург, мы слишком мало знаем о Рихарде Зорге.

Настойчивость контрразведчика произвела впечатление на Равенсбурга.

— По совершенно определенным причинам я никогда не стану делать то, с чем, я знаю, не согласился бы доктор Зорге, — заявил он своему гостю. — Вам, наверное, известно, что я часто путешествую. Два года назад я попал в неприятную историю. На северо-западе Маньчжурии на меня напали бандиты. Они

соглашались отпустить меня только за выкуп, который намного превышал мои возможности. Доктор Зорге сумел найти меня. Благодаря его помощи мне удалось бежать. Зорге советовал не рассказывать об этом приключении. Наше министерство не любит, когда его сотрудники попадают в подобные переделки. И если я об этом вам все-таки говорю, то только для того, чтобы вы поняли, чем я обязан моему другу Рихарду Зорге.

— Я прекрасно понимаю, — согласился Одзаки и поклонился Равенсбургу. Позвольте мне поблагодарить вас за беседу.

Равенсбург был несколько удивлен, заметив, что Одзаки не выразил недовольства его отказом. «Он хороший игрок, — подумал немец, — и готовит себе достойное отступление».

Но Равенсбург ошибался. Полковник все же оказался в выигрыше — его подозрения подтверждались. Одзаки лучше, чем Равенсбург, знал, что это были за «разбойники», в руки которых тот угодил в Маньчжурии. Те районы находились под властью красных партизан, имевших централизованное руководство. И если Зорге сумел освободить Равенсбурга, значит, он действительно очень влиятельный человек. Возможно даже, что именно Зорге дал указание схватить немца, чтобы затем выручить его. Такая услуга обязывает к вечной благодарности. Этот доктор Зорге применил неплохой способ, чтобы завоевать себе верного друга.

Итак, через Равенсбурга к Зорге подступиться нельзя. Одзаки сменил тему разговора и вскоре, взглянув на часы, откланялся.

Равенсбург проводил его до дверей квартиры и не видел, как полковник, выходя из виллы, чуть не столкнулся с Кийоми. Оба сделали вид, что незнакомы.

Девушка не знала, зачем ее шеф приходил к Равенсбургу. Этот визит напугал ее. Когда дело касалось службы, Одзаки не считался ни с кем и ни с чем. Он мог рассказать Равенсбургу все о своей сотруднице, если бы это помогло осуществлению его замыслов.

Но ее опасения оказались напрасными. Едва она вошла в гостиную Равенсбурга, как услышала, что речь здесь шла совсем о другом.

— Знаешь, кто только что был у меня? Полковник Одзаки, начальник контрразведки! Он хотел, чтобы я следил за Зорге!

— Но, дорогой мой, — пыталась она его успокоить, — здесь следят за всеми иностранцами. В этом же нет ничего особенного!

— Конечно, нет ничего особенного, — согласился Равенсбург. — Одзаки может следить за кем угодно. Но из меня ему не сделать шпиона. Видимо, за определенными людьми необходимо наблюдать. И все-таки слежка — самое грязное

занятие, какое только можно себе представить.

Кийоми была вынуждена отвернуться, чтобы он не заметил, как ее задела эта фраза. Ей показалось, что сердце у нее остановилось. Что будет, если он когда-нибудь узнает, что она сама? Она была благодарна слуге, который внес чай и отвлек Равенсбурга.

— Ну, как, — вполголоса спросил Вилли своего хозяина, — снова поставить бутылку шампузы на лед… «на потом»? А?

* * *

Гаральд Лундквист, торгуя пушниной, составил себе некоторое состояние, позволившее ему построить в пригороде Токио — Омори — дом в европейском стиле.

Перед этим домом и остановился большой черный автомобиль господина Танаки. Пока секретарь премьер-министра находился на озере Яманака, уже совсем стемнело. Он не любил быстрой езды, особенно в темноте, и поэтому на обратную дорогу его шоферу потребовалось более двух часов.

Японец помог Биргит выйти из машины и, проводив ее до изгороди сада, услужливо открыл перед ней калитку.

Девушка подала на прощание руку.

— Этот вечер, — прошептал Танака, — важное событие в моей жизни. Я безгранично благодарен вам.

Затем он медленно, как будто это стоило ему большого усилия, сел в машину.

Биргит Лундквист проводила взглядом автомобиль, пока он не исчез за поворотом, затем медленно пошла к дому через ночной присмиревший сад.

Словно из-под земли перед ней вырос человек. От неожиданности Биргит отступила на шаг и в тот же миг узнала Зорге.

— Как ты испугал меня, Рихард! Давно ждешь?

— Послушай, Биргит. Мне нужно обязательно послать сообщение этой ночью. Тебе удалось что-нибудь узнать?

Она была настолько ошеломлена, что сразу не смогла ответить.

— А-а… это не может подождать до завтра?

Он схватил ее за плечи. Биргит почувствовала, что Рихард очень взволнован.

— Ты узнала, что с Квантунской армией? Что замышляют японцы?

— Мы не говорили о политике…

Он отпустил ее и некоторое время молчал.

— Мы совсем не говорили о Квантунской армии, Рихард, честное слово, не говорили.

И сейчас, среди ночи, он думал только о своем деле. Он не нашел для нее ни одного ласкового слова. Можно было понять его разочарование. Но и она была разочарована.

— Постой, о чем же вы тогда говорили весь вечер?

— О мехах, мой милый, о меховых шубах. В частности, о собольих манто.

— Значит, ты ничего не узнала, — с упреком проговорил он.

— Впрочем, мы говорили о мехах, которые покупают в Сибири, — сказала Биргит как бы вскользь. — Я хотела узнать, сможем ли мы, отец и я, побывать будущей зимой в Сибири и приобрести там меха.

Он снова положил руки ей на плечи.

— Ну и он ответил, что вы сможете поехать?

— Сначала он сказал, что они придвинули войска к границам Сибири.

По тому, как вздрогнули руки, лежавшие на ее плечах, она догадалась, что это известие для него очень важно.

— Ты точно поняла его? Как он это сказал?

— Ну так, как бы между прочим. Как будто это уже не является большим секретом.

— Прекрасно… А что дальше? Он сказал, что ты сможешь сопровождать отца во Владивосток?

— Да…

— Как он это сказал? Была ли это попытка перевести разговор с одной темы на другую или… Расскажи все до мельчайшей подробности, Биргит!

Она не отважилась больше поддразнивать его.

— Нет, Рихард, то, что он сказал, абсолютно точно… Он хочет снова увидеться со мной, и я ему обещала свидание после возвращения.

— Как он реагировал?

— Он был очень счастлив и униженно благодарил меня.

Рихард снял руки с ее плеч. Биргит услышала его глубокий вздох.

«И все это, — подумала она, — из-за какого-то материала для газеты. Чтобы опять первым сообщить еще одну сенсационную новость!»

Он вдруг подхватил ее на руки и поднял высоко в воздух.

— Ты чудесная девушка… Я не ожидал, что ты так много сделаешь.

Зорге осторожно опустил ее. Она увидела, как в темноте

светились его глаза.

— Ты выдержала экзамен на «отлично».

Он так прижал Биргит к себе, что у нее захватило дыхание. Не успела она попросить его быть осторожнее здесь, в саду перед домом ее отца, как Рихард разжал объятия. Секунду спустя он по-юношески легко перепрыгнул через изгородь. Биргит услышала, как затарахтел мотор и быстро затих вдали шум отъехавшего автомобиля.

Кто знал Петра Бранковича, официанта из ресторана «Старый Гейдельберг», никогда не подумал бы, что его квартира так изысканно и богато обставлена.

Бранкович жил в деревянном доме, расположенном в самом старом районе Йокагамы, чудом уцелевшем после грандиозного пожара 1923 года. Это было действительно чудо. У причала, недалеко от дома, тогда стоял югославский грузовой пароход. Моряки пустили в действие все помпы, образовали сплошную завесу над домом Бранковича и тем самым спасли жилище своего земляка от верной гибели.

Однако даже этот благородный поступок земляков не заставил Бранковича примириться с родиной. Он и слышать ничего не хотел о югославском государстве, созданном в 1918 году. Сразу же после окончания первой мировой войны Бранкович эмигрировал на Дальний Восток по той причине, что ему якобы не нравился диктаторский режим короля Александра. В действительности же дело обстояло несколько иначе.

За плечами Петра Бранковича было такое, о чем в Японии не знал ни один человек, кроме Зорге. Молодым офицером Бранкович стал активным членом «Черной руки» — тайной националистической организации, преследовавшей панславянские цели. От выстрела одного из ее участников в 1914 году погиб наследник австрийского императора, и это послужило сигналом к первой мировой войне. Какую роль играл в этом событии Бранкович, трудно сказать. Однако вполне определенно было известно: он принадлежал к тем стопроцентным панславянам, которые боролись за воссоединение Сербии с Россией даже после того, как она стала советской. Однако в Белграде были довольны, что Сербии достался солидный кусок бывшей Австро-Венгерской империи, и слышать не хотели о союзе с красной Россией.

Вот почему Петр Бранкович однажды был вынужден тайком покинуть родину. Что заставило его направиться в Японию, не совсем ясно. Можно, однако, предполагать, что сделать это ему

порекомендовали те же самые люди, которые послали в Токио доктора Зорге. Так Бранкович стал помощником Зорге по оперативной технике.

Жизнь изрядно потрепала Петра Бранковича, и он выглядел лет на десять старше своего возраста. Но за невзрачной внешностью скрывались ум и хорошее образование, чего нельзя было сказать о радисте Козловском. Вот и сейчас он сидел, безучастный ко всему, рядом с Бранковичем, проявлявшем фотопленки, хотя Зорге распорядился, чтобы Козловский помогал сербу в фотолаборатории.

Раздался телефонный звонок. Этот номер не был обозначен ни в одном телефонном справочнике и кроме Бранковича был известен лишь одному человеку — Рихарду Зорге. Поэтому не было никаких сомнений, кто находился на другом конце провода.

— Слушаю, — взял трубку Бранкович. — Так точно… Разумеется… Так точно!

Окончив разговор, серб мягко положил трубку на рычаг. Было видно, что он полностью подчинялся Зорге и даже немного побаивался его. Впрочем, Зорге был не только требовательным, но и строгим со своими подчиненными. Разведка сильна прежде всего дисциплиной. Железной дисциплиной и конспирацией.

— Это указание для тебя, — обратился Бранкович к Козловскому. — Нужно сделать немедленно. Выйдешь на своем судне в море и передашь сообщение.

Козловский оживился.

— Что, пошли наконец дела?

Бранкович пожал плечами.

— Откуда я знаю? Ведь это условный текст. Может быть, ты знаешь, что означают слова: «Тысяча тонн соевых бобов готова к отправке»?

— А почему бы мне не знать, Бранко? Это говорится о войсках, о Квантунской армии в Маньчжурии. Начальник говорил мне, что японцы собираются передвинуть солдат к границам Сибири, чтобы попугать Москву. Ну вот это и случилось.

Серб наклонил голову.

— Странно, — произнес он, как бы говоря самому себе, — странно, иногда я ничего не понимаю…

Козловский не слушал его. Он вытащил из кармана огрызок карандаша и принялся искать листок бумаги, чтобы записать сообщение.

— Ты с ума сошел! — набросился на него Бранкович. — Неужели не можешь запомнить две строки? Разве ты до сих пор не понял, как опасны записи?

Козловский не обратил внимания на резкость Бранковича.

— В конце концов, это условный текст, — проворчал он. — Но как вам угодно, как вам угодно, Бранко!

Вера Бранкович услышала на кухне, что ее муж повысил голос. Она быстро вошла в комнату, чтобы уладить спор.

У Петра теперь все чаще и чаще сдавали нервы. Постоянное напряжение, вечное ощущение опасности выдержать так долго было нелегко.

Вера не составляла исключения. Напротив, она нервничала больше всех, хотя и продолжала неплохо справляться с обязанностями курьера. Сейчас она решила воспользоваться удобным случаем, чтобы воздействовать на мужчин.

— Кажется, подошло время, — сказала она, — когда мы должны перестать играть с огнем. Нужно подыскать спокойное место и уехать отсюда.

Козловский в ответ весело рассмеялся, а Бранкович строго заметил жене:

— Думаю, тебе не следует вмешиваться в наши дела. У нас и без того хватает забот… И вообще это тебя не касается!

Вера хорошо знала характер мужа. Она не обратила пнимания на строгий тон Петра и его нахмуренный вид.

— Нет, меня кое-что касается, — раздельно и твердо произнесла она. — Меня не очень устраивает, если в один прекрасный день всех нас схватят и повесят.

Посол встал, давая понять присутствующим, что ежедневное утреннее совещание окончено.

— Прошу задержаться господ фон Эбнера, Фихта, Натузиуса, Клатта, Богнера, доктора Равенсбурга и, конечно, вас, милый Зорге.

Посол сделал движение рукой, как бы прощаясь с уходящими и одновременно извиняясь за то, что не оставил их на другое, более узкое совещание.

Оставшиеся принадлежали к так называемому «узкому штабу» посольства и занимали привилегированное положение, которому многие завидовали.

В самом деле, даже посол своей властью не мог ограничить компетенцию того или иного участка этого избранного круга, в котором обсуждались важные и секретные вопросы. Полковник Фихт представлял германские сухопутные силы. Капитан 1-го ранга Натузиус — военно-морской флот, майор Клатт — военно-воздушные силы. Доктор фон Эбнер, как советник посольства, являлся первым заместителем Тратта и был в курсе всех дел. Неограниченным доверием пользовался и Равенсбург — личный

референт посла. С Богнером дело обстояло иначе. Атташе по связям с полицией приглашался на узкие совещания потому, что имел «сильную руку» в партийной канцелярии Берлина. В посольстве прекрасно понимали, что официальная должность Богнера являлась фикцией. На самом же деле он не столько представлял германскую полицию, сколько осуществлял надзор за старыми дипломатами, дабы те не отклонялись от нацистской партийной линии. Вот почему каждый старался сделать все, чтобы Богнер — упаси бог! — не подумал, что от него что-то скрывают.

— То, что я вам должен сообщить, — начал Тратт, — имеет большое значение и может эм-м… оказать решающее влияние на ход войны. — Он помолчал и, убедившись, что его слушают внимательно, продолжал: — Принц Йоситомо через господина Танаку сегодня утром уведомил меня, что Квантунская армия, которую японцы, соблюдая строжайшую секретность, недавно перебросили к границам Сибири, в течение трех дней будет развернута для наступления.

Впечатление от этого сообщения было настолько велико, что в первый момент никто не мог произнести ни слова.

Наконец после довольно продолжительного молчания военный атташе сказал:

— Это совершенно меняет обстановку и дает нам основания ожидать больших событий.

— А с какой целью японцы проводят эти мероприятия, — поинтересовался фон Эбнер, — вам не сказали?

Посол отрицательно покачал головой.

— Нет… Более того, мне дали ясно понять, чтобы я не задавал дополнительных вопросов.

— Но ведь это значительно усилит напряженность и отношениях между Японией и Советским Союзом, — подал голос Богнер и оглядел присутствующих.

— Несомненно, — подтвердил посол, улыбнувшись наивности атташе по связям с полицией, и снова обратился к своему «узкому штабу»: — Я прошу вас, господа, использовать все ваши возможности, личные связи, чтобы более подробно узнать, какую цель преследуют японцы. Иногда бывает трудно понять, когда наши друзья обманывают, а когда действуют всерьез.

— Я предложил бы, — сказал полковник, — на следующей неделе дать обед для японского генералитета. Относительно тех, кто откажется, можно предположить, что они получили назначение в Квантунскую армию. А из этого нетрудно будет сделать известные выводы.

Посол Тратт кивнул.

— Хорошо, мы обсудим это сегодня после обеда. Нужно будет, пожалуй, пригласить и других лиц, чтобы прием для генералов не очень бросался в глаза. Итак, господа, все на передовую, в секреты!

Посол, бывший генерал, любил выражаться военным языком.

Члены «узкого штаба» разошлись не сразу. После такого важного сообщения трудно возвращаться к своим повседневным делам. Зорге и Богнер задержались у Рамнсбурга, кабинет которого находился рядом с апартаментами посла.

— Последствия этой операции трудно предвидеть. — Зорге первым начал обсуждать создавшуюся обстановку. — Круглым счетом миллион солдат — более пятидесяти дивизий, оснащенных самым современным мощным оружием, нацелились на русский тыл. Это прекрасно обученные солдаты, привыкшие к тамошнему суровому климату. И командуют ими, господа, кадровые офицеры! Для Советов это настоящая беда. Представляете? Японцы вламываются с черного хода как раз тогда, когда наши войска широко распахнули парадную дверь!

Прогноз Зорге, как всегда, был блестящим. Он знал гораздо больше того, во что Тратт посвятил свой «узкий штаб». Но журналист так бурно выражал радость по поводу намерений японцев, что вызвал возражения собеседников.

Равенсбург, например, не разделял показного энтузиазма Зорге. Кто с абсолютной уверенностью может сказать, что Япония действительно вступит в войну? А не является ли это только демонстрацией, мерой предосторожности, вызванной вечным недоверием Токио ко всему остальному миру? И разве не правильнее допустить, что Квантунская армия лишь тогда вступит в дело, когда Россия уже будет повержена? Это дало бы Японии возможность получить Приамурье, не потеряв ни одного человека.

— Учитывая характер наших друзей, — сказал Богнер, — легко допустить, что они хотят оказать давление на Советы. Взять хотя бы старый спор о правах на ловлю рыбы у советского побережья. Возможно, японцы хотят получить и северную часть Сахалина… В этом свете выход Квантунской армии к границам Сибири можно рассматривать лишь как средство давления.

Зорге, который без церемоний воспользовался бутылкой коньяка, обычно приберегаемой Равенсбургом для посетителей, поставил рюмку на стол.

Он надеялся, что предстоящий разговор, если его умело направить в нужное русло, поможет ему выяснить действительные намерения японцев. Богнер и Равенсбург знали немало.

— Я не понимаю, господа, — сказал он наигранно повышенным тоном, якобы раздраженный такой оценкой событий, — я просто не понимаю, почему вы непременно хотите преуменьшить значение переброски японских войск! Ведь никто же не может оспаривать, что миллион желтых на этой стороне обязательно скует миллион красных на той. А это значит, что Советы не смогут использовать против нас свою сильную сибирскую армию. Они будут вынуждены оставить ее для прикрытия тыла, хотя на западе у них все полыхает ярким пламенем. — Зорге, увлекшись, хлопнул себя по коленям. — Подумайте, господа, как горячо сейчас Сталину и как он кипит от злости на японцев! Никогда не простит он сынам Страны восходящего солнца переброску войск к границам России!

— Возможно, — согласился Богнер, — такая переброска имела бы решающее значение, если б сибирская армия оказалась скованной. Но это все же сомнительно, учитывая неисчерпаемые людские резервы России.

Зорге сделал вид, что его раздражает апломб, с которым этот новичок в Японии осмелился оспаривать его доводы, доводы признанного специалиста по Дальнему Востоку.

— «Неисчерпаемые людские резервы», — с издевкой протянул он. — Что я слышу? Нигде еще не были людские резервы неисчерпаемыми, и Советы отнюдь не составляют исключения. Кроме того, люди — это еще далеко не обученные войска. Миллион хороших солдат на Дальнем Востоке, скованных сейчас Квантунской армией, — это даже для Советов большая потеря. Если России не удастся перебросить их на запад, это может иметь для нее роковые последствия.

— Убедительно, — согласился Равенсбург. — Но не думаете ли вы, Зорге, что русские все же перебросят сибирскую армию на запад, если встанет вопрос: жизнь или смерть? Они могут на это пойти, несмотря на опасную обстановку на Дальнем Востоке.

— Этого они никогда не сделают, — решительно парировал Зорге. — Пока существует хоть малейшая опасность вторжения японцев в Сибирь, Кремль будет держать на Дальнем Востоке сильную армию.

— Конечно, эта теория заслуживает внимания, — сказал Богнер. — Но это все же одна из многих теорий, и только. Точно так же, возможно, что…

Зорге стукнул кулаком по столу.

— Я не могу понять, — воскликнул он, — почему высказывается столько скепсиса по поводу такого удивительно благоприятного для нас развития событий! Именно от вас, Богнер, принадлежащего к нашей черной элите, можно было

ожидать куда более трезвых суждений! Мне действительно приходится удивляться.

Атташе по связям с полицией побледнел. Он никак не ожидал подобного удара. Богнер знал: упрек Зорге в том, что он не верит в союз Германии с Японией, может обернуться для него, Богнера, большой неприятностью. Национал-социалистская группа в Токио не особенно хорошо относилась к атташе, подозревая, что он больше симпатизирует посольству, чем партии и ее членам. Если Зорге — пропагандист местной партийной группы, человек с большим влиянием — распространит слух, что атташе по связям с полицией сомневается в конечной победе Германии, то ему, Богнеру, придется туго. Не помогут, конечно, и связи в Берлине. «Значит, надо обороняться самым энергичным образом!» — сделал для себя вывод Богнер.

— Я нисколько не сомневаюсь, — заявил он, — что мы поставим Советский Союз на колени. Но, как добрый немец, я всей душой хочу, чтобы это произошло как можно скорее и с самыми минимальными для нас потерями. Это, господин Зорге, мое единственное сомнение, если его вообще можно назвать сомнением. И если вы хотите назвать это недостаточной верой в наше дело или даже сомнением в нашей конечной победе, то тогда у меня возникают совсем другие сомнения относительно вас.

— С такими типами, как вы, — крикнул Зорге, — с такими типами вообще невозможно говорить! Вы абсолютно не можете оценить величие момента.

С этими словами он вышел из комнаты, хлопнув дверью. «Пожалуй, мои сведения подтверждаются, — подумал Зорге. — Не переборщил ли я только с этим типом из полиции?»

Богнер схватил рюмку коньяка и осушил ее одним глотком. Равенсбург не мог толком понять, что, собственно, произошло. Почему Зорге так рассвирепел? Кажется, особых к тому причин не было?

— Знаете что, Равенсбург, — выдавил Богнер после длительной паузы, — я не доверяю этому парню.

— Почему? И что вы подразумеваете под этим «не доверяю»?

— Видите ли, этот Рихард Зорге. Он живет совсем иначе, чем говорит. У него странные связи. Все эти опустившиеся интеллигенты, которые в прошлом были левыми и изрядно насолили здешнему правительству. Вы знаете, мы ведь вовсе не в таких уж хороших отношениях с японским правительством. Однако на пропагандистских вечерах в «Немецком доме» Зорге говорит в возвышенном тоне об общности арийских народов, о зимней помощи и о всяких других вещах. Но тотчас прячет

подальше свой партийный значок, как только заканчивается собрание. А расовый вопрос, дорогой Равенсбург, Зорге не разборчив в таких делах. Я вовсе не имею в виду японцев: мы объявили наших друзей настоящими арийцами. Но с кем он только не общается! Даже с мулатами, в жилах которых течет негритянская кровь!

— Ну, в этом отношении он, кажется, исправляется, — прервал Равенсбург обвинительную речь Богнера. — Ведь никто не сможет оспаривать чистоту арийской крови маленькой Лундквист.

Однако Богнер не дал сбить себя с толку.

— Все же, Равенсбург, поверьте мне: этот патриотический энтузиазм по поводу рейха и фюрера не истинное лицо Зорге…

— Вы раздражены, Богнер: Зорге наговорил вам массу неприятных вещей. Поэтому вы необъективны. Не забывайте, какие задачи стоят перед Зорге. Чтобы получить ценную информацию, он вынужден поддерживать контакт даже с теми кругами, которые не разделяют его взглядов. Он должен встречаться с людьми левых убеждений, потому что только они могут рассказать ему о слабостях Японии. А что касается женщин, которым Зорге очень нравится, то он был бы глупцом, если б не использовал и эти свои шансы. Тратт совершенно прав, когда говорит, что в данный момент главное — успех, а не средства, которыми пользуется Зорге.

— С этим я полностью согласен, — задумчиво покачал головой Богнер, — но кто знает, может быть, для Зорге более важны средства, нежели цель.

Равенсбург насторожился. Так просто нельзя было отмахнуться от того, что сказал сейчас Богнер. Зорге — действительно загадка. И, может быть, атташе по связям с полицией научился в Берлине, в гестапо, лучше разбираться в людях, чем об этом думали в посольстве? Впрочем, сейчас акции Зорге котируются слишком высоко, чтобы серьез разделять сомнения Богнера.

— Вам, Богнер, не стоит ссориться с Зорге, — предостерег он. — У него большие связи в Берлине. Говорят, он докладывает самому Борману. Да и здесь у него прочные позиции. Посол относится к нему очень хорошо.

Вогнер пренебрежительно усмехнулся, но все же решил на рожон не лезть.

— Может быть, вы правы, Равенсбург. Допускаю, Зорге на самом деле нужен нам. Но я хочу сказать только одно: мы слишком мало знаем о Рихарде Зорге!

***

Последний праздник хризантем, устроенный по древнему обычаю императорским двором Японии, состоялся в сентябре 1941 года по традиции в большом парке замка Акасака.

Императорская семья никогда не пользовалась этим большим старинным дворцом. Он был построен в период первых реформ императора Мэйдзи в стиле европейских замков для чисто представительских целей. В нем размещали иностранных монархов, посещавших Японию. Такой дворец, сооруженный по заграничному образцу, нисколько не отвечал представлениям японского народа о жилище, в котором должен обитать божественный император. По традициям тысячелетней давности, перед которыми склонялись даже всесильные правители Японии, император должен скрываться от взоров своих подданных и земной суеты за высокими стенами, окруженными глубокими рвами. Он не беспокоился о завоевании популярности: именно строгая изоляция возвышала его в глазах японцев.

Лишь раз в год открывались ворота большого парка дворца Акасака перед толпой избранных гостей, приглашаемых на праздник хризантем. Этот праздник отнюдь не был похож на карнавал или выставку цветов. На подставке, смахивающей на большой мольберт, было выставлено несколько цветочных горшков. В каждом из них росли три, иногда четыре большие хризантемы, отличавшиеся одна от другой только оттенком: голубая, чуть темнее, еще темнее и почти темно-синяя; красная, немного светлее, еще светлее, почти розовая. Главное, что отличало эти цветы от всех других хризантем, — это число лепестков: ровно шестнадцать. Столько же, сколько на священном императорском гербе.

Для японцев эти цветы были символом глубочайшего смысла: глядя на шестнадцатилепестковую хризантему, каждый из них чувствовал себя единым с императором, богом и империей.

На европейцев эти хризантемы не производили большого впечатления. Присутствовать на таких праздниках входило в их служебные обязанности. К тому же это давало хорошую возможность побеседовать с высокопоставленными японцами.

А они — вельможи и сановники — все собрались здесь. Вот принц Йоситомо со своим кабинетом. Все в старинных одеяниях. Командующий военно-морским флотом и высшие офицеры главного морского штаба были облачены — теперь уж такого не увидишь! — в парадную форму с эполетами и шпагами. Генералы красовались в темно-синих мундирах и шлемах с развевающимися перьями, а гвардейские офицеры — в ярко-

красных мундирах с широкими серебряными галунами. Принцы и герцоги были в скромных нарядах, и только люди сведующие могли узнать Токугаву, Маэду и Того или финансовых тузов вроде Мицуи.

Иностранные послы и их сотрудники сверкали расшитыми мундирами и блестящими орденами. Вместе с военными атташе они представляли живописную картину, заставлявшую вспомнить о временах Венского конгресса.

На празднике присутствовали дипломатические представители государств, между которыми шла ожесточенная война. Поэтому посол Тратт предупредил своих сотрудников, чтобы они держались вместе и по возможности избегали какого бы то ни было общения с представителями вражеских государств. И это было тем более неприятно, что каких-нибудь года два назад немецкие дипломаты поддерживали очень тесный, а в некоторых случаях даже дружеский контакт со своими нынешними противниками. Равенсбург смотрел издалека на своего партнера по теннису Джеральда Кресуэлла, с которым он очень дружил во время учебы в Кембриджском университете. А сейчас не смел даже кивнуть ему: ведь их государства воевали между собой.

— Смешно, — сказал он, обращаясь к Зорге, — правительства принуждают нас относиться к своим лучшим друзьям как к врагам.

Зорге улыбнулся.

— Не говорите так громко, мой друг. Иначе вас обвинят в разложенчестве.

Они увидели направляющегося к ним Танаку. Секретарь премьер-министра остановился перед немцами и, улыбаясь, склонился в глубоком поклоне.

— Разрешите передать вам привет, — сказал он вполголоса, обращаясь в Равенсбургу, — от вашего кембриджского друга. Он просит уведомить вас, что еще не сошел с ума, как весь мир.

Зорге, услышав слова Танаки, громко рассмеялся.

— Если вы сейчас передадите ответный привет, мой друг, вам припишут недозволенные сношения с врагом.

Равенсбург улыбнулся шутке Зорге, поблагодарил Наку и попросил японца сказать Джеральду Кресуэллу что он верен старой дружбе. Посол обратил внимание на веселое настроение своих удников.

— Боюсь, как бы вы не заразили меня своим смехом, — сказал он с мрачной миной. — Только что министр иностранных дел пригласил меня на беседу после церемонии. Случилось, видимо, что-то серьезное. Зорге поднял брови.

— А что там?.. Этот Гото — старая жаба, коллекционер

всяких неправдоподобных слухов.

— Мне кажется, — вставил полковник Фихт, — действительно что-то случилось. Генерал Миями едва ответил на мое приветствие. Да и другие господа из военного министерства слишком холодны со мной.

Капитан 1-го ранга Натузиус хотел что-то добавить, но ему помешал заведующий протокольным отделом Судзуки, попросивший дипломатов встать в соответствии с их рангом: с минуты на минуту должен появиться император.

Судзуки быстро расставил гостей, как детей на школьном дворе, по аллее парка Лкасака. Всем иностранным дипломатам, независимо от того, находились ли их государства в союзе или воевали между собой, была отведена левая сторона аллеи. Судзуки разместил их строго по старшинству, учитывая ранг и занимаемую должность. На правой стороне выстроились члены японского правительства, адмиралы, генералы, знатные дворяне, промышленные тузы и выдающиеся деятели науки.

Несколько минут напряженного ожидания вновь сменились непринужденной болтовней. Но когда трижды резко прозвучала труба, в большом саду наступила полная тишина.

Издалека негромко донеслись звуки кимигайо — императорского гимна. Музыка постепенно усиливалась, заглушая топот конной гвардии, приближавшейся к главным воротам. Эскадрон, сопровождавший автомобиль императора, прогарцевал по аллее мимо гостей. Конные гвардейцы, как каменные изваяния, глядели прямо перед собой, лишь флажки весело развевались на их блестящих пиках.

На аллею медленно въехали три «мерседеса» с императором и его свитой.

В одно мгновение все японцы, в том числе и офицеры, склонились в глубоком поклоне.

Хирохито медленно вылез из автомобиля и, приложив пальцы к фуражке, приветствовал спины своих знатных подданных.

Тэнно — «Сошедший с неба» — могущественный император Японии был не в парадной форме. Его маленькая фигурка была затянута в армейский китель бурого цвета, без единого ордена. Он выглядел старше своих сорока лет и уже немного сутулился. Внимательные глаза, глаза ученого, прятались за очками с толстыми стеклами без оправы. Маленькие лихие усики напоминали о моде конца прошлого столетия. В левой руке он держал шпагу, которая казалась слишком длинной для такого низкорослого мужчины и явно мешала ему при ходьбе.

Он ждал, когда столпы его империи снова примут вертикальное положение. Первым наконец выпрямился премьер-

министр. Это явилось сигналом для остальных. Они последовали примеру главы правительства и с безмерным удивлением рассматривали худого, невзрачного человека, который был для них одновременно богом, главным жрецом и правителем и лицезреть которого разрешалось только немногим избранным.

Пока не смолкли звуки гимна, Тэнно стоял в одиночестве посредине широкой аллеи. Затем он повернулся к дипломатическому корпусу, выстроившемуся плотной шеренгой. Сопровождаемый министром двора графом Маэдой и принцем Йоситомо, император двинулся вдоль фронта дипломатов, с которыми, как было предусмотрено заранее, Хирохито должен был обменяться одной-двумя фразами.

Кроме посла Тратта из сотрудников германского посольства такой чести удостоился только Равенсбург. «Очевидно, только потому, — решил дипломат, — что время моего пребывания в Токио перевалило за четыре года». Судзуки уведомил Равенсбурга, что скажет ему Хирохито: речь будет идти о том, что сегодня хорошая погода. И все. Живой бог не ведет разговоров на политические темы с молодыми иностранцами.

Император подошел довольно быстро, протянул послу втиснутую в перчатку правую руку и спросил по-французски, как тот себя чувствует. Тратт не успел ответить, как император уже очутился перед Равенсбургом и испытующе уставился на него через толстые стекла очков. Граф Маэда низко склонился и назвал Равенсбурга.

Император подал ему вялую руку и улыбнулся.

— Сегодня хорошая погода, — сказал Хирохито. Равенсбург не рассчитывал, что ему придется отвечать императору. Поэтому он не нашел ничего лучшего, как сказать:

— Действительно, ваше величество очень хорошая погода.

Хирохито кивнул, отошел, но вскоре обернулся и снова взглянул на молодого человека. Он кивнул министру двора, тот наклонился, и император спросил его что-то по-японски. Равенсбургу показалось, что он услышал фамилию Номура, но не был уверен, точно ли это.

Хирохито еще раз обернулся и взглянул на Равенсбурга. При этом император сделал такое движение рукой, как будто хотел поприветствовать и ободрить молодого дипломата.

После этого правитель Японии подхватил свою шпагу, путавшуюся у него в ногах, подошел к советскому послу и спросил его, понравились ли ему цветы.

— Они очень красивые, — ответил по-французски русский дипломат Сыну неба. Но тот, не слушая, уже шагал дальше.

Коллеги столпились вокруг Равенсбурга и взволнованным

шепотом обсуждали происшедшее. Даже Тратт был поражен.

— Ну, Равенсбург, что это у вас с Тэнно? Он знает, как вас зовут, и говорил о вас с Маэдой.

Равенсбург пожал плечами.

— Не знаю… Вероятно, он повторяет все фамилии, чтобы их сейчас же снова забыть.

Итальянский посол, стоявший рядом с Траттом, легко сжал локоть своего немецкого коллеги и показал подбородком на маленькую даму, которая приветливо кивнула представителю Германии. Она была одета в странный наряд. Ее платье, узкое в талии, ниспадало колоколом до самой земли. На голове красовалась огромная шляпа, украшенная страусовыми перьями. В левой руке она держала белый кружевной зонтик.

Вторая дама, одетая точно так же, только выше и полнее, стоявшая позади первой, удивленно раскрыла глаза. Тратт вздрогнул под взглядом маленькой дамы и поспешил, низко склонившись, поцеловать ей руку. Другие дипломаты последовали примеру германского посла и были награждены сердечной улыбкой.

— Каррамба! Что это за создание образца 1912 года? — поинтересовался Натузиус, когда маленькая кругленькая дама в белом проплыла дальше.

— Потише, капитан, — предостерег его советник фон Эбнер, — выражайтесь более почтительно — это императрица.

Военный оркестр переключился на какое-то попурри

По всей видимости, это означало, что официальная церемония закончилась.

Хирохито со своей свитой удалился в большую палатку из белого шелка, на которой был выткан императорский герб. Там был накрыт для него чай. Но он не сел, а остался стоять, окруженный вельможами. Ему представляли заслуженных чиновников и знаменитых ученых. Император дарил им несколько приветливых слов или награждал орденами.

— Ну, сейчас мы узнаем, что за роковую весть подготовили японцы для меня, — обратился Тратт к своим сотрудникам.

Он увидел, как к ним приближался Танака, за которым медленно, как и полагается важной персоне, следовал принц Йоситомо.

Секретарь, не говоря ни слова, склонился в низком поклоне. Но посол и без этого знал, что нужно было делать. Он пошел навстречу премьер-министру. Остальные сотрудники посольства остались на месте.

— Вы видели, какое бесстрастное лицо было у Танаки? — спросил фон Эбнер.

— Каррамба! Парень ни разу не улыбнулся. Это означает, что нам грозит какая-то крупная неприятность.

И на самом деле случилось чрезвычайное происшествие.

— Ваше превосходительство, я в крайнем смущении, — без всяких предисловий заявил принц Йоситомо Тратту. — Сегодня утром меня посетил советский посол и спросил, что означает передвижение Квантунской армии к границам Сибири.

— Советский посол? — повторил Тратт с таким видом, будто его ударили по голове.

— Совершенно верно. Он знает обо всем, и я был так же ошеломлен, как и вы сейчас, ваше превосходительство.

— Но как же это. В таком случае можно подозревать, что произошло предательство.

Премьер-министр опустил глаза и предоставил слово министру иностранных дел, который, немного волнуясь, изложил подробности.

— Вам, ваше превосходительство, хорошо известны советские порядки в дипломатических делах. Поэтому пы понимаете, что советский посол предпринял такой важный шаг не по собственной инициативе, а по указанию Москвы. А из этого можно сделать вывод, что в Кремле узнали о наших намерениях прежде, чем мы их осуществили.

— Получается, — заметил тихо премьер-министр, скорее для себя, чем для окружающих, — что посол Сталина получает важные сведения прямо в Токио.

Между тем Танака разыскал начальника генерального штаба генерала Миями и полковника Одзаки и привел их к месту беседы.

— Вы ведь отдали приказ войскам? — осведомился еще раз премьер-министр у Миями. — Когда это было?

Генерал Миями повторил вопрос начальнику контрразведки и, получив от него необходимые сведения, ответил:

— Это было сегодня ночью, точнее, в час ноль-ноль. Я получил донесение из Маньчжурии о том, что переброска войск началась только сегодня в полдень. Раньше это невозможно было сделать: с некоторыми штабами плохая радиосвязь.

— Следовательно, в Кремле узнали о переброске войск, которая еще не произошла, — констатировал Одзаки. — Предательство, к сожалению, совершилось в самом Токио.

— И именно с помощью радиопередатчика, который вы никак не можете запеленговать, — язвительно добавил генерал Миями.

Лицо Одзаки стало пепельно-серым.

— Вчера вообще не были зарегистрированы нелегальные радиопередачи, — доложил он так тихо, что его с трудом

расслышали.

Принц Йоситомо снова обратился к Тратту:

— Ваше превосходительство, число посвященных было сведено к минимуму, чтобы обеспечить сохранность тайны. Разрешите задать вопрос: говорили ли вы об этом кому-либо из ваших сотрудников?

Никогда еще Тратт не чувствовал себя так отвратительно.

— Да, я сказал, — признался он, — и не одному, а нескольким — моему «узкому штабу».

— Когда это произошло, ваше превосходительство? Вопрос времени играет очень важную роль.

— После окончания обычного утреннего совещания, которое началось в десять часов. Значит примерно в половине одиннадцатого.

Принц Йоситомо стал несколько любезнее.

— Тогда наши опасения напрасны. Советский посол был у меня уже в половине двенадцатого. Вряд ли Кремль смог бы за какой-нибудь час подготовить такой серьезный шаг. Впрочем, русский посол был в обычном костюме, а не во фраке. Значит, он очень спешил.

Тратт овладел собой и стал протестовать против подозрения, павшего на немецкое посольство.

— Ваше высочество, абсолютно исключено, чтобы кто-нибудь из моих сотрудников нарушил свой долг, даже по легкомыслию, не говоря уже о преступных намерениях. Я полностью доверяю каждому из них.

— И я доверяю моим людям, ваше превосходительство, — ядовито ответил Йоситомо, — но тем не менее я принимаю строжайшие меры предосторожности. Я приказал, чтобы присматривали даже за мной. Мой секретарь Танака обязан следить, чтобы меня не втягивали в опасные разговоры. Разрешите, ваше превосходительство, посоветовать вам последовать моему примеру и полностью не доверять даже лучшему другу. Не нужно бояться, что вас обвинят в излишней недоверчивости или даже в шпиономании.

Подбежавший императорский адъютант в ярко-красном мундире прервал беседу.

— Его величество, — выпалил он одним духом, — вызывает полковника Одзаки. Глаза присутствовавших обратились на несчастного, который, как они предполагали, должен будет выслушать сейчас упреки самого Сына неба. Каждый знал, что это означало для офицера: он считался потерявшим честь, и лишь одна смерть от собственной руки — харакири — могла искупить его вину.

Одзаки приложил пальцы к козырьку фуражки и поспешил за адъютантом к палатке из белого шелка.

Принц Йоситомо грустно посмотрел ему вслед.

— Вот видите, мы доставили заботы даже его величеству. Мне очень стыдно перед ним.

Присутствовавшие помолчали некоторое время, отдав тем самым дань уважения чувствам, охватившим премьер-министра.

— Разрешите спросить, ваше высочество, — прервал молчание Тратт. — Какой ответ получил советский посол?

Премьер-министр пожал плечами.

— Как обычно, ваше превосходительство. Трафаретные слова о маневрах, об учениях войск, которые время ит времени проводит армия любого государства.

Германскому послу хотелось, конечно, узнать, что же это было в действительности — переброска японских войск к советским границам или очередные учения. Но ему показалось, что сейчас неподходящий момент для выяснения этого вопроса.

— Мы примем самые решительные меры, — продолжал Йоситомо и обратился к своему секретарю: — Танака, вызовите сегодня во второй половине дня префектов полиции всех провинций и объявите по всей стране чрезвычайное положение номер два. Мы должны раскрыть предательство, где бы ни скрывался предатель. А вас, Миями-сан, я попросил бы…

Однако генерал уже обдумал создавшееся положение и позволил себе перебить премьер-министра:

— Преемник полковника Одзаки получит неограниченные полномочия… Ему будет предоставлено право подвергать проверке любое учреждение, отдавать приказы командирам воинских частей и задерживать всякого, на кого падет хотя бы малейшее подозрение.

— Преемник Одзаки, — повторил иронически посол Тратт. — Вы действуете молниеносно, генерал!

И он показал глазами на полковника, приближавшегося к ним. Одзаки совсем не походил на человека, который был уничтожен упреками высочайшей особы. Он шел пружинистым шагом, и его глаза самоуверенно поблескивали в ответ на вопросительные взгляды сановников.

— Ну и как? — спросил полковника премьер-министр.

— Его величество соблаговолил только поинтересоваться одним иностранцем, — лаконично ответил Одзаки, дав понять, что он не намерен более распространяться на эту тему.

— А вопрос, который мы здесь обсуждали, не был затронут? — вмешался Миями.

— Нет, господин генерал. Его величество не упомянули о

нем.

— Тогда прекрасно, — подвел итог принц Йоситомо. — Генерал Миями даст вам, Одзаки-сан, исключительные полномочия. Подробные указания получите на завтрашнем утреннем совещании в имперской канцелярии. — Он вежливо протянул руку Тратту. — Ваше превосходительство, не доверяйте никому, даже вашим близким друзьям, — попросил Йоситомо снова. — Не беда, если впоследствии выяснится, что это было излишне.

Он по-светски раскланялся с послом и кивнул остальным.

Полковник Одзаки, собравшийся последовать за премьер-министром, неожиданно обратился к Тратту:

— Один вопрос, ваше превосходительство. Господин доктор Зорге тоже принадлежит к вашему «узкому штабу»?

— Разумеется. Полковник вежливо кивнул.

— Ах, конечно. Простите, я забыл об этом.

Тратт дружески улыбнулся начальнику контрразведки и поспешил к своим сотрудникам, внимательно наблюдавшим издали всю эту сцену. Они сгорали от нетерпения: что же, в конце концов, случилось?

И только Равенсбург не слышал, о чем говорил посол: его отвел в сторону Судзуки. Заведующий протокольным отделом протянул ему маленькую кожаную коробочку с тисненным золотом императорским гербом.

— Его величество соблаговолили, — прошептал сильно взволнованный Судзуки, — наградить вас орденом Хризантемы.

* * *

Равенсбург остановил автомобиль перед мостом, выкрашенным в красный цвет, и хотел было помочь Кийоми выйти. Но она уже стояла возле машины и поглаживала радиатор так, как гладит шею своего коня всадник после долгой скачки.

— Наш верный «мерседес»-сан уже совершенно здоров.

— Надежная тачка, — подтвердил Равенсбург, — иначе мне бы больше не видать этих мест! Ну, нам пора.

— Будь с ней поласковей, Герберт, она может обидеться.

— Кто может обидеться?

— Твоя машина, Герберт. Мы, японцы, верим, что любая вещь — живое существо, что у всякого предмета есть душа и, конечно уж, у такой машины. Ведь в ней сохранилось кое-что от каждого, кто ее задумывал и участвовал в ее создании. Автомобиль — порождение разума и рук людей.

— Скажи-ка, Кийоми, а ты сама тоже в это веришь?

— Конечно, ведь это приятно. Вера обогащает жизнь, мир делает более живым. Попробуй представь себе, что твой автомобиль вполне сознательно защитил тебя, когда рухнул с дороги в море!

Равенсбург не знал, как ему следует реагировать: то ли улыбнуться, то ли сохранить серьезную мину.

— Как тебе сказать… могу, конечно, попытаться представить себе это. Но знаешь, мой «мерседес» так воображает из-за звезды на капоте — еще бы, сам император ездит на такой же машине! Порой даже нагло ворчит: почему и я не происхожу от солнца?

Не заметив, как вздрогнула при его легкомысленных словах Кийоми, он взял ее за руку, и они пошли по крутому деревянному мосту в парк Никко.

Они бывали прежде в Никко, но не вдвоем. Равенсбургу очень хотелось бы взглянуть глазами Кийоми на бескрайние просторы парка и его храмы. Для нее ведь все имело глубокое значение и символику. Иностранцу же оставалось наслаждаться тем, что открывалось его взору, и считать, что внутреннее содержание вполне выражается внешним видом.

Та Япония, которая пока еще сохранялась в этой долине, была Японией семнадцатого века как по духу, так и по форме. Повсюду в храмах, украшенных тонкой резьбой и сверкающих позолотой, курились благовония. Стоя на коленях, молились верующие. Через залы спешили к началу богослужения монахи в белых одеяниях. Паломники бросали свои дары в бронзовые чаши, и удары гонга извещали об этом богов. Белоснежные голуби летали вокруг пагод, другие склевывали корм чуть ли не у самых ног набожных паломников, словно зная, что, как святые птицы, они имеют право на пропитание. Павлин распустил сверкающий хвост, и на его пестром оперении стали видны глаза богов.

— Нам повезло, Кийоми, что сегодня нет туристов. Они бы нам все испортили, носились бы тут взад-вперед. А сейчас мы действительно можем представить себе, что живем в чудесном 1741 году, а не в нашем отвратном 1941-м…

Она с готовностью кивнула.

— Да… в самом деле тут нет ничего, что напоминало бы о сегодняшнем дне.

Равенсбург хотел было сказать, что, к сожалению, никуда не деться от современных мыслей, но решил промолчать, чтобы не портить счастливого настроения Кийоми.

Они шли по широкой, обсаженной гигантскими кипарисами аллее к великолепному храму Иэясу. Белое с золотом сооружение

уже виднелось сквозь деревья. Стояла осень, а значит, самое красивое время года в Японии. Цветы и растения уже больше не поражали разнообразием ярких красок, это делали теперь листья деревьев и кустов. Их осенняя расцветка в Японии намного живее и пестрее, чем в Европе. Палитра изменяется от светло-желтого до темно-фиолетового. Пламенеют дубы, всеми оттенками синего играют буки, а листья тополя белы, словно снег. Здесь есть любой цвет, любой мыслимый оттенок. С июля по ноябрь эта картина, созданная природой, постепенно меняется. Каждая неделя являет посетителю иной пейзаж, окружает его другой симфонией красок.

— Кто не знает, — промолвила Кийоми, — тот действительно верит, что здесь все выросло само по себе, что вокруг просто хорошо ухоженный лес. А ведь все тут сделано руками человека. Так было задумано триста лет назад именно в расчете на то, чтобы сегодня это выглядело именно так и не иначе. Даже ветви растут так не от природы. Тридцать, пятьдесят, а может быть, и все сто лет подряд их по-особому связывают и изгибают, чтобы сегодня они выглядели так, как мы их видим.

— А разве это не насилие над их душой?

— Да нет же… их душе это приятно. Ведь даже направление, в котором растет ветвь, имеет определенный смысл. Каждое дерево, которое ты здесь видишь, повествует о себе или выражает какое-либо пожелание. Правда, сейчас лишь немногие способны истолковать это.

— А ты можешь, Кийоми?

— Все — едва ли, — задумчиво ответила она, — но многое.

Как же мало он ее знал! Древняя Япония сидела в ней куда глубже, чем он вначале предполагал. Может быть, она всерьез верила, что у неживых существ есть душа?

— Гуляя по парку, ты видишь то, о чем я даже не подозреваю, — сказал он. В его голосе слышались уважение и нескрываемое восхищение. — Ты читаешь Никко, как книгу. Деревья рассказывают тебе свои жизни, а кустарник желает тебе счастья.

Она не видела в этом ничего особенного.

— Да, примерно так. Здесь даже в ландшафте заключен определенный смысл. Извивы ручьев приветствуют добрых духов. Каждая скала, поросшая мхом, — это одна из наших святых гор. Все имеет смысл, каждый пруд и островками и окружающими его холмами.

— Они что, тоже творение рук человеческих? В этой долине вообще ничего не оставлено так, как было создано природой?

— Да, ничего, религиозные люди сделали все гораздо красивее, чем природа.

Судя по всему, подумал Равенсбург, японцы не считают за грех попытаться перехитрить создателя. Более того, богам даже, наверное, нравится такое. Он решил поговорить с Зорге. Тот уж, конечно, объяснит, как японцы себе это мыслили.

Тут Кийоми потянула его за собой к фасаду храма, сплошь покрытому резьбой.

— Попробуй теперь сказать, что наши символы непонятны для европейцев. Взгляни-ка вон на тех трех деревянных обезьянок. Одна закрыла рот, другая — глаза, третья — уши. Знаешь их?

— Кто их не знает? Они олицетворяют принципы осторожности: ничего не говорить, ничего не видеть, ничего не слышать! Изображения этой умной троицы есть во всем мире.

— Но эти обезьяны — оригинал, — с гордостью сказала она. — Именно отсюда их изображение распространилось по миру. И ты, дорогой, не должен забывать об их предостережении.

Равенсбург даже и предположить не мог, насколько в точку она попала.

— Конечно, это чертовски полезные советы особенно для нас там, дома!

Им пришлось отойти в сторону, уступив дорогу процессии священников в белом. Двое из них несли на черном шесте ящик, задрапированный белым шелком. Ящик был украшен богатым, искусно вышитым гербом.

Верующие, мимо которых проходила процессия, склонялись в глубоком поклоне. Склонилась в поклоне и Кийоми.

— Что в ящике? — спросил Равенсбург.

— Обед для Иэясу, великого сегуна!

— Для Иэясу? Но он же умер сотни лет назад!

— Да, он умер двести лет назад, и с тех пор его дух живет там, в храме.

— И что, духа кормят?

— Да, кормят, но, конечно, символически.

Ему нечего было возразить. Кийоми, во всяком случае, считала, что это в порядке вещей.

— Давай-ка лучше взглянем на большой гонг, —предложил он.

— Хочу рискнуть — вдруг мне удастся заставить великана заговорить.

По шуршащему гравию они направились к деревянной постройке, стоявшей на четырех подпорках из древесных стволов, которые увенчивала соломенная крыша. Под ней висел гонг. Говорили, что крупней его в мире нет. Перед гонгом на двух прочных канатах был подвешен ствол дерева, такой толстый и

тяжелый — как таран, что применяли древние римляне, чтобы взломать ворота осажденного города. Головная часть ствола была обита кожей, она ударяла по гигантскому гонгу.

— Только не напрягайся, — предупредила Кийоми, — не забывай о своих сломанных ребрах.

Равенсбург изо всех сил уперся плечом в могучий ствол. И совсем уж хотел отказаться от своей затеи, как вдруг этот тяжеленный снаряд стронулся с места. Постепенно набрав ход, он с силой ударил по бронзовому кругу.

Оба почувствовали, как вокруг задрожал воздух. Раздался звук, который, казалось, заполнил собой Вселенную. Низкий, глухой гул еще долго стоял в воздухе и наконец затих.

— Наверное, его и в самом деле услышали все боги, а, Кийоми? Ты загадала какое-нибудь желание?

Она покачала головой.

— Желание тут ни при чем. Говорят, что мужчина, который способен ударить в этот гонг, может заставить забиться чаще сердце любой женщины.

— Тогда мне и не нужно было так напрягаться, — засмеялся он, — надо было бы только пожелать, чтобы твое сердце забилось быстрее ради меня.

Она снова подхватила его под руку и потянула прочь.

— Оно бьется, Герберт, иногда даже слишком часто, как говорят.

— Кто это говорит?

— Да никто.

И они пошли дальше, почти не разговаривая, мимо бьющих ввысь фонтанов, по ажурным мостикам, сквозь задымленные благовониями храмы.

— Давай посмотрим, приплывет ли хоть один из священных карпов, — предложила Кийоми, когда внизу под ними открылся пруд, заросший белыми цветами лотоса.

Рядом с мраморной лестницей, ведущей вниз к этой Плавучей цветочной клумбе, висел старый бронзовый колокол, весь испещренный иероглифами, обозначающими счастье. Равенсбург понял, что колокол помогает приманивать рыб, и захотел позвонить. Но Кийоми его отговорила.

— В этот колокол может звонить только женщина, причем она должна в этот момент думать о мужчине, которого любит.

— Звучит очень подозрительно.

С серьезным лицом Кийоми несколько раз дернула за веревку, привязанную к языку колокола.

— Вот… а теперь смотри, Герберт, может, что-нибудь появится. Только бы не прозевать!

Из сумочки она достала печенье.

— Как ты обо всем помнишь, даже корм привезла из Токио!

— Смотри, Герберт, смотри, один уже тут!

Между крупными листьями лотоса, плавающими на воде, показалась голова большого карпа. Он, казалось, нисколько не боялся людей и вскоре, расталкивая листья растений, подплыл вплотную к ногам Кийоми и жадно разинул пасть. Внутри она была розовой, как рот у маленького ребенка.

— Похож на грудного, требующего свою бутылочку, — заметил Равенсбург.

Кийоми наклонилась и вложила кусочек печенья прямо в открытую рыбью пасть.

— Пожалуйста, возьмите, уважаемый господин. Карп захлопнул пасть и тотчас скрылся в зеленой воде.

— А вот и номер второй, — объявил Равенсбург.

И еще одна священная рыба в ожидании лакомства задрала голову около ног Кийоми. И этот карп, получив то, что ему предназначалось, исчез в глубине. Спустя некоторое время появился и третий, но этот замер поодаль в ожидании.

— Пожалуйста, досточтимый господин, подплывите поближе, — пригласила его Кийоми. — Три — это действительно великолепное число!

Карп поддался на уговоры, протиснулся сквозь листья лотоса и благосклонно принял дар.

Кийоми выпрямилась и, сияя от счастья, взглянула на Равенсбурга.

— Теперь все ясно, у нас будет трое сыновей. Разве это не чудесно?

— Трое сыновей! Рыбы в самом деле это знают точно?

— Ну хотя бы приблизительно. А тебе этого мало, Герберт? Может, ударить в колокол еще раз? Равенсбург обнял ее за плечи и повлек дальше.

— Пойдем лучше к тому чудесному водопаду, если не возражаешь.

Она, конечно, не возражала. Они пошли по узенькой тропинке, которая вилась через заросли рододендронов высотой с человека.

— Я хотел, Кийоми, поговорить сегодня с тобой о нашем будущем. Мы только что сделали еще один шаг на этом пути.

По тому, как крепко она сжала его руку, он понял, насколько важно для нее продолжение разговора.

— Значит, ваши в Берлине все-таки сделали для тебя исключение?

Он покачал головой.

— Нет, исключения они делают только для себя. Я имел в виду другое. Я решил оставить государственную службу. В экономике открываются лучшие возможности, и мне там будет куда свободней.

Она остановилась, остановился и он.

— Нет, так не пойдет, мой дорогой.Так нельзя поступать ни в коем случае, Герберт. Настанет день, когда ты пожалеешь о сделанном.

— Нет, Кийоми, никогда!

— А я все-таки боюсь! Послушай. Ты дипломат и твой отец был дипломатом. Ты же сам не раз рассказывал о том, что с незапамятных времен во всем твоем роду не было никого, кто бы не находился на службе у государства. А теперь ты хочешь стать первым, кто нарушил эту традицию?

Он уже давно обдумал эти возражения и нашел контраргументы.

— Все было бы так, дорогая, если бы у нас еще сохранялись традиции. Но их больше нет! Взамен все время пытаются создать новую Германию, а старая стала предметом насмешек. Несколько сот лет на государственной службе какого-нибудь рода — это теперь не заслуга, а напротив, чуть ли не вина. Это вызывает подозрение. Государство требует верности и послушания, но само не соблюдает верность и плюет на собственные законы. Поверь, дорогая, мне на самом деле не составляет труда распрощаться со службой. Скажу больше: я буду просто счастлив, если мне наконец не придется больше делать многое из того, к чему уже давно не лежит душа.

— Будь же до конца откровенным, Герберт, и скажи: ты поступил бы так, если бы не встретил меня?

Он задумался.

— Может быть, тогда я пришел бы к этому решению не сейчас, но все равно рано или поздно я бы уволился. Мне все это надоело.

Она чувствовала, что Равенсбург говорит правду, и знала, что работа больше не доставляет ему радости. Поэтому она не стала разуверять его в правильности принятого решения — ведь оно несло счастье, в том числе и для нее.

Но ведь у Кийоми было не только сердце, отданное Равенсбургу. Она обладала, кроме того, и практической сметкой. Поэтому она тут же подумала о том, что ждет его в будущем с точки зрения материальной.

— Моя семья, Герберт, имеет широкие связи. У нас родственные узы с домом Мицуи. Поэтому будет не так уж трудно найти для тебя место, которым ты был бы доволен. «Мицуи» —

самое большое семейное предприятие Японии, если не всего мира. Ты же знаешь, что такое кланы у нас, скоро сам станешь одним из наших и увидишь, как перед тобой откроются все двери.

Тем временем они подошли к водопаду. Но это было не то, чего ожидал Равенсбург. Он думал, что его оглушит грохот низвергающегося потока, а тут слышалось лишь негромкое журчание бесчисленных серебряных струек, стекавших со скал, густо поросших мхом, в пруд с кристально прозрачной водой. Каждая струйка издавала свой собственный звук, а все вместе они были подобны хорошо сыгранному оркестру.

— Он называется «Водопад тысячи белых нитей», — пояснила Кийоми. — Нравится?

— Конечно, нравится. Но, пожалуйста, не старайся разуверить меня в том, что водопад создан нашим господом богом, а не людьми.

Она стояла так близко к нему, что он ощущал нежное тепло, исходившее от ее тела.

— Ты что же, Кийоми, считаешь, что я решил бросить работу и предложил тебе выйти за меня замуж, предварительно не подумав о том, как я прокормлю свою семью? Я об этом побеспокоился, дитя мое. У меня ведь тоже есть кое-какие связи. Я займу место своего старого друга Коппа. Он собирается уйти на покой, как только я войду в курс дела. В роскоши мы жить не будем, но вполне приличное существование я гарантирую.

— Мне, конечно, очень жаль, что ты успел подумать обо всем. Я хотела тоже внести свою лепту.

— А как же трое сыновей, которых ты заказала священным карпам? Разве это не твой вклад?

Ей ничего не оставалось, как признать справедливость слов Герберта.

— И все же продумай еще раз все, что касается твоего друга Коппа. А может быть, это удастся как-то сочетать с тем предложением, которое будет тебе сделано?

— Предложение, которое будет мне сделано. Что ты там затеяла за моей спиной?

Она сбросила его руку со своих плеч и встала прямо перед ним.

— Я сама ничего за твоей спиной не затевала, мой дорогой. Твой орден Хризантемы был для меня такой же неожиданностью, как и для тебя.

— При чем тут орден?

— Ты Японии не знаешь, дорогой. Иначе бы ты знал, что он значит многое. Он же заткнул рты всем тем, кто был против нашей женитьбы. Теперь все мои родственники за нее. И другие

люди, которые создали бы нам много серьезнейших затруднений, уже считают, что наша женитьба будет демонстрацией германо-японской дружбы и принесет выгоду для всей страны. Я тебе, правда, никогда не говорила, какое сопротивление приходится преодолевать японской девушке, желающей выйти замуж за европейца. Да и власти, как правило, всегда против.

— Я так примерно и думал, любимая! Поэтому я и не хотел попадать в зависимость от какой-нибудь японской фирмы. Ну а теперь этого сопротивления, как ты говоришь, вроде бы нет?

— Его действительно нет.

— В чем же причина такого неожиданного изменения?

— Причина в его высокочтимом величестве, — сказала она и склонилась в поклоне в сторону, где остался Токио.

— Тэнно… А как он мог заинтересоваться судьбой таких ничтожных существ, как мы?

— Конечно, наша судьба — это прах у ног императора. Но через отношение к нам у Тэнно появилась возможность дать людям понять, что он думает на самом деле о нашем отношении к иностранцам. Император хочет, чтобы с иностранцами нас связывали мирные мосты, а не нагромождались противоречия.

Равенсбург никак не мог понять того, что для Кийоми было просто элементарным.

— Но ведь в таком случае император противопоставит себя официальной пропаганде. Тогда он, значит, против дурацкого шовинистического духа превосходства, который насаждается повсюду.

Кийоми с готовностью кивнула.

— «Сошедший с неба» действительно не согласен с этим опасным духом.

— А что, он не может осуществить свои разумные требования?

— Нет, не может. Священного императора боготворят по всей стране, а в действительности он не настолько всемогущ, как считают люди. Большинство японцев этого не замечают, потому что благородный Тэнно слишком умен, чтобы отдавать приказы, которые все равно будут всячески обходиться. Он с большей охотой доводит до людей свою точку зрения с помощью маленьких жестов, награждая, например, определенных лиц орденами. Таким образом он дает понять, что разделяет желание того или иного человека.

— А что, разве все знали, чего хочу я, или чего хотим мы оба?

Она улыбнулась с чувством превосходства.

— Теперь — да… Ведь весь мир, естественно,

поинтересовался, почему именно ты получил орден. И можешь себе представить, что мой отец и его друзья постарались, чтобы мир узнал это. Поэтому все поддержали нас.

— За исключением властей моей страны, — с горечью заметил Равенсбург.

— Да, это, конечно, очень жаль. Наши друзья рассчитывали, что посол поймет, какая цель преследовалась награждением, и сделает так, что Берлин… — Она не закончила фразу.

Равенсбург пожал плечами.

— На такие тонкости мы не способны. У нас заменяют их принципами. Но пойдем, девочка, сейчас начнется дождь — тучи уже собрались.

Той же дорогой они пошли обратно, но едва успели сделать несколько шагов, как упали первые капли. Равенсбург хотел затащить Кийоми под густые ветви серебристой ели, но она запротестовала.

— Зачем? Я люблю дождь, Герберт. Такой парк начинает по-настоящему жить только тогда, когда влага смачивает растения.

Она была права. Парк Никко в дождь был еще красивее. Ярче засияли окрашенные в красный цвет колонны храмов и фарфоровые плитки, устилающие их крыши.

Пестрые листья выглядели так, словно были покрыты глазурью. От земли, травы и кустарника исходил терпкий аромат. Под ударами тяжелых капель проснулось озеро. Его задремавшая было гладь пришла в движение.

— Скажи-ка, Герберт, а ты говорил и с доктором Зорге относительно своих планов? — внезапно спросила Кийоми. — Я имею в виду, он знает, что ты хочешь бросить работу?

— Да, но он единственный в посольстве, кому я сказал об этом. А почему ты спрашиваешь?

Она уже пожалела, что задала вопрос, так как все равно не могла ему раскрыть, что она имела в виду.

— Я не знаю, заслуживает ли он такого доверия с твоей стороны, — не очень удачно попыталась вывернуться Кийоми. — Мы, женщины, порой не можем обосновать свою настороженность, можем только чувствовать ее.

— Я знаю, пресловутая женская интуиция, — ответил Равенсбург. — Но она иногда может ввести в заблуждение, Кийоми. Зорге уже доказал мне свою порядочность и сделал это очень убедительно.

— Недавно?

— Да нет. С тех пор прошло какое-то время. Но этого с меня достаточно. Я как-нибудь расскажу тебе.

— И все-таки не сердись на меня — настаивала она, — но у

меня есть вполне определенное предчувствие, что ты не должен ему доверять во всем.

— Я понимаю твои чувства, любимая. В тебе говорит совершенно естественное негативное отношение женщины, уважающей себя, к человеку, женщин презирающему. Признаться, Зорге — это акула, его интересует лишь женская плоть, а что касается сердца женщины, то он к нему не прислушивается. Такой женщине, как ты, он должен быть неприятен! Но как мужчина я подхожу к нему с другими мерками. Если он не может любить и не имеет счастья быть любимым, то мне его по-честному жаль. Ты же его презираешь за это. Однако он не обычный человек, он сильная личность, которая спокойно может позволить себе несколько экстравагантных выходок. Тот, кто настолько превышает средний уровень, неизбежно не укладывается в обычные рамки.

Кийоми знала гораздо больше и потому упрямо стояла на своем.

— «Не укладывается в рамки» — слишком мягкое выражение для определения этого дикого, своевольного человека. Зорге признает на земле только себя и больше никого. Он нигилист по отношению ко всем и ко всему, кроме самого себя. Поверь мне, Герберт, этот человек пойдет по трупам, если этот путь покажется ему короче. Он пройдет и по тебе, не моргнув глазом.

Равенсбургу было не по себе, что все время приходилось защищать своего друга только потому, что он был совсем не таким, как все остальные.

— Мир, быть может, и обойдется без доктора Зорге, как ты считаешь, а посольство — нет. Он наиболее информированный человек из всех наших. Для Тратта по крайней мере он незаменим.

Кийоми пришлось в душе признать, что все ее попытки предостеречь возлюбленного в отношении Зорге не дали результатов. Равенсбург был раз и навсегда убежден, что никакая женщина не может судить этого мужчину.

— Есть только одно, — внезапно заговорил он, — что могло бы сделать из меня смертельного врага Зорге: если он взглянет на тебя так же, как смотрит на других женщин.

Она непроизвольно остановилась.

— Если он так сделает, Герберт, я обещаю, это будет его концом!

* * *

…На Гинзе, ярко освещенной главной улице Токио, оживленное движение. Мокрый асфальт блестит под лучами множества разноцветных ламп, пылающих перед входами в театры и кино. На тротуарах толпы людей медленно движутся мимо витрин, освещенных до полуночи. Японцы любят «пощупать товары своими глазами».

Рихард Зорге отдался на волю этого потока гуляющих. Его походка, небрежная одежда и помятая шляпа очень хорошо вписывались в толпу. Точно так же были одеты многие другие мужчины в Токио. Сзади Зорге свободно можно было принять за японца.

Однако человек, который его настойчиво преследовал, знал, с кем имеет дело, и не выпускал Зорге из поля зрения. Сам полковник Одзаки приказал ему следить за каждым шагом Зорге, за каждым его жестом. Хоруму не должно сбить с толку, даже если Зорге будет бесцельно прогуливаться по городу. «Все, что делает этот человек, — сказал полковник Одзаки, — имеет совершенно определенную цель». Поэтому и Хорума был убежден, что у Зорге есть какая-то цель. Возможно, он шел на явку, хотел получить или передать информацию. Начальник обещал Хоруме, что повысит его в должности, если он успешно выполнит задание.

Вскоре Зорге перестал лениво прогуливаться, ускорил шаг, свернул в ближайший переулок и направился прямо к ресторану «Старый Гейдельберг».

У входа он вдруг обернулся и снял с подчеркнутой вежливостью свою старую шляпу перед служащим военной контрразведки.

— Я прошу извинить меня, высокочтимый господин, — обратился к нему Зорге, — если вас утомила моя продолжительная прогулка по городу… Разрешите пригласить вас войти в это заведение и быть моим гостем.

Хорума был так ошарашен, что не смог вымолвить ни слова. Лишь спустя некоторое время он, заикаясь, начал бормотать о том, что «господин ошибся», и сделал вид, что хочет пойти дальше. Он, конечно, рассчитывал, что спрячется за ближайший угол и не выпустит из виду вход в ресторан.

Зорге громко расхохотался.

— Разве ты не знаешь, мой ягненочек, что у этого заведения два выхода? Давай-ка, бедняга, заходи вместе со мной, иначе я сейчас же выйду черным ходом!

Зорге спустился в ресторан. Хоруме ничего не оставалось делать, как последовать за ним. Иначе он его потеряет. Главное — чтобы полковник не узнал, как Зорге его осрамил.

Служащие «Старого Гейдельберга» громко и весело

приветствовали своего постоянного посетителя. Коренастые официантки-японки даже засияли от удовольствия, когда увидели Зорге: он всегда давал щедрые чаевые.

— Ты, конечно, сразу строишь кислую рожу, когда появляется такой видный мужчина, как Зорге, — бросила презрительно одна из девушек официанту-европейцу. — Вы, мужчины, еще более завистливы, чем женщины.

— Если б все мужчины были похожи на Зорге, — ответил Бранкович, — тогда ни одна женщина в мире не была бы замужем.

Зажав под мышкой салфетку не первой свежести, он направился к именитому посетителю и придвинул ему стул.

Зорге небрежно кивнул, сел и удобно вытянул под столом длинные ноги с видом человека, пришедшего в свой дом.

— Мне виски, как обычно, — бросил он через плечо вежливо склонившемуся официанту. — А вон тому взмыленному гному — кружку самого дрянного пива за мой счет.

Присмиревший Хорума занял маленький столик. Как было приказано, он не спускал с Зорге глаз. А того окружила шумная группа завсегдатаев «Старого Гейдельберга».

Хоруме не нужно было напрягать слух. Никто и не пытался тихо разговаривать с Зорге. То, что услышал агент полковника Одзаки, было обычной ресторанной болтовней, сдобренной несколькими солеными анекдотами. Все, что рассказывал Зорге, вызывало хохот. Он прекрасно знал людей, посещающих «Старый Гейдельберг». Своим поведением Зорге как бы заразил всех гостей. За столиками воцарилось веселое оживление. Голоса мужчин стали звучать громче, звонче раздавался смех женщин.

Хорума тянул жидкое пиво, которое молча поставила перед ним официантка.

Оживление вокруг гостя продолжалось до тех пор, пока не появилась продавщица вечернего выпуска «Ни-ти-нити-симбун». Зорге бросил ей десять иен, схватил газету и бесцеремонно обратился к людям, облепившим его стол:

— Детки, оставьте-ка меня в покое. Я должен посмотреть, что сегодня наврали мои милые коллеги.

Все знали, что Зорге не любил повторять своих просьб. Стулья вокруг него мгновенно опустели, и он остался один.

Никто не обратил внимания на человека, вошедшего в зал сразу вслед за продавщицей газет. Он частенько бывал здесь и ничем не отличался от других гостей.

Это был Ямагути. Но он даже не взглянул на Зорге.

Бранкович усадил нового гостя за стол, стоявший позади вешалки. Ямагути сел так, что Хорума не мог его видеть.

Впрочем, агент полковника Одзаки интересовался только Зорге. А тот вдруг неожиданно потребовал счет. Человеку более наблюдательному, чем Хорума, показалось бы, вероятно, странным, что Бранкович не выписал счет, а сразу положил на столик бумажку, которая находилась в его блокноте. Зорге спрятал ее и протянул официанту банкноту в сто иен.

— На весь персонал!

Зорге не обратил никакого внимания на выражения благодарности по поводу его щедрости, на которые не поскупились обрадованные официантки. Однако не ушел, а преспокойно развернул газету и углубился в чтение.

«Нити-нити-симбун» имела формат больших американских газет. Чтобы держать ее перед собой в развернутом виде, нужно было широко развести руки. Зорге так и сделал. Он целиком скрылся за газетой, и Хорума видел только его ботинки под столом.

Вдруг все вздрогнули от оглушительного звона разлетевшейся на мелкие осколки посуды. Это Бранкович споткнулся о ножку стула и растянулся на полу с полным подносом стаканов.

В этот момент Ямагути молниеносно поменялся местами с Зорге. Он принял точно такую же позу и держал перед собой газету в том же положении, что и Зорге.

Когда Хорума, который невольно перевел глаза на упавшего Бранковича, снова взглянул на стул Зорге, он увидел ту же картину: развернутую газету «Нити-нити-симбун» и вытянутые ноги под столом.

А тем временем Зорге, скрытый вешалкой, не спеша вышел на улицу через черный ход. Там стоял с заведенным мотором «датсун». За рулем сидел секретарь Зорге Иноэ. Он распахнул перед своим начальником дверцу и дал полный газ, прежде чем тот успел как следует устроиться на сиденье.

— Куда, Зорге-сан?

Я еще толком не знаю… Сделай несколько поворотов и остановись у какого-нибудь фонаря.

Иноэ выполнил приказание и затормозил у большого фонари на краю парка Хибия. Зорге вытащил из кармана счет, полученный от Бранковича, развернул его. Билет 43 в кассе N 2 театра Сумо, — прочитал он. О виски или пиве в счете не было ни слова.

Рихард щелкнул зажигалкой и сжег листок. Пепел упал в его ладонь. Он опустил оконное стекло и сдул пепел на улицу.

— Останови метрах в двухстах от театра Сумо, — приказал он секретарю. — Высади меня в таком месте, где не очень

освещено, и поезжай дальше.

Иноэ повел маленький «датсун» через путаницу узких улочек и наконец остановился на темном углу. Вдали горели фонари парка Уэно. Зорге быстро вышел из машины и зашагал в тени домов к освещенной магистрали. Здесь он незаметно смешался с потоком людей и добрался до портала знаменитого театра Сумо. Билет для него лежал в кассе и был уже оплачен. Он отказался от вежливых услуг билетера и отправился разыскивать свою ложу.

Лишь немногие европейцы находят удовольствие в схватках на ринге в театре Сумо, И уж совсем немногие знают правила, по которым ведется эта старинная благородная борьба. Все же едва ли не каждый иностранец, посещающий Токио, старается хотя бы на час-другой попасть в театр Сумо. Ведь на всем необъятном свете нет ничего, что выглядело бы так необычайно, как поединок между двумя глыбами человеческого жира.

Борцы, выступающие в театре Сумо, — мужчины колоссального веса, настоящие горы из мяса и жира. Их пышные формы кажутся еще более необъятными, потому что они предстают перед публикой почти обнаженными. Борцы носят длинные волосы, стянутые в тугой узел, в который воткнут большой гребень.

Помост, на котором происходит борьба, похож на боксерский ринг. Только на нем нет канатов, чтобы зрители могли видеть мельчайшие детали схватки. Само помещение театра представляло собой огромный круглый зал, в Империи восходящего солнца борьба сумо занимает такое же место, как в Европе футбол или бокс.

В Японии выдающийся борец сумо пользуется не меньшей популярностью, чем в европейских странах боксер мирового класса. Очевидно, взгляды в мире на мужскую красоту очень различны, если учесть, что фотографии великих борцов сумо нередко украшают комнаты японских девушек. Секретари бравых толстяков не успевают отвечать на любовные письма, которые женщины — от работниц до аристократок — каждый день посылают «звездам» сумо.

В зрительном зале не было ни ярусов, ни партера. Стулья вообще отсутствовали. Все помещение разгорожено маленькими, высотой по колено, перегородками. Это были ложи, в которых зрители сидели, скрестив ноги, на соломенных циновках, разостланных на полу.

Каждому выступлению знаменитостей предшествовали многочисленные схватки между начинающими борцами.

Поэтому соревнования по борьбе сумо длились много часов. Почти все зрители захватывали с собой еду и преспокойно

подкреплялись в ложах. Чай и сладости можно было заказать прямо в театре. Детей брали с собой. Вся семья принимала участие в этом развлечении, и даже самые маленькие восседали за спинами матерей.

Зорге, сняв по японскому обычаю ботинки и оставшись в носках, добрался до своей ложи и нашел там большую семью. Кроме жены и ребенка отец семейства захватил с собой своих родителей, тестя и тещу. По всей видимости они находились здесь еще с полудня: на циновках было разложено множество всяческой домашней снеди.

Зорге, приветствуя японцев глубоким поклоном, вежливо втянул в себя воздух. Затем показал главе семейства свой билет.

— Я прошу высокочтимых господ разрешить мне занять свое место.

Японец почему-то очень внимательно разглядывал билет Зорге. Потом шумно втянул в себя воздух, тоже низко поклонился и освободил для Зорге самое лучшее место у низкой перегородки. После этого все семейство с напряженным вниманием снова стало следить за событиями на помосте. А там только что появились два новых огромных борца. Это были знаменитости, их большие портреты висели под крышей зала. Борцы заняли боевую стойку. Их руки опирались на широко расставленные колени, а головы со смешными женскими прическами яростно столкнулись и давили одна на другую. Позы борцов выглядели не совсем эстетично.

Священник в белом накрахмаленном одеянии, в лакированной черной соломенной шляпе осенил противников священной ветвью, и борьба началась.

У европейца, привыкшего к быстро изменяющемуся ходу борьбы в боксе или футболе, такой вид соревнований вряд ли мог вызвать волнение. Но японцы, затаив дыхание, не отрывали глаз от борцов. А на помосте шла война нервов: каждый из противников терпеливо выжидал подходящий момент, чтобы провести молниеносный бросок.

Поскольку у обоих соперников нервы были примерно одинаковы, то схватка началась не сразу. Но окончилась она за несколько секунд. С неуловимой быстротой один колосс набросился на другого, схватил его за широкий пояс и поднял тяжелое тело в воздух. Однако тот вырвался молниеносным движением. Противник попытался снова схватить его, но сам попался на захват. Мгновение — и он полетел вверх через плечи своего соперника и громко шлепнулся на пол.

Тотчас на помосте появился священник и указал своей ветвью на победителя.

Три тысячи зрителей как один человек вскочили на ноги и

принялись так бурно выражать свое ликование, что Зорге не без основания подумал, не разнесут ли они зал.

Победитель, весивший не менее трехсот фунтов, радостно раскланивался во все стороны.

— Да-а, Тунасима-сан снова обрел свою старую форму, — обратился к Зорге сосед по ложе. — Этот левый захват снизу никто не делает, кроме него.

Зорге подтвердил, что в самом деле после незабываемого Никано никто больше не проводил этого косого захвата за пояс, кроме Тунасимы.

Все члены семьи японца втянулись в разговор. Им было приятно, что иностранец так хорошо разбирается в сумо. Зорге предложили чай и соленый горох. Жена главы семьи, любезно улыбаясь, подвинула ему коробку засахаренных фиников.

— Прошу высокочтимого господина угощаться.

Зорге взял коробку и сказал, что пришел, собственно, лишь для того, чтобы увидеть знаменитого Тунасиму, но теперь останется посмотреть и другие схватки, раз нашел здесь такое приятное общество.

Последующие схватки на помосте не привлекли такого внимания публики, как выступление знаменитых мастеров. Большинство зрителей беседовали между собой, курили или подогревали сакэ. Зорге с шумом тянул из чашки предложенный ему чай. Он оживленно болтал со своими новыми друзьями и отведал пару засахаренных фиников.

Закончилась еще одна схватка. Зорге сунул наполовину пустую коробку с финиками в карман, встал и пожелал всему семейству провести здесь еще несколько приятных часов.

Вместе с другими зрителями, которые, видимо, разделяли его мнение, что самые интересные пары уже закончили борьбу, Зорге протолкался к гардеробу. Он получил свои ботинки и плащ, оделся и вышел на улицу. Мимо проезжало такси.

— К главному вокзалу, — сказал Зорге водителю, усаживаясь на порванный ковер, покрывавший заднее сиденье.

Как только машина миновала освещенные улицы, Зорге вытащил коробку с финиками и удалил дно. Под ним оказалось второе. На нем лежал плотный ряд алюминиевых цилиндриков, а в них — фотопленки. Зорге быстро опустошил все цилиндрики, переложил пленки в карман. Коробку с оставшимися финиками вышвырнул в окно.

На вокзале он взял билет до Сибы, но вышел раньше, в Омори. Снова взял такси и приказал ехать до гавани Иокогамы, будто спешил на иностранный пароход, отплывавший оттуда.

***

Через полчаса Зорге подошел к дому, в котором жили Бранковичи. Он открыл узкую калитку своим ключом и поднялся по скрипучей деревянной лестнице.

Почти одновременно распахнулась дверь квартиры, и на Зорге упал луч света.

Это начальник, — услышал он голос Веры Бранкопич.

Петр Бранкович поспешил навстречу Зорге.

— Видели бы вы, начальник, рожу этого глупого парня, — оживленно заговорил он, — когда вдруг за газетой он обнаружил вместо вас Ямагути. Бедняга стал от удивления плоским, как камбала!

— А что этот паршивец предпринял дальше?

— Сперва он пытался взять за горло Ямагути. Но потом убежал и больше не появлялся.

— Это еще неопытный шпик, Бранко. Впрочем, бывают начинающие и после двадцати лет службы. И такой хотел обдурить нас!

Зорге рассмеялся.

— Да, полковник Одзаки позеленеет от злости. Впрочем, у него есть и ловкие шпики. Я думаю, Бранкович, мы должны усовершенствовать свои методы работы, сделать их более тонкими. Иначе в один прекрасный день нам не поздоровится.

Подбородок Бранковича задрожал.

— Я не нахожу ничего смешного в нашем положении, начальник. Одзаки наверняка что-то пронюхал, иначе не послал бы за вами одну из своих ищеек. Здесь с каждым днем становится все опаснее.

Зорге испытующе взглянул на Веру Бранкович — это она, конечно, взвинтила мужа — и прервал помощника.

Послушай, — сказал он Бранковичу, — возьми себя в руки. Взгляни-ка лучше сюда. Великолепная работа одною нашего японского друга! Я только что из театра Сумо. Провел там восхитительный час с семьей Хидёсу и посмотрел, как Тунасима бросил на циновку своего друга Ямаду великолепным косым захватом за пояс. Вам, Вера, тоже нужно как-нибудь поглядеть на это зрелище. Оно великолепно успокаивает нервную систему.

Зорге бросил пленки на стол. Они скатились бы на пол, если б Вера не поставила их на попа.

— Что на них? — спросил Бранкович.

— Что на них? — с иронией переспросил Зорге. — Всего лишь точная организация Квантунской армии, ее укрепления на границе с Советским Союзом и агрессивные планы командования.

Кроме того, ее вооружение — от новых танков до старых-престарых консервных ножей.

Серб широко раскрыл глаза. В прошлом офицер, он прекрасно понимал значение такой документальной информации. Блестящий успех! Пленки, лежавшие на его обеденном столе, могли сыграть решающую роль в военных действиях, могли привести к поражению огромной японской армии.

— Превосходный улов, начальник! Поколебавшись секунду, он придвинулся ближе к Зорге.

— Начальник, может быть, это блестящее дело означает, что мы скоро уедем отсюда?.. Время работает против нас.

Зорге как будто давно ожидал этого вопроса.

— Когда нам уходить отсюда, решу я! — строго проговорил он. — Но я еще не решил. Нам нужно выполнить прежде самое важное задание. Таких мы еще до сих пор не получали.

Зорге взглянул на супругов. Ему показалось, что следы страха, мучившего их, исчезли. Он удовлетворенно кивнул.

— Содержание этих пленок не передашь по радио, — сказал Зорге спокойным голосом, почти добродушно. — Поэтому ты, Бранко, пересними их на микропленку, а Вера отвезет ее в Шанхай.

Бранкович повернулся к жене. Ему показалось, что она совсем успокоилась.

— Будет сделано, — ответил он. — Завтра микрофильм будет готов. Зорге кивнул.

— Хорошо. Тогда послезавтра Вера на пароходе отправится в Шанхай.

Вера повернулась и ушла на кухню. Зорге помолчал и продолжил:

— А ты, Бранко, проследи, чтобы твоя очаровательная половина не мешкала.

Серб посмотрел, плотно ли прикрыта кухонная дверь, и самоуверенно ответил:

— Я отправлю ее, когда потребуется, начальник. Вы можете положиться на меня.

Зорге встал, застегнул плащ, надел измятую шляпу. Приложив по-военному пальцы к полям, распрощался со своим помощником и быстро сбежал по лестнице.

***

Пока позволяла прекрасная осенняя погода, посол Тратт обсуждал дела со своими сотрудниками в саду посольства. Разумеется, так он поступал в тех случаях, когда по ходу беседы не возникала необходимость просматривать досье или читать важные документы.

В саду дышалось легко. Осень зажгла огнем листву деревьев и кустов. И, самое главное, не только густая растительность, но и высокие стены ограды скрывали собеседников от посторонних глаз и ушей.

Во время офицерского путча в 1936 году мятежники, засевшие в новом здании парламента, расположенном напротив посольства, обстреливали военное министерство. Путч внезапно прекратился, хотя восставшие захватили большинство правительственных учреждений. После путча многие офицеры сделали харакири. И только с генералом Тараки, стоявшим за кулисами всей этой истории, ничего не произошло. Более того, сейчас он был военным министром.

— Не опрометчиво ли мы поступили, пригласив одновременно с Тараки принца Титибу? — спросил Тратт Равенсбурга. — Ведь Тараки выступал тогда против императорского правительства. Путчисты убили даже некоторых министров.

Посол и его референт дошли до задних ворот сада и повернулись, чтобы проделать тот же путь в обратном направлении.

— Успешный путч считается патриотическим делом, — заметил Равенсбург. — А мятеж, которым руководил Танаки, в конце концов, можно считать успешным, хотя в то время и казалось, что он потерпел неудачу. Посол согласился с ним.

— К этой стране, — вздохнул он, — поистине невозможно подходить с обычными мерками.

Равенсбург вспомнил о том, что рассказывала ему Кийоми о тогдашней позиции императора. Действительно, некоторые поступки японцев европейцам бывает трудно оценить. Мятежники были полными хозяевами положения. Они заняли почти все правительственные здания и важные стратегические пункты столицы. Но они не осмелились не только побеспокоить священную особу императора, но даже окружить императорский дворец.

А когда «Сошедший с неба» приказал разбросать листовки, в

которых говорилось, что он «омрачен непослушанием некоторых офицеров», путч тотчас же закончился. Воинские части послушно отправились в свои казармы. Несколько офицеров, игравших особенно активную роль в путче, сделали харакири.

Каким образом люди, руководившие мятежом из-за кулис, через два года смогли войти в правительство и, более того, установить военную диктатуру, оставалось загадкой для всех иностранных наблюдателей. Для всех, кроме одного.

— Зорге считает, — сказал Тратт, — что Тараки — глава «Черного дракона». Это в самом деле все объясняет.

Равенсбург согласился, что такое предположение вполне возможно. Эта крайне националистическая организация была настолько разветвленной и сильной, что никто не осмеливался выступить против нее.

— Очевидно, — высказал предположение Равенсбург, — «Черные драконы» заняли все ключевые позиции в государственном аппарате. Они действуют так ловко, что надели невидимые кандалы на императора. С соблюдением, конечно, всех почестей.

Посол Тратт кивнул.

— Просто невероятно, как они оберегают этого живого бога даже от самых безобидных контактов с внешним миром. Я не рассказывал вам историю о фильме, посвященном жизни подводного мира?

— Нет, господин посол.

— Вы же знаете, что Хирохито уже много лет увлекается подводным царством. Он изучает жизнь мелких морских животных. Говорят, что на его вилле в Хаяме сооружены большая лаборатория и аквариум. Есть люди, которые считают, что император — крупный специалист в этой области. И вот нашему доброму Хефтеру пришла мысль подарить императору немецкий документальный фильм об этих животных. Фильм прислали, мы вместе с архивежливым сопроводительным письмом передали его во дворец. Немедленно пришло ответное послание императора с выражением самой глубокой благодарности. Казалось, все в порядке. Но когда на последнем дипломатическом приеме во дворце я заговорил с императором об этом фильме, мне пришлось спуститься с облаков на землю. Хирохито не имел ни малейшего представления о фильме. Более того, он был очень опечален, что фильм утерян. Понимаете, ему не показали фильм, а сказали, что он утерян при доставке. Я никогда не думал, что окруженные императора осмелятся на такой трюк!

— И все же, господин посол, Тэнно правит по инерции — просто потому, что он существует. В Японии все проходит, лишь

императорский дом остается. Если династия царствует две тысячи шестьсот лет подряд, то в мире не найдется силы, чтобы свергнуть ее. И лишь когда перестанет существовать Япония, не будет и японского императора.

— Зорге тоже так думает, — кивнул Тратт. — Помолчав немного, он шутливо продолжал:

— Так как мы останемся здесь на следующие две тысячи шестьсот лет, то займемся делами сегодняшнего дня. Тараки — военный министр императора, а Титибу — старший брат императора. Что ж, давайте пригласим их вместе. Как вы думаете?

— Я разделяю ваше мнение, господин посол.

Тратт был доволен, что его предложение встретило поддержку.

— Хорошо, круг остальных гостей определим позже. Я попрошу вас составить предварительный список. Мы обсудим его завтра утром.

— Слушаюсь, господин посол… Прикажете еще что-нибудь?

— Думаю, на сегодня достаточно. Благодарю вас, Равенсбург.

Он кивнул референту, показывая, что тот свободен. Но Равенсбург не тронулся с места.

— Если позволите, господин посол, я хотел бы поговорить с вами о моих личных делах.

Тратт повернулся и приготовился совершить еще один круг по саду.

— Пожалуйста, мой милый, я в вашем распоряжении. Рассказывайте!

— Я решил, господин посол, оставить дипломатическую службу и заняться коммерцией.

Тратт сбился с размеренного шага, остановился и растерянно уставился на своего референта.

— Это единственная возможность, позволяющая мне жениться на баронессе Номура, — пояснил Равенсбург.

На лице посла появилось выражение неодобрения, даже возмущения. Ему потребовалось некоторое время на ответ.

— Это намерение сейчас невыполнимо, мой дорогой, — строго сказал он наконец. — Вы, очевидно, забыли, что наша страна ведет ожесточенную войну. Никто не имеет права оставлять свой пост. Вы должны считать себя на военной службе, Равенсбург. Миллионы немцев на Восточном фронте не могут бросить службу и заняться коммерцией…

Равенсбург почувствовал, что теряет самообладание.

— Солдату, — быстро возразил он, — не требуется испрашивать разрешения верховного командования вермахта,

если он собирается жениться.

Впервые Тратт понял, что его услужливый сотрудник умеет быть настойчивым и вряд ли сейчас Равенсбург будет считаться с авторитетом начальства. Тратт отступил.

— Вы говорите так, мой дорогой, как будто я утвердил положение, запрещающее немецкому дипломату вступать в брак с иностранкой. Ваше возмущение следует адресовать «железному канцлеру»: это правило, как известно, существует со времен Бисмарка.

— Но из любого правила делаются исключения, — с горечью сказал Равенсбург.

— Впрочем, только для господ с членским билетом национал-социалистской партии, имеющим малый номер.

Посол отступил на шаг.

— Будем считать, что я не слышал последнего замечания. Это в ваших интересах, — резко произнес посол и затем уже мягче добавил: — Я просто не имею права слушать подобные рассуждения. Вы же знаете, я облечен особым доверием фюрера и должен преданно служить ему.

Равенсбург хорошо знал это: Тратт повторил фразу, которую сказал сотрудникам посольства, вступая на свой пост.

Итак, сделать ничего нельзя: посол ему не поможет. Тратт просто не отважится на это, хотя возможность обойти утвержденное еще Бисмарком положение имелась. Для этого достаточно только представить убедительные основания. Но если Тратт отказывал ему в своем содействии, предпринимать какие-либо шаги в этом направлении было делом безнадежным.

Равенсбург был достаточно умен, чтобы не пытаться пробить стену лбом. Поклонившись своему шефу, он хотел удалиться.

Однако Тратт не отпустил его.

— Я не хотел огорчать вас, Равенсбург, — сказал посол мягким, дружеским тоном. — Я вижу, ради баронессы Номура вы готовы пожертвовать даже своей карьерой. Вы потеряли голову, дорогой, раз у вас вырываются даже э-э недипломатичные замечания. Поэтому буду с вами откровенен.

— Заранее благодарю вас, господин посол.

Если б Равенсбург знал, что скажет ему Тратт, он, пожалуй, не благодарил посла.

— Вы готовы принести этой даме самую большую жертву, на которую способен мужчина! Вы хотите отказаться от своей любимой работы, от своей карьеры… — Он перевел дыхание.

Равенсбург воспользовался паузой.

— Да, конечно. А что же мне остается в таком отчаянном положении? Я вынужден это сделать.

Тратт выпрямился и выдвинул вперед подбородок, желая подчеркнуть значение того, что он собирался сказать.

— В таком случае я должен сказать вам нечто такое, что сильно разочарует вас и, возможно, причинит вам душевную боль, баронесса Номура служит в японской контрразведке. Она ценная сотрудница полковника Одзаки и выполняет специальное задание: следит за вами и с вашей помощью — за нашим посольством. Сожалею, что не предупредил вас об этом раньше. Я не сделал этого, так как думал, что вы сами догадаетесь о ее роли. Разумеется, я уверен, что вы ни при каких обстоятельствах ни с кем не будете делиться служебными новостями. В этих вопросах вы молчаливы как рыба. Поэтому вопросы безопасности здесь затронуты не были.

В душе Равенсбурга поднялась буря.

— Я не верю ни одному слову, господин посол. То, что вы сейчас сказали, невероятно!

Тратт ожидал такой болезненной реакции и не обиделся на своего референта. Он прекрасно понимал, что происходит в сердце молодого человека.

— Поверьте, Равенсбург, я никогда не позволил бы себе сказать вам об этом, если б сам не был твердо уверен. К моему великому сожалению, должен вас заверить, что дело обстоит именно так.

Равенсбург вспомнил о непоколебимой антипатии Кийоми к Зорге, о тех предостережениях, которые она делала в отношении пресс-атташе. Не Зорге ли оговорил ее?

— Это утверждает Зорге, господин посол?

— Нет, Равенсбург, Зорге тут совершенно ни при чем. Он даже не слышал о баронессе Номура. В конце концов, у меня есть свои источники информации. Источники, через которые я проверяю сообщения Зорге. Видите, я не так уж плохо информирован, как думает большинство из вас.

Тратт сделал лукавую мину. Она плохо подходила к данному моменту и на Равенсбурга не произвела никакого впечатления.

— Но и этот источник может ошибиться, господин посол, — упорствовал Равенсбург. — Может быть, это даже намеренная ошибка, чтобы посеять недоверие между нами и японцами.

Тратт понял, что поколебать уверенность молодого человека в непричастности его возлюбленной к контрразведке без веских доказательств нельзя. Поэтому он решил выложить все козыри.

— Слушайте, Равенсбург. Недавно вы пострадали во время аварии и некоторое время лежали дома. Вам приносили документы из посольства на квартиру. Как раз тогда, когда вы читали доклад доктора Зорге о его последней поездке в Корею,

вас посетила баронесса Номура. На следующий день утром вы решили продолжить чтение, однако не нашли доклада, хотя в поисках его перерыли все. Лишь значительно позже вы увидели, что он лежит вместе с другими бумагами. А до этого у вас снова была баронесса Номура. Я правильно говорю, мой милый, не так ли?

Равенсбург на несколько секунд окаменел. Затем молча поклонился послу и быстро зашагал к своей квартире.

У дверей он встретил Вилли, нагруженного свертками и цветами: он только что вернулся из города, куда ходил за покупками. Китаец сразу же заметил, что его хозяин чем-то взволнован. Поэтому он улыбнулся шире, чем обычно.

— Вилли, отвечай мне только правду! — обратился к нему Равенсбург. — Что ты рассказывал бою посла о баронессе Номура? Что ты болтал о бумагах, которые она брала с собой?

Вилли не спеша положил на пол свертки и цветы, руки у него должны были быть свободными при разговоре.

— Моя ничего не сказала, хозяин. Моя никогда не болтала! — уверял он, яростно жестикулируя. — Моя только сказала, что твоя мадама может даже читать по-вашему, что она берет с собой читать твои бумаги. Это все.

— Что еще ты говорил, болтун?

Вилли, как бы обороняясь, поднял руки над головой.

— Совсем ничего, хозяин, совсем ничего. Моя только еще сказала, что она всегда приносит на другой день обратно, что взяла. Как и недавно.

— Недавно? Что это значит?

— Да, недавно, когда твоя болела, она принесла бумагу на следующий день обратно. Нет, хозяин, Кийоми ничего не крадет, твоя верь мне! Моя сторожи, как собака. — Вилли неодобрительно покачал головой. — Молодая мадама ничего не крадет. Она очень твоя любит. Слепой видит это.

***

Рихард Зорге опустил шторы на окнах и запер дверь. Затем выдернул из розетки провод телефона и включил радио. Было 8 часов 15 минут утра — время начала передач лондонской Би-би-си. Он быстро нашел нужную волну. Из динамика раздались знакомые звуки гонга.

Зорге не раз спрашивал себя, кому в Лондоне пришла в голову забавная мысль выбрать в качестве позывных для

радиопередач на гитлеровскую Германию первые такты «Героической симфонии» Бетховена. Добрая половина немцев знала эти позывные. Сейчас эти немцы, как и он, сидели перед своими радиоприемниками, предварительно плотно завесив окна, закрыв двери и выключив телефоны. Они заплатили бы своей жизнью, если бы их застали за слушанием передач вражеской радиостанции.

Зорге настроил приемник, наклонил голову к динамику, он не хотел пропустить ни одного слова. Его интересовало не только содержание сообщений, а — и, пожалуй, что было главное — те интонации, с которыми их произносили. Сегодня Зорге удалось без труда разобрать подтекст передачи. Он сразу понял, что лондонский комментатор находится в чрезвычайно затруднительном положении.

Если нацисты думают, что уже достигли решающей победы, то они глубоко ошибаются, говорил комментатор. Советы быстро восстановят потери в людях и технике. Новые части находятся уже на марше. В конце концов, стратегия русских заключается в том, что они стараются затянуть врага в глубь страны. Гитлер повторяет ошибку Наполеона. Если русские и потеряют еще несколько городов и областей, то это не что иное, как шахматный ход их командования. У них достаточно пространства, чтобы не принимать невыгодных им сейчас решающих сражений. Их отступление совершается по приказу и в образцовом порядке.

Зорге выключил приемник.

Комментатор Би-би-си подтвердил вчерашнее специальное сообщение Берлина. Гитлеровские войска прорвали оборонительную линию русских на старой границе и успешно продвигаются на Восток. Две советские армии окружены и уничтожены. Русские отступили по всему центральному участку фронта, перед немцами открылась дорога в глубокий тыл России. Сама Москва оказалась под угрозой.

Плохо складывались дела для Иосифа Сталина. Да и для Черчилля. Если флаг со свастикой взовьется над Кремлем, то, по мнению Зорге, Гитлер вскоре окажется и в Букингемском дворце.

Судьба, кажется, улыбалась фюреру…

Наступил самый подходящий момент, чтобы вмешаться ему, Зорге.

Зорге приучил себя внимательно следить за тем, что происходит вокруг него, где бы он ни находился и чем бы ни занимался. И сейчас, глубоко погруженный в свои мысли, он сразу услышал шуршание легких шагов по гравию дорожки, ведущей к его дому.

Зорге мгновенно насторожился, но эти шаги не предвещали

ничего опасного. Он поспешил открыть дверь перед Биргит.

— Что с тобой ? — сразу спросила она. — Получил неприятные известия?

— Да, я получил известия, и даже очень важные.

— Если у тебя неприятности, Рихард, я хочу разделить их с тобой. У нас все должно быть общим.

— Ты в этом уверена, Биргит?

Она испуганно взглянула на него.

— В том, что принадлежу тебе и никому больше? Ну конечно. Разве я не доказала это тебе?

Биргит не получила ответа. Зорге пристально смотрел на нее.

— Что случилось, Рихард? Что с тобой?

— Я хочу знать, — сказал Зорге, пойдешь ли ты за мной на любую опасность, если потребуется — и на смерть?

Он так сильно тряхнул Биргит, что ее руки заболтались, как у куклы.

— Ты сошел с ума, Рихард? Он высоко поднял ее в воздух.

— Будешь со мной, если я сойду с ума?

Она чувствовала необыкновенную силу этого человека и целиком подчинялась ему.

— Да, Рихард… Даже тогда. Всегда с тобой.

Он опустил ее на пол и громко рассмеялся. Внезапно Зорге оборвал смех. Он опустился на колени перед креслом, в которое села Биргит, взял руки девушки и с нежностью поцеловал их.

— Ты прекрасно держала себя, моя маленькая. Извини, что напугал тебя.

Она спрятала лицо на груди Зорге и нежно гладила его волнистые волосы.

— Нет, ты меня не испугал, Рихард, мне все равно, какой ты.

— Мне только хотелось увидеть, как ты будешь реагировать, если со мной что-нибудь случится. Ты, надеюсь, правильно поняла меня?

— Ну конечно!

Зорге подошел к книжному шкафу, достал оттуда бутылку коньяка и две рюмки. Наполнил одну из них до краев.

— Не хочешь ли тоже глоток? — спросил он.

— Это тебя успокоит.

Биргит покачала головой.

— Нет. Мне хотелось бы услышать от тебя новости. Зорге отпил немного. Затем медленно прошелся по комнате и наконец заговорил.

— Немцы, по всей видимости, считают, что уже выиграли войну. Они прорвали русский фронт. Если не случится чуда, они могут захватить Москву.

— И тогда наступит мир? О, Рихард, как я рада за тебя.

Зорге задумчиво посмотрел на девушку.

— Чему ты так радуешься? Ведь ты, так сказать, нейтральна, нейтральный человек, представительница нейтральной страны.

Она засмеялась.

— Почему нейтральна? Мы принадлежим друг другу, и, значит, я не нейтральна. Я с тобой, а ты немец.

— Только наполовину, дорогая. Моя мать русская.

— Но ты же воспитан, как настоящий немец. Я думаю, ты даже образцовый немец. Ты ответственный сотрудник немецкого посольства. Ты выступаешь с докладами в «Немецком доме». Его превосходительство Тратт — твой друг. Он прервал ее движением руки.

— Все это, дорогая, только средства для достижения цели.

— Какой цели, Рихард?

— Ну, для того, чтобы быть Рихардом Зорге. Быть человеком, от которого зависят исторические решения.

Он, казалось, наслаждался ее удивлением.

— Что за исторические решения, Рихард? Говори же наконец так, чтобы я могла понять.

— Что ж, пожалуй, пора сказать тебе все о… Рихарде Зорге. Ты много сделала для меня и для моей родины. Но для того, чтобы я мог тебе верить во всем, ты должна знать, кто я. И тогда или ты станешь моей помощницей, моим вторым «я», или…

— Или, Рихард? Говори же наконец, чтобы я могла понять.

Нетерпение прозвучало в ее голосе. Она даже хлопнула ладонями по подлокотникам кресла.

— Тогда слушай, дорогая. Ты уже знаешь, что немцы добились крупных успехов на Востоке и угрожают Москве. Если не случится чуда, Москва падет и этот сумасшедший из Браунау будет праздновать рождество в Кремле. Дело Сталина проиграно, если он не получит свежих войск с Дальнего Востока. Миллион хорошо обученных и вооруженных солдат мог бы спасти его. Красные не могли их взять, пока не были уверены в намерениях японцев. И я с твоей помощью сообщил им о планах сынов Страны восходящего солнца. Другими словами, я дал Сталину этот миллион солдат. Впрочем, точнее, не ему. Я сделал это для русского народа, для родины моей матери и, значит, для моей родины. Эти закаленные сибиряки спасут Москву и погонят гитлеровцев. А это, как я полагаю, окажет решающее влияние на весь ход войны: ее выиграют русские. Теперь тебе, надеюсь, понятно?

Биргит медленно поднялась с кресла и прислонилась спиной к шкафу.

— Рихард, ты сведешь меня с ума. Что это? Или ты рассказываешь мне содержание романа, который собираешься написать?

Зорге подошел вплотную и заглянул ей в глаза.

— Нет, именно так и есть. Рихард Зорге пользуется одновременно полным доверием Иосифа Сталина и Адольфа Гитлера. Оба они верят каждому слову моих сообщений. Но Гитлеру я сообщаю чепуху, а Сталину — правду. Правду, которая делает Советскую Россию сильнее. Не забывай, что мой дед Альберт Зорге был не только пруссаком, но и коммунистом, и другом Карла Маркса. А я внук своего деда.

Лицо Биргит стало таким же желто-серым, как и шкаф, к которому она прислонилась. Зорге пристально глядел на нее.

— Понимаешь теперь, кто я?

— Да, Рихард, понимаю. Ты… ты русский шпион. Он отступил на несколько шагов.

— Ничего ты, Биргит, не поняла. Абсолютно ничего!

— Нет, Рихард… Ты шпион! Плечи Зорге устало опустились.

После продолжительной паузы он тихо, но убежденно, с трудом сдерживая волнение, сказал:

— Я не шпионю, я борюсь за великое дело.

— Это слова, Рихард!

— Нет, Биргит, ты сама убедишься в этом. Идет жестокая борьба не на жизнь, а на смерть между немцами, одурманенными Гитлером, и русскими. Между фашистами и коммунистами. Я коммунист и на стороне коммунистов. И я сделаю все, чтобы красный флаг с серпом и молотом развевался над рейхстагом! Чтобы люди навсегда избавились от ужасов фашизма! Навсегда!

Зорге остановился. Он взглянул на Биргит, по-прежнему плотно прижимавшуюся к дверце шкафа.

— А ты посчитала меня за какого-то шпиона? Я… И вдруг шпион?! Кто такие шпионы, Биргит? Негодяи, продающие чужие секреты за презренный металл. Мне не нужны деньги. Я борюсь за великую идею! А ты… Стыдись!

Ом шагнул к ней.

— Что же ты молчишь? Тебе нечего мне сказать? Он так требовательно взглянул на нее, что она не могла не ответить.

— Все это ужасно, Рихард. Чересчур ужасно, чтобы я сразу могла понять.

Она говорила так тихо, что он едва разбирал слова.

— Ужасно? Ты все же ничего не поняла. Впрочем, я думаю, до тебя все дойдет, когда гитлеровцы потерпят поражение. И это будет не рядовое поражение. Отступление немцев от Москвы будет началом крушения гитлеровского рейха. Знаешь, пройдут

годы, и историки будут утверждать, что поворотный пункт второй мировой войны произошел не раньше января будущего года, точнее — в декабре 1941 года, в сражении под Москвой. Я предсказываю, суммируя все сведения, что это сражение произойдет именно в декабре. Раньше русские не успеют перебросить на Запад сибирскую армию. А некоторые историки, вероятно, напишут, что к этому великому решению пришли еще раньше, в конце сентября, и вот здесь, здесь, в этой скромной комнате.

Лицо Зорге покрылось красными пятнами.

— Что ты молчишь? Поняла ты хотя бы мотивы моего поведения? Согласна, что я прав?

Она несколько раз судорожно вздохнула, прежде чем ответила.

— Почему, — прошептала Биргит пересохшими губами, — почему ты обязательно хочешь поражения Германии? Почему ты вмешиваешься в войну?

— Я ненавижу фашистов и их сумасшедшего фюрера. И как коммунист, не могу сидеть сложа руки, когда решается судьба мира.

Он подошел к письменному столу, вылил остатки коньяка в рюмку.

— Выпей, моя девочка!

Она взяла рюмку обеими руками, как ребенок, поднесла ко рту и, выпив до дна, передернулась, как от горького лекарства.

Зорге улыбнулся.

— Почему ты дрожишь? Ты все еще считаешь меня презренным шпионом?

— Нет, Рихард, это… страх. Она не могла побороть дрожь.

— Страх? Почему страх?

— Страх, — повторила она. — Я боюсь, Рихард.

Он презрительно рассмеялся прямо в лицо Биргит.

— И это все, что ты можешь сказать?

Она не ответила. Рихард внимательно разглядывал девушку. Так стояли они, не двигаясь, друг против друга.

Наконец Зорге увидел, что не в силах заставить ее перебороть страх. Тогда он решился на крайнюю меру. Быстро подойдя к двери, распахнул ее.

— Уходи!

Биргит не двигалась.

— Уходи сейчас же! Она не шелохнулась.

— Вон, трусливое ничтожество! — закричал Зорге.

Грубый окрик подействовал на Биргит. С трудом переставляя ноги, она двинулась к выходу. Но вдруг пошатнулась и оперлась о

стену, чтобы не упасть. Дверь оставалась открытой настежь. В нее врывался холодный ночной ветер и трепал волосы Биргит.

Рихард стоял посредине комнаты. Засунув руки в карманы и высоко подняв подбородок, он с напускным спокойствием наблюдал за Биргит.

— И все же… большое спасибо, девочка! Она взглянула на него.

— За что, Рихард? Он не ответил.

— За что, за что же, Рихард?

— За то, что сделала, Биргит, для моей родины. За твою долгую жизнь, которая будет очень долгой после конца моей короткой. За твою любовь.

— Короткой жизни… Почему жизнь должна быть короткой, Рихард?

— Моя — да, а свою ты спасешь. Спасешь сейчас. Эта дверь — в долгую спокойную жизнь. Я рад, что ты избрала этот путь, дорогая. Так лучше для тебя.

Биргит широко раскинула руки и схватилась за косяки двери.

— Ты так думаешь, Рихард? Ты так на самом деле думаешь?

Он кивнул.

— Да, ты ведь считаешь, что моя игра продлится долго. Нет, еще недели две и конец. И я скажу тебе уже сейчас: эта игра стоит свеч! Что бы ни случилось, я никогда не пожалею…

Биргит нащупала ручку и закрыла дверь. — Ты прав. Если речь идет о двух неделях, я справлюсь с собой.

Зорге испугался.

— Не сходи с ума! Уходи! Уходи! Ты не отдаешь себе отчета, что делаешь. Я еще никогда не упрашивал ни одну женщину. Но сейчас я прошу тебя. Прошу— уходи!

Она хотела подойти к нему, но ноги у нее подкосились. Зорге подхватил девушку и усадил в кресло. Но она вскочила.

— Я выпила слишком много коньяка, любимый. Это от него. А теперь уже все в порядке.

— Послушай, Биргит. Это, конечно, пустая болтовня, что я здесь наговорил тебе. Ты же знаешь, я люблю иногда играть, как на сцене. Если бы я знал, что это так расстроит тебя.

Она попыталась засмеяться.

— Я больше не буду расстраиваться. Теперь меня ничто не взволнует.

— Ну и прекрасно. Главное, ты теперь знаешь, что мой монолог, так напугавший тебя, был только посредственной театральной сценой. В нем не было ни одного правдивого слова.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, Рихард! Каждое слово в нем — правда. Но я решила:

остаюсь с тобой!

Маленький домик баронессы Номура, совершенно скрытый густыми зарослями кустарника, был расположен в глубине сада. Домик состоял лишь из одной комнаты и служил баронессе рабочим кабинетом. Кийоми занималась здесь своим любимым делом — изучением масок и костюмов, которые когда-то, в древние времена, японцы надевали при обрядовых танцах.

Домик, построенный без украшений и орнамента, венчала толстая, в полметра, соломенная крыша с причудливо изогнутым коньком. Выступающую часть крыши поддерживали гладко обструганные некрашеные деревянные столбы. В домике не было стен. Их заменяли раздвижные двери — деревянные рамы, оклеенные пергаментом. Поэтому в домике всегда было солнечно, независимо от того, в какой стороне находилось солнце. Точно так же по желанию менялся вид из комнаты на окружающую местность.

Деревянный, гладко отполированный пол, как было принято в старину, не застилали соломенными циновками.

Посредине находилось четырехугольное углубление, сделанное прямо в земле и выложенное камнями. В нем горели древесные угли. Рядом стояла посуда и все необходимое для приготовления чая. В комнате не было никаких украшений. Лишь разбросанные кругом деревянные маски, куски шелка и парчи, над которыми трудилась Кийоми, оживляли помещение.

Дома Кийоми носила только японские национальные наряды, сшитые по старинной моде. Девушка из знатной семьи должна внимательно следить за тем, чтобы не нарушались древние обычаи. А эти обычаи требовали, чтобы по одежде Кийоми можно было определить, что ей не более двадцати двух лет, что она не замужем, что она единственный ребенок отца, происходящего из старинного дворянского рода.

Соблюдала Кийоми и все нелегкие предписания относительно прически. Чтобы предохранить от разрушения сложное сооружение на голове, ей приходилось вместо подушки пользоваться круглым фарфоровым валиком[9]. Правда, Кийоми и ее сверстницы по сравнению со своими матерями и бабушками стали практичнее. Они все чаще и чаще пользовались париками. Их надевали даже на праздники. Несколько таких париков лежало в сундуке и у Кийоми.

В комнате не было письменного стола. Только на полу чернела широкая лакированная доска. На ней стояли вазочки с дюжиной кисточек различной толщины, пузырек с черной тушью и каменная чаша для смешивания красок. И конечно, ни одного

стула; даже подушка для сидения отсутствовала в этой хижине древних спартанских времен.

Как и полагалось благовоспитанной девушке, Кийоми не сидела, скрестив ноги. Перед доской, заменявшей письменный стол, она стояла на коленях. Кийоми трудилась над статьей для профессора Мацумото и встретилась с затруднениями: никак не могла найти для многочисленных специальных выражений соответствующие иероглифы. Для японца, занятого научной работой, недостаточно знать даже тридцать тысяч в большинстве случаев хитросплетенных знаков. Кийоми пришлось признаться самой себе, что, для того чтобы закончить свою работу, ей нужно будет еще вызубрить по крайней мере в два раза больше иероглифов. Хорошо образованный японец должен знать не меньше ста тысяч знаков. Однако у нее был красивый почерк, который хвалил сам Мацумото, который придавал большое значение элегантному и четкому начертанию иероглифов.

Эту часть своей докторской работы Кийоми писала очень тщательно. Медленно водила кисточкой справа налево и сверху вниз.

Увлекшись работой, Кийоми не слышала шагов Равенсбурга, заглушённых к тому же травой газона. Не слышала, как он снимал ботинки перед входом в домик. Девушка заметила приход молодого человека лишь тогда, когда под ним скрипнул деревянный пол легкого строения.

Кийоми вскрикнула от радости. Она не думала, что сегодня увидит возлюбленного. Кисточка выскользнула из ее пальцев и сделала отвратительную кляксу на бумаге. Но она не обратила на это внимания.

— Садись, пожалуйста, — весело улыбнулась девушка.

— Впрочем, на что же ты сядешь? Я принесу тебе подушку.

Но он уже уселся на пол и скрестил ноги.

— За четыре года пребывания в вашей стране я научился сидеть на полу.

— У тебя уже прекрасно получается. Не знаю только, как долго ты сможешь выдержать.

— Сегодня выдержу, Кийоми. Скоро мне нужно обратно в посольство.

Только сейчас она поняла, что он пришел к ней в необычное время — в самый разгар работы в посольстве.

— Что-нибудь случилось, Герберт? У тебя странный вид. Что произошло? Ты чем-то напуган?

— И напуган, и очень раздражен одновременно. Но все это не сравнить с твоими каждодневными заботами, — ответил он, напирая на последнее слово.

Она вопросительно взглянула на него.

— С моими каждодневными заботами?

Он схватил руку девушки и крепко сжал ее.

— Я только потому так срочно пришел к тебе, Кийоми, чтобы освободить тебя от твоих забот. Если, бы я знал раньше о них, сделал бы это давным-давно, — сказал он многозначительно.

Ее глаза расширились от страха, когда она догадалась,о чем идет речь. Она медленно освободила свою руку.

— К сожалению, только сегодня я понял, дорогая, то, о чем мне следовало догадаться значительно раньше. Да я не догадался бы и теперь, если б мой Вилли не помог мне.

Кийоми вскрикнула и закрыла лицо руками. Медленно, очень медленно она опускалась на пол. Она не плакала, ни одного слова не слетело с ее уст, казалось, она перестала дышать.

Равенсбургу показалось, что Кийоми нет здесь, что она превратилась в неодушевленный предмет, в безжизненную, холодную принадлежность этого домика. Он долго сидел, беспомощно сложив руки на коленях, и боялся нарушить глубокое молчание.

Только спустя довольно продолжительное время он сообразил, что это, собственно, его долг — вывести Кийоми из неестественного оцепенения. Он понимал, что, если дотронется до нее или заговорит с ней, ничего хорошего из этого не выйдет. Ее стыд был настолько глубок, что любое доброе слово, любой нежный жест лишь еще больше ранят ее. Если он сейчас оставит ее и уйдет — это будет окончательным разрывом между ними. Она исчезнет из Токио, и он никогда не найдет ее.

Его начало знобить. Угли в очаге подернулись пеплом. Он хотел раздуть их, и тут его взгляд упал на маленький треножник и принадлежности для приготовления чая.

Кийоми забыла о своих обязанностях хозяйки дома и о госте! Даже простая женщина усмотрела бы в этом нарушение самых элементарных правил японского гостеприимства. А о знатных японках и говорить нечего. Забыть о госте — самый страшный грех.

— С каких это пор в доме Номуры, — с упреком произнес Равенсбург, — перед гостем тушат очаг и ни одна женщина не предлагает ему чашку чая?

Фигура, распростертая на полу, вздрогнула. Как могла она, Кийоми, забыть о своих обязанностях хозяйки дома? Все остальное на мгновение отступило перед этой мыслью. Если она нарушит законы гостеприимства, то позор падет не только на нее, но и на всю семью.

Угловато и неловко, словно кукла, Кийоми поднялась с пола

и механически стала готовить чай. Повернувшись к Ривенсбургу спиной, она подбросила в очаг углей и повесила чайник на железный треножник. Пока не закипела вода, она неподвижно смотрела на маленькие искры, вырывавшиеся из очага. Кийоми высыпала из чайницы горсть сухих зеленых листьев в ступку, растерла их и осторожно бросила порошок в чайник.

Наконец чай был готов, и девушке пришлось повернуться лицом к гостю, чтобы подать ему чашку, как предписывалось правилами хорошего тона, обеими руками.

— Достопочтенный гость переступил порог моего скромного дома, — обратилась она с традиционным приветствием. — Добро пожаловать.

Взяв чашку, Равенсбург осторожно погладил ее руки.

— Пусть боги охраняют дом уважаемых друзей, — ответил он, как полагалось, выпил горьковатый напиток и протянул чашку обратно.

Но Кийоми не успела взять чашку. Равенсбург обнял девушку и притянул ее, безвольно поникшую, к себе. Он поцеловал Кийоми, и обильные слезы хлынули из ее глаз. Наконец поток слез иссяк. Он вытер платком ее мокрое лицо.

— Мне очень горько, любимая, что ты считаешь меня таким недалеким человеком и что ты, оказывается, совсем не знаешь, как я тебя люблю, — спокойным тоном начал Равенсбург. — Мне очень больно, Кийоми… Ведь я всегда… всегда верил в твою любовь. И поэтому твое обязательство перед Одзаки никогда не разъединит нас. Ты сделала лишь то, что должна была сделать. Я поступил бы точно так, если б мне приказали. Я знаю, дорогая, что ты не имела права мне говорить об этом. Представляю, каково было у тебя на душе. Но сейчас не надо стыдиться и горевать. Сейчас надо радоваться: ведь тебе теперь не придется таиться от меня.

Она хотела взглянуть на него, что-то сказать, но снова закрыла глаза. Только ее пальцы отыскали его руки и сжали их.

— Теперь все в порядке, любимая. Ты не нарушила своего слова. Никто не сможет упрекнуть тебя в этом. Я сам узнал обо всем. Теперь все плохое позади. Взгляни, пожалуйста, на меня и скажи хоть одно слово. — Он взял ее за подбородок и поднял опущенную голову. — Прошу тебя, открой глаза и скажи мне что-нибудь.

Она повиновалась и взглянула на него так, словно перед ней был незнакомый человек.

— Я думала, что люблю тебя, Герберт, люблю так, как только может любить женщина. Но все это, оказывается, чепуха. Лишь теперь я впервые узнала, что такое настоящая любовь…

Равенсбург так крепко прижал девушку к себе, что почувствовал, как стучит ее сердце.

— Раз мы так любим друг друга, Кийоми, тогда не так уж страшно, что меня сейчас не отпустят со службы и мы не сможем пожениться. Пока война не окончится, я не волен распоряжаться собой. Нам придется подождать, дорогая.

И он рассказал о своем разговоре с Траттом.

— Все это не имеет значения, любимый. Давай больше не будем говорить об этом. Прошу тебя, Герберт.

Она совсем успокоилась, освободилась из его объятий и начала приводить в порядок прическу.

— Я, должно быть, отвратительно выгляжу, любимый, после такой сцены. Извини, пожалуйста…

— Ты никогда не была такой красивой, Кийоми, и такой желанной.

Она перебила его, улыбнувшись:

— Подожди, милый, скоро я буду совсем твоей. — И вдруг, посерьезнев, добавила:

— Знаешь, я должна еще что-то сообщить тебе.

— Тогда, пожалуйста, быстрее. Я должен уходить.

— Речь идет о Зорге, Герберт. Его подозревают в том, что он предатель. Одзаки твердо убежден в этом, но не имеет еще доказательств. В тебе же никто не сомневается. И лишь потому, что ты друг Зорге, я должна была… я должна…

— Я знаю, что ты должна была делать, любимая. Но поверь мне, господин Одзаки ошибается. Его направили по ложному следу. Вас хотят сбить с правильного пути.

Она затрясла головой.

— Не будь таким слепым, Герберт. Поверь мне наконец! Ты оказываешь доверие дьяволу. Ты считаешь Зорге порядочным человеком. Но Одзаки не женщина, которую можно упрекнуть в том, что она руководствуется чувством, а не разумом. Он мужчина, мужчина с холодным умом и большим жизненным опытом. У него есть основания…

— Есть ли у него доказательства, Кийоми? Она опустила глаза.

— Ты прав, доказательств у него нет, хотя он лихорадочно ищет их. За Зорге непрерывно наблюдают. Но он очень хитер и, видимо, понял, что находится под наблюдением.

Кийоми, я не могу этому поверить. Я знаю Зорге.

Она положила руку на его плечо.

— И все же будь осторожнее, Герберт. Обещай мне ничего больше не доверять ему.

— Чтобы ты не волновалась, я сделаю так, как ты

рекомендуешь. Но это лишь ради тебя, любимая.

— Я еще раз повторяю: это дьявол в образе человека.

— Во всяком случае, дьявол в образе привлекательного мужчины, — заметил, улыбаясь, Равенсбург. — И неужели, кроме как о Зорге, у нас нет другой темы для разговора?

Кийоми тоже улыбнулась.

— Конечно, есть. Налить тебе еще чаю, Герберт?

***

Было уже довольно поздно, когда в дверь квартиры Бранковича трижды громко постучали. Вера в первый момент испугалась, но взяла себя в руки и быстро открыла дверь. Она облегченно вздохнула: в квартиру вошел Козловский.

— Случилось что-нибудь? — спросила она. — Ведь уже поздно.

— Пока нет, — мрачно ответил поляк. — Муж дома? Вера кивнула.

— В фотолаборатории. Позвать?

— Позовите его, Вера. Мне нужно поговорить с ним. Однако Бранкович не торопился выйти к гостю. Вера тоже исчезла куда-то. Козловский сидел в одиночестве за обеденным столом и нервно барабанил пальцами.

Наконец появился хозяин дома. Вместо приветствия он повертел перед глазами радиста маленькой металлической коробочкой.

— Здесь внутри спрятана вся Квантунская армия, — с гордостью сказал Бранкович. — На микрофильме. Нелегко было сделать как следует. Наш японский друг недодержал все кадры. Хотя, конечно, можно представить, в каком состоянии он был, когда добрался до этих вещей.

Козловский взвесил алюминиевую коробочку на ладони.

— Ничем вы меня так не успокоили бы, Бранко, как если б сказали, что эта штука — наша последняя работа здесь.

Бледное лицо серба побледнело еще больше.

— Ты считаешь, что нам пора удирать?

— Да, Бранко, да. Тучи сгущаются. Ямагути утверждает, что за нашим катером следят. Вчера в бухте Сиросима рядом с нами стояла рыбачья лодка. Японцы все время наблюдали за нами. Когда стемнело, мы снялись с якоря и добрались до Осимы. И что ж вы думаете? Едва рассвело, как я снова увидел около нас ту же

самую лодку.

— Может быть, это — простое совпадение? — попытался успокоить сам себя Бранкович. — В районе Осимы сейчас разгар рыбной ловли.

— Что ж, может быть, и совпадение. Но я не думаю, Бранко. У меня неприятно сосет под ложечкой. Мне кажется, нам нужно удирать. Удирать как можно скорее!

Вера оставила дверь кухни неприкрытой и слышала все. С тарелкой и кухонным полотенцем в руке она снова вошла в столовую.

— Я всегда думала, что вы разумный человек, Козловский. Мой муж давно уже опасается худшего, только не хочет признаться в этом…

Бранкович не вытерпел.

— Нет, я хочу признаться! Но это не поможет. Пока начальник не прикажет кончать.

— Если мы будем ждать, то не выскочим живыми из этой мышеловки, — раздраженно сказала Вера.

— Доктор — фанатик, которому наши жизни безразличны так же, как и собственная! Он перестанет работать лишь тогда, когда на нем защелкнут наручники.

— Я в самом деле не понимаю, что ему здесь еще нужно.

Бранкович высоко поднял коробочку с микрофильмом.

— Может быть, мы задержимся, пока не отправим эту штучку?

Он не совсем уверенно обратился к жене:

— Да, Вера, начальник сказал, чтобы ты отвезла пленку в Шанхай.

— Я еще не сошла с ума, Бранко! — зло ответила Вера. — В последний раз меня чуть не схватили. Я ни за что не поеду опять!

Бранкович пожал плечами.

— А если б это было нашим последним делом? Если б после этого Зорге отпустил нас и мы могли бы уехать из Японии?

Вера поставила тарелку и положила на нее полотенце. Вот что я вам скажу. Если мы будем дожидаться приказа Зорге, то никогда не уедем! Почему вы его так боитесь?

— Боимся? — переспросил Бранкович. — Нет, Вера, мы не боимся. Мы просто хотим быть порядочными людьми до конца. Мы столько пережили вместе с доктором! Правда, он строг. Но он всегда, рискуя собственной жизнью, заботился о нас. Мы не можем поступить по-свински, когда над всеми нами нависла опасность. Бросить его? Нет. Во всяком случае, я так не сделаю!

— Я согласен, Бранко, — присоединился поляк. — Только все же поговорите с ним, и порешительнее…

Бранкович прислушался. Кто-то повернул ключ во входной двери. Все затаили дыхание.

— Это он, — прошептал Козловский, узнавший знакомые шаги Зорге по лестнице.

— Ну вот и хорошо, — быстро сказала Вера мужу. — Поговори с ним, иначе я это сделаю сама!

Когда Зорге вошел в комнату, то сразу почувствовал что-то неладное. Его необыкновенный инстинкт подсказал ему, что разговор здесь шел об отъезде.

— Хорошо, что я застал вас, Вера, — приветливо обратился он к ней.

— Завтра вам надо будет выехать в Шанхай и отвезти пленку.

Вера Бранкович хотела возразить, но Зорге, казалось, не заметил этого.

— Вы выедете завтра, — повторил он, — на «Нагасаки-мару». Вам все понятно?

Утвердительно кивнув, Вера послушно взяла коробочку со стола и спрятала за вырез блузки.

Зорге спокойно отвернулся от нее и сел за стол.

— Если не ошибаюсь, до моего прихода вы говорили об отъезде? — спросил он.

— Что ж, я вас понимаю и уже позаботился об этом.

— Это правда, начальник? Неужели мы действительно уедем? — вырвалось у Козловского.

— Да, как только Вера вернется из Шанхая. Следовательно, в понедельник вы сможете уехать отсюда. А теперь слушайте меня внимательно.

Он вытащил из кармана карту Японии, положил на стол и показал на остров Эносима, расположенный недалеко от Иокогамы.

— Здесь, у деревянного моста, соединяющего остров с побережьем, вы поставите свой катер, Козловский. Все должны быть на борту к десяти часам вечера, включая Иноэ, который доставит девушку-шведку.

— Шведку? — переспросила Вера. — А кто она такая?

— Товарищ Лундквист — наша сотрудница, дорогая Вера. У нее большие заслуги перед нашей группой. Убедительная просьба: позаботьтесь о ней. После небольшой паузы Зорге продолжал: — Вы, Козловский, слушайте особенно внимательно. Когда все будут на борту, вы поведете катер, не зажигая бортовых огней, на ост — зюд — ост. Через пять миль выключите мотор и зажжете синий фонарь. Ясно?

Все трое посмотрели на Зорге.

— Все понятно, начальник. Когда все будут на борту, —

повторил Козловский, — я пойду без огней на ост — зюд — ост, остановлюсь через пять миль и зажгу синий фонарь.

— Правильно. Вам ответят двумя красными огнями. Вы медленно пойдете на них и увидите грузовой пароход «Бильбао» под панамским флагом водоизмещением в две тысячи тонн. Его капитан — товарищ Санчес. Он в курсе всего и знает, что ему полагается делать. Вы подойдете к пароходу. Поднимитесь на борт. Его курс — Аляска, точнее — Ном. Затем он пойдет во Владивосток, где я буду ждать вас. Это тоже ясно?

Заговорили все разом.

Козловский хотел знать, почему нужно делать крюк и плыть в Ном, а не прямо во Владивосток. Вера спросила, сколько можно брать багажа, а Бранкович поинтересовался, почему Зорге не отправляется вместе с ними.

Движением руки Зорге призвал их к молчанию.

— Мы выполним свое последнее задание, как только микрофильм будет в Шанхае! Потом каждый из вас свободен и волен делать, что заблагорассудится. Моя власть над вами как начальника закончится, когда вы ступите на палубу «Бильбао». Денег у вас достаточно. Позаботятся о вас и в дальнейшем. С собой можно взять только маленький чемодан. Слышите, Вера? Большие вещи привлекут внимание. Ясно?

Он взглянул на чету Бранковичей. Серб кивнул, соглашаясь,Вера последовала его примеру.

— Вот еще что, Козловский. Вы последним оставите посудину. Предварительно заведете часовой механизм взрывателя. Через полчаса после того, как вы ступите на палубу парохода, наш старый катер должен взлететь на воздух. Это тоже ясно?

— Через полчаса, как мы взойдем на пароход, катер взлетит на воздух, — повторил Козловский.

— Ясно, начальник. Ну а как же с вами? Мы с вами встретимся на Аляске?

— Нет, там вы со мной не встретитесь. Но еще раз мы увидимся. В воскресенье вечером здесь, у вас, Бранко.

Бранкович наклонился к Зорге.

— Вы ведь не собираетесь оставаться здесь, начальник? — В его голосе звучала дружеская забота. — Вам нельзя быть здесь. Почему вы не хотите поехать с нами?

Зорге сделал вид, что не заметил волнения своего помощника.

— Повторяю еще раз. Наше задание выполнено. Рихард встал, оперся руками о стол и посмотрел на них по очереди ясным, твердым взглядом.

— Нам все ясно, начальник, — ответил за всех Бранкович.

— Вот и хорошо! Вы отвечаете, Бранко, за то, чтобы Вера доставила микрофильм в Шанхай. Никто отсюда не уедет, пока это не будет сделано. Если Вера не возвратится из Шанхая в понедельник, уезжайте без нее.

Прежде чем Вера Бранкович успела открыть рот, чтобы возразить против последнего приказа, Зорге был уже у двери и быстро сбежал по лестнице.

Держа Биргит под руку, Зорге бродил в вечерней сутолоке по Гинзе.

— Скажи же наконец, что ты намерен делать, — попросила она. — Почему мы гуляем здесь?

Он наклонился к ней.

— Дорогая, нам предстоит нечто особенное и очень смешное. Мы пойдем в театр.

— В театр? Чтобы повеселиться? Или…

— Именно, моя маленькая. Чтобы повеселиться. Нам ничего не остается больше, как развлекаться.

— Ты знаешь, Рихард, мне не очень хочется идти развлекаться в какой-то японский театр. Давай лучше побудем одни!

— После театра, дорогая. В театре я посмеюсь от души. Это хорошая разрядка. Да и тебе нужно посмеяться. Я что-то давно не слышал твоего смеха, девочка.

Биргит хотела ответить, что с тех пор, как он открыл ей, кто он в действительности, ей не до смеха. Но она промолчала: не хотела портить ему радостное настроение.

С того самого дня, когда Зорге, как он считал, выполнил последнее задание, этот необыкновенный человек пребывал в веселом настроении и в самом прекрасном расположении духа. Таким раньше она никогда его не видела.

Они остановились перед ярко освещенным подъездом театра. Биргит увидела, что в нем шла не оперетта, а ревю под названием «Наш немецкий друг».

— О чем это? — невольно спросила Биргит. Зорге засмеялся.

— Здесь дают своего рода урок истории, если можно так выразиться. В двенадцати захватывающих сценах пораженному японскому народу наглядно преподносят, как немцы из орды диких германцев превратились в верных партайгеноссе. В японской постановке это получается чрезвычайно комично. Непроизвольная комедия — самое занимательное зрелище в мире!

Раздвигая толпу широкими плечами, Зорге пробрался к входу. Биргит послушно следовала за ним. Билетерша в нарядной

униформе взяла у них билеты и провела в ложу, расположенную в среднем ярусе. Зорге вытащил из кармана брюк театральный бинокль и подал его Биргит.

— Хорошенько рассмотри все, Биргит. Такого ты наверняка больше не увидишь в своей жизни!

Он стал перелистывать программу. А девушка осмотрелась вокруг и вдруг вздрогнула.

— Рихард, один из этих типов сидит прямо сзади нас.

Зорге обернулся и насмешливо кивнул очкастому японцу.

— Ты права, девочка. Это один из сотрудников Одзаки. Вчера всю ночь простоял перед моим домом.

Она втиснула свою маленькую руку в сжатую ладонь Зорге. Он почувствовал, как дрожат ее пальцы.

— Ты нервничаешь, дорогая? Почему? Мы ведь уже давно приняли решение. Забудь об этих шпиках, и пусть они не отравляют нам этот милый вечер.

Она попыталась улыбнуться.

— Думаю, у нас будет не так уж много прекрасных вечеров, — сказал он. — Нужно как следует наслаждаться каждым вечером, который нам подарит судьба.

Оркестранты заняли свои места. Зал был набит до отказа. Зрители стояли даже в проходах. В Токио не было более популярного театра, чем Такарадзука.

Людей привлекала необычная труппа театра, а не то, что в нем ставили. В этой труппе не было ни одного актера, она состояла исключительно из актрис. И каких! В труппу принимались женщины не старше двадцати пяти лет и только незамужние. И вот эти девушки играли любые роли. Не только матерей и бабушек, но и почтенных отцов семейства, и бородатых воинов.

В старину было наоборот: в театре выступали только мужчины, игравшие и женские роли. В начале нынешнего столетия открыли доступ в театр и девушкам, но при одном условии: в труппе не должны участвовать мужчины. Совместное выступление на сцене женщин и мужчин долгое время считалось аморальным и было запрещено. И только перед войной полицейские власти разрешили наконец, чтобы в театре женские роли играли женщины, а мужские — мужчины. Но зрители привыкли к театрам, в которых играли одни женщины, и охотно посещали их несмотря на нововведение. Поэтому Такарадзука по-прежнему оставался крупнейшим театром в Японии, привлекавшим самое большое число посетителей.

В труппу принимались только добропорядочные девушки. Они все вместе жили в общежитии, их привозили в театр в

специальных автобусах и отвозили обратно после спектакля. Девушки, которым исполнялось двадцать пять лет, а также те, кому посчастливилось выйти замуж, покидали театр.

Дирижер поднял палочку, и оркестр заиграл увертюру из вагнеровской «Валькирии». Занавес поднялся, и по рядам пронесся шепот удивления. Это можно было понять: перед публикой предстали фигуры, которых никогда не встретишь в Японии. Их лица были обрамлены белокурыми и рыжими бородами, туловища закутаны в звериные шкуры, а на головах ярко горели блестящие, непомерно большие жестяные шлемы. Над косо расставленными глазами нависали кустистые брови.

Воинственные германцы, пританцовывая, двинулись к краю сцены и остановились, угрожающе потрясая мечами и копьями. Резко контрастируя с этой картиной, звонкие девичьи голоса выводили на японский манер песню, в которой говорилось, что они готовы к битве с римским полководцем Варом, пришедшим поработить германцев.

Затем появился облаченный в доспехи Арминий-германец, вождь херусков. Он трогательно попрощался со своей женой Туснельдой и, подняв меч, повел на битву приплясывающее войско.

Туснельда осталась одна. И хотя она пела, что печаль терзает ее, весь ее вид говорил о великой гордости за своего супруга, который решил спасти родину. В это время трубные звуки рогов и звон мечей возвестили, что где-то рядом разразилась битва.

Тотальная битва быстро закончилась тотальной победой. Арминий возвратился со своим бородатым воинством. Вождь херусков склонился перед верной Туснельдой, и она возложила на рога его шлема лавровый венок. В этот момент на сцене, хромая и пошатываясь, появился незадачливый римский полководец Вар. Он поставил свой меч рукояткой на пол и, всхлипывая, бросился на него грудью.

— Надеюсь, она не повредила грудь, — обратился Зорге к своей спутнице. Увлеченная игрой, она забыла, что мужественного Вара играла молоденькая девушка.

Между тем рать германцев расположилась на медвежьих шкурах и пила из огромных рогов, которые пленные римляне вновь и вновь наполняли вкусным медом. Нежные девушки в мохнатых шкурах услаждали слух воинов песнями, восхвалявшими героические дела германцев.

Публика была настолько увлечена, что когда опустился занавес, несколько секунд царила тишина, затем раздались оглушительные аплодисменты. И только Зорге смеялся так громко, что Биргит самым серьезным образом попросила его

уняться: окружающие могли принять его за противника германо-японской дружбы и позвать полицию.

— Не бойся, моя маленькая, — успокоил он. — Полиция сидит уже сзади меня. С нами ничего не случится.

В следующей сцене изображалось, как свирепый Хаген убивает белокурого Зигфрида. Затем следовал Карл Великий, ему вручалась корона Священной Римской империи. За ним Карл V. Потом великий курфюрст побеждал в битве при Фербеллине, Фридрих Великий — Яри Лейтене и Блюхер — при Ватерлоо. Когда британский фельдмаршал Веллингтон заявил: пусть быстрее наступит ночь и укроет его войска, — публика приняла это за обычную английскую инертность и громко высмеяла полководца.

Перед антрактом игралась сцена в зеркальном зале Версальского дворца, где «железный канцлер» провозгласил Германскую империю. Кайзер Вильгельм стоял перед своим новым троном, ступенькой ниже — Бисмарк в серебряном нагруднике и латах — все, как на известной картине Вернера.

Биргит хотела остаться на время антракта в ложе. Но Зорге предложил прогуляться в фойе. Многие обратили внимание на светловолосую Биргит с темно-голубыми глазами. В столице с шестимиллионным населением насчитывалось едва четыре тысячи иностранцев. Среди них было немного женщин такого северного типа, как красавица шведка.

Биргит удивляло, почему Зорге, совершенно не считавшийся с мнением других людей, сегодня явно находил удовольствие в том, что ею открыто восхищались. Он гордо вел ее под руку, улыбаясь, наклонял голову и поступал так, как делает каждый мужчина, когда хочет, чтобы обратили внимание на его спутницу.

Она чувствовала себя неловко от множества уставившихся на нее глаз. Это не доставляло ей удовольствия, наоборот, раздражало и даже сердило.

— Послушай, Рихард, — прошептала она. — Я вижу уже двух типов из тех, которые следят за нами. Они чуть ли не наступают нам на пятки.

— Ты ошиблась, дорогая. Их не двое, а трое. Докажи, что ты достойна такой чести. Держи выше свою хорошенькую головку!

Второе отделение исторического театрального обозрения было посвящено современной Германии. Для Зорге эти сцены были полны величайшего комизма, особенно когда одна из молодых актрис появилась в маске, абсолютно точно копирующей физиономию Адольфа Гитлера.

Сначала публика увидела нацистский съезд в Нюрнберге. Парадным шагом, с вытянутыми вперед руками промаршировали

по сцене колонны штурмовиков и эсэсовцев, молодых людей с лопатами на плечах, отбывающих трудовую повинность. На роли членов «Союза немецких девушек» режиссер подыскал самых полных статисток. Они прошли по сцене старым прусским парадным шагом так, что затрещали доски. На помосте, украшенном изображениями орлов, стоял сам фюрер. По его правую руку — набитый подушками, чтобы казаться как можно толще, и разукрашенный орденами Герман Геринг, слева — Йозеф Геббельс с длинным картонным носом. В конце появился престарелый президент фон Гинденбург, который торжественно дал наказ фюреру Адольфу Гитлеру хорошо заботиться о немецком народе и крепить дружбу с мужественной Японией. Этот момент, к сожалению, был немного испорчен одним непредвиденным обстоятельством. У Гинденбурга отклеились седые усы, и перед публикой предстало хорошенькое личико молодой японки. Вежливые зрители постарались не заметить этой накладки. Но Зорге хохотал, как безумный, Биргит дала ему носовой платок, которым он безуспешно пытался приглушить смех.

Еще более впечатляющей, чем партайтаг, была заключительная сцена. Здесь непосредственно вмешалась официальная японская пропаганда, которая на нацистский манер старалась доказать, что рождение как можно большего числа детей — первейший гражданский долг.

Торжественно восседая на белом коне, Адольф Гитлер требовал от своих верноподданных как можно больше производить на свет детей. Не достоин уважения тот мужчина и бесполезно коптит свет та женщина, у которых нет детей. Под патриотические песни, распевавшиеся невидимым хором, на веревках спустили картонный макет Бранденбургских ворот. Около них сейчас же выстроились ряды вооруженных «коричневорубашечников», изображавших, очевидно, счастливых арийских отцов.

А затем произошло то, что вызвало новый приступ смеха у Зорге. Под оглушительные звуки баденвейлеровского марша через Бранденбургские ворота прошли шеренги нянек в немыслимых чепцах. Каждая из них толкала перед собой детскую коляску левой рукой, а правую выбросила вперед в «германском приветствии». Над Бранденбургскими воротами зажглись иероглифы, составившие лозунг «Дети — будущее нации!»

Восхищенная публика поднялась со своих мест и громко аплодировала целлулоидным голышам, лежавшим колясках.

В фойе Рихард, откинув голову назад, снова разразился таким громким хохотом, что сбежались испуганные билетерши и

окружили его.

Биргит рассердилась.

— Рихард, прекрати, пожалуйста! Я готова провалиться сквозь землю!

Он с трудом оборвал смех, положил ей руку на плечо, и они вышли на ночную Гинзу.

— Не сердись, я ведь только посмеялся до чертиков. А тебе разве не весело?

Она оглянулась вокруг: неужели они вышли без сопровождающих? Но нет, за ними опять шли трое, двое из них уже намозолили им глаза в театре.

— Конечно, Рихард, я развлеклась. Это в самом деле очень смешно. Впрочем, не столько смешно, сколько печально: вот как выглядит история страны в глазах людей, живущих на другой стороне земного шара. Народы, столь различные по своему характеру, никогда не смогут правильно понять друг друга и стать настоящими союзниками.

— А ты думаешь, дорогая, что японцы не смеялись бы, если б увидели «Мадам Баттерфляй» в нашей постановке? Конечно, им было бы так же смешно, как и мне сейчас. Но они смеялись бы про себя: они воспитаны гораздо лучше нас.

— Если они так вежливы, почему же ты плохо вел себя и громко смеялся?

— Только потому, что мне хотелось развлечься. Развлечься как следует. Отдохнуть после тяжелой, но успешно законченной работы. Театра мало. Пойдем, дорогая, в ресторан, где подают прекрасные печеные омары.

Они прошли мимо представительства американской пароходной компании «Гамильтон лайн». Яркий свет неоновых ламп освещал красочный плакат в витрине, приглашавший побывать на Гавайских островах. Терраса отеля на берегу чудесной бухты Вайкики заполнена элегантно одетыми людьми. Кокосовые пальмы нежно склонились к морю. Атлетически сложенные юноши неслись на водных лыжах навстречу прибою. Загорелые девушки лежали на белом, как снег, песке пляжа. На заднем фоне Мауна-Кеа, окруженная зелеными горами, вздымала к небу свою снежную вершину.

Биргит остановилась у витрины.

— Какой беззаботный мир, Рихард! Гавайи всегда были моей самой заветной мечтой. Отец давно обещал, что устроит мне поездку туда, но до сих пор никак не получалось.

В стекле витрины отразились очки шпиков, которые тоже остановились и делали вид, что ждут автобус.

Это вернуло Биргит к неприятной действительности: картина

прекрасных Гавайских островов померкла в ее воображении.

— Пошли, Рихард. Я немного проголодалась.

Зорге завернул в следующий переулок и показал ей на маленький деревянный домик. Во всем переулке только перед ним был виден крошечный сад.

— Он выглядит не особенно солидно. Но это лучший ресторан в Токио, где подают омары.

— Рихард, это твоя машина? Зорге кивнул.

— Ее подогнал Ямагути. Может быть, на ней мы избавимся от непрошеных телохранителей. Они ведь пешком.

Он отодвинул занавеску, состоявшую из нитей, на которые были нанизаны стеклянные шарики, и пропустил вперед Биргит.

У решетки, под которой темно-красным пламенем горели древесные угли, стоял толстый хозяин. Пот лился с него градом. Увидев Зорге, одного из своих самых уважаемых посетителей, он отвесил несколько глубоких поклонов, не забывая переворачивать пекущиеся омары.

— Какая высокая честь для моего скромного дома, какая радость для моих глаз вновь лицезреть у себя высокочтимого гостя!

Зорге огляделся. В помещении стояло шесть столов. Три из них были заняты. Он направился к столу в углу.

— Я думаю, здесь будет удобнее, — предложил он Биргит. — Тут наружные стены: через них трудно подслушать.

Едва они уселись и заказали ужин, как в ресторан вошли те трое в очках, которые преследовали их весь вечер. Шпики собрались без церемоний занять соседний столик.

Зорге наклонился к ним.

— Я попрошу, милейшие господа, умерить ваше служебное рвение. Вот там вам будет удобнее.

И он показал на столик, стоявший поодаль.

Сотрудники Одзаки послушно направились к столу, указанному Зорге. Правда, затем они осознали, что поступили глупо.

— Мы такие же гости, как и вы, Зорге-сан, — возразил старший из них. — Мы сменили место только из вежливости.

— Тем более я должен поблагодарить вас, господа. И раз вам известно мое имя и, следовательно, мы знакомы, я прошу передать мои самые лучшие пожелания господину полковнику.

Шпиков передернуло, но они смолчали. Каждый из них заказал бутылку дешевого пива. Полковник приказал своим людям быть как можно бережливее. Хозяин понял: здесь что-то неладно. Люди специально приходят в его ресторан, чтобы поесть знаменитых маленьких омаров. Нигде их так вкусно не готовят,

как у него. А эти…

— Не заходишь ли ты слишком далеко, Рихард? Почему ты стараешься обязательно превратить этих типов в своих врагов?

Зорге придвинулся к ней ближе и тихо произнес:

— Да они давным-давно мои враги, дитя.

Хорошенькая официантка в костюме рыбачки принесла на деревянных тарелках первые горячие, как угли, омары и деревянные молоточки, чтобы разбивать клешни. К фирменному блюду подали густой суп из морских водорослей. Ложех не было: пили прямо из больших чашек.

— Мне безумно нравятся эти маленькие омары, — призналась Биргит, — но я никогда не была в этом ресторане. Отец не любит часто выходить из дому.

— Знаешь, — пошутил Зорге, — красивая девушка вовсе не нуждается в том, чтобы ее сопровождал собственный отец.

Она покачала головой.

— Ты можешь мне не верить, Рихард, но до тебя я никогда не появлялась в городе с мужчинами. Любому туристу, пробывшему в Токио два дня, здешние рестораны известны лучше, чем мне.

— Тогда давай восполним этот пробел. Если есть время, Токио — прелестное место для веселых развлечений. Но ешь, не то твои омары остынут!

Персонал обслуживал Зорге и его даму с особенной предупредительностью. Хозяин сам подошел к ним и предложил несколько самых изысканных блюд.

Помещение ресторана было отделано в стиле рыбачьей хижины. Пол усыпан толстым слоем песка. На стенах развешаны принадлежности для рыбной ловли. Вместо абажуров использовались большие шары из зеленого стекла, которые применяются в Японии, впрочем, как и в Европе, в качестве поплавков для рыбачьих сетей. Поскольку ресторан посещало много европейцев и нельзя было обойтись без столов, хозяин изготовил их тоже в соответствии со стилем своего заведения. Крышки столов были сделаны из старых лодок, а ножки заменяли заржавленные якоря.

За исключением агентов Одзаки, здесь сидели солидные мужчины, понимавшие толк в печеных омарах и других оригинальных блюдах. Мужчин сопровождали элегантные женщины.

Рихард Зорге был в отличном настроении и прилагал большие усилия, чтобы ободрить Биргит.

— В Токио есть куча интересных вещей, которые я сам еще не видел, — говорил он.

— Нам необходимо везде побывать. В воскресенье мы

отправимся на Мацусиму, в бухту «Тысячи островов». На обратном пути заедем в Мияноситу. Тамошние ванны, по моему мнению, самые лучшие в Японии. Что ты скажешь?

Она благодарно кивнула.

— Это чудесно, Рихард. Но самым чудесным было бы, если б ты тоже изменился за эти дни.

Хозяин подошел к их столу, чтобы собственноручно приготовить изысканное блюдо прямо перед глазами своих почетных гостей. Он принес хибати — маленькую жаровню, в которой горели угли. Его помощник положил на хибати тонкую бронзовую сковородку. Она быстро раскалилась докрасна.

— Не пугайся, пожалуйста! — предупредил Зорге, когда хозяин, горделиво улыбаясь, открыл горшок и пригласил заглянуть в него.

И все же, несмотря на предупреждение, Биргит с трудом поборола отвращение, когда увидела огромное множество маленьких волосатых пауков, шевелившихся в горшке.

Зорге с видом знатока щелкнул языком, чтобы доставить радость хозяину.

— Тонкое корейское блюдо, называется ракоси, — пояснил Зорге Биргит. — Хотя они и выглядят сейчас не особенно аппетитно, но потом, на языке… поэма!

Он подал знак хозяину, и тот, не медля, высыпал содержимое горшка на раскаленную сковородку.

Пауки мгновенно превратились в красно-коричневую массу. Острый запах облаком наполнил помещение. Хозяин несколько раз помешал на сковородке большой ложкой, посыпал содержимое какими-то специями — и кушанье было готово.

Зорге протянул Биргит палочки и сказал, чтобы она действовала посмелее. Впрочем, после того как девушка положила в рот первый кусочек, она забыла о своем отвращении: блюдо было чрезвычайно вкусным.

— Ну, что скажешь? — спросил Зорге.

— Невероятно! — засмеялась Биргит. — Какой прекрасный вкус у этих ужасных насекомых!

Но веселый смех застыл на ее губах: она встретила внимательные взгляды шпиков. Они напомнили ей шакалов, которые напрягли мускулы, приготовившись броситься на свою жертву.

Способность читать мысли других людей не подвела Зорге: он понял, что происходит в душе у Биргит. В присутствии шпиков девушка не могла забыть о положении, в которое они попали.

Рихард предложил Биргит уйти из ресторана. Она благодарно кивнула, и он расплатился с хозяином.

Биргит глубоко вдохнула прохладный ночной воздух.

— Поедем домой, Рихард?

— А не хочешь ли ты потанцевать?

— Ты ведь не умеешь.

— Ну что ж, научишь меня. Она лукаво засмеялась.

— Зачем же напрасно утруждать себя. Давай лучше немного проедемся на машине.

Трое шпиков вышли за ними из ресторана. К огорчению Биргит, у них тоже оказался автомобиль.

— Да, они кое-чему научились, — вырвалось у Зорге.

— Одзаки распространил свои заботы и на мой «датсун». За моей машиной стали следить, даже когда меня нет в ней. Дело постепенно принимает серьезный оборот.

Впервые услышала Биргит в его голосе, хотя он и пытался шутить, нотки озабоченности, и сердце ее сжалось.

— Давай сядем в автомобиль, — попросила она.

— Мне надоели их липкие взгляды.

Зорге вежливо открыл перед ней дверцу. Она с облегчением юркнула в темноту кузова, как зверек, спасающийся от преследователей, в свою норку.

— Поедем в Камакуру, посмотрим большую статую Будды при лунном свете, — предложил он.

— Мне не нравится этот толстый Будда. Давай лучше прокатимся к морю и полюбуемся ночным прибоем.

Зорге вел машину на большой скорости по улицам Токио. В этот поздний час почти не было движения. Скоро город-гигант остался позади.

Всю дорогу до моря они молчали. И только когда автомобиль помчался по новому шоссе вдоль побережья, Биргит нарушила молчание.

— Можно мне спросить тебя, Рихард?

— Спрашивай, маленькая, — нежно ответил он. Она с трудом подбирала слова.

— Разве мы не можем… не можем спастись, Рихард? Он долго молчал, прежде чем дать ответ.

— Сказать по совести, я удивлен, что ты только сейчас задаешь мне этот вопрос. Я давно уже спрашиваю сам себя об этом. Её сердце радостно забилось.

— Значит, есть надежда, Рихард? Значит, мы сможем уехать?

— К сожалению, это — невыполнимое желание, дорогая. Боюсь, что уже поздно.

— Нет, Рихард, еще не поздно! Никогда не поздно, лишь бы ты захотел.

Зорге сбросил газ и поехал медленнее. Автомобиль о

сотрудниками Одзаки приблизился настолько, что свет их фар заливал внутренность маленького «датсуна».

— Наши верные телохранители не церемонятся. Зорге перегнулся назад и задернул шторку на заднем окне.

— Мы должны бежать, Рихард, — снова заговорила Виргит. — Бежать как можно скорее. Я умоляю тебя, Рихард!

— Перестань, маленькая. Ну, хорошо, я объясню тебе все. Я должен остаться здесь еще на некоторое время. Японцы замышляют что-то серьезное против Америки. Американцы — наши союзники. И я обязан, это мой долг — выяснить все точно.

Биргит поняла, что Зорге непреклонен. И она смирилась перед железной волей этого человека. Все же она пыталась найти какой-то выход. Биргит положила голову на плечо Зорге.

— В конце концов, тебя можно понять, Рихард. Но ты должен спастись. Ты обязательно должен что-нибудь придумать, любимый. От нее исходила уверенность.

— Если ты захочешь, дорогой, ты преодолеешь все препятствия.

Зорге засмеялся.

— Ты права, маленькая. Кажется, я кое-что придумал, Я попытаюсь подстроить так, чтобы вместо меня арестовали другого человека. Конечно, это будет один из тех, кто входит в число наиболее осведомленных сотрудников посольства. К сожалению, таких чертовски мало: Тратт, Эбнер, Фихт, Равенсбург и я. И все же надо попробовать. Это отвлечет от меня внимание Одзаки. Пока он поймет, что ошибся, пройдет некоторое время. А нам нужно совсем немного, чтобы сделать то, что требуется от нас.

Нмргит не сразу поняла, что задумал Зорге. Наконец она спросила:

— А с тем, которого ты подставишь вместо себя, что будет с ним?

Зорге молча развернул автомобиль, и они помчались обратно.

Затем он спросил:

— Разве ты не говорила мне, что для тебя важна моя жизнь?

Она поколебалась мгновение, прежде чем ответить.

— Да, Рихард, я сказала это и сейчас думаю так же. Зорге удовлетворенно засмеялся.

— Браво, маленькая, ты мне очень нравишься.

В этот момент они проехали мимо преследовавшего их автомобиля. Машина контрразведчиков была гораздо длиннее «датсуна», и для разворота ей требовалось больше времени. Зорге помахал темным фигурам, сидевшим в ней.

— Без тебя, Биргит, я, конечно, не придумал бы того, что

пришло мне сейчас в голову. Пожалуй, это стоит испробовать. Ты права, дорогая, было бы забавно прожить еще лет двадцать!

— И мы уедем на Гавайи, Рихард?

— Ну, конечно, уедем, — успокоил он ее, как успокаивают взрослые раскапризничавшегося ребенка.

***

Курортное местечко Ноборуяма с некоторых пор посещали и европейцы. Впрочем, только те из них, кто мог достаточно понимать по-японски и кого привлекала экзотика житья в старинной японской гостинице.

Туристы не видели, как живет японский народ, а иностранцы, находящиеся в стране постоянно, знали об этой жизни очень мало. Большинство европейцев просто не замечали, что их бытие в Японии и даже поездки не выходили за пределы небольших анклавов, которые, собственно, устроили специально для чужаков. Эти «опорные пункты», куда ездили путешествующие иностранцы, были разбросаны по всей стране. И хотя все они были отлично оснащены европейскими удобствами, именно по этим анклавам иностранцы судили о настоящей жизни японцев. Очень жаль, конечно, что так получалось, ибо старинные постоялые дворы и курортные местечки, которыми пользовались сами японцы, имели свою привлекательность. Об их неповторимости можно было не раз вспомнить, возвратись домой из поездки.

Лишь незадолго до войны среди европейцев, проживавших в стране и владевших японским языком, стало модным ездить в те места, где путешествовали сами местные жители. К таким курортам, которые тогда открыли европейцы, относился прежде всего поселок Ноборуяма, располагавшийся в красивой долине среди «японских Альп» в нескольких часах езды на автомобиле от Токио.

Рихард Зорге выбрал отель в Ноборуяме для встречи с мистером Малкольмом, представителем компании мореходных сообщений «Гамильтон лайн». Прежде чем принять решение, Зорге, безусловно, все хорошо продумал. Конечно, он не мог надеяться, что надолго сумеет отделаться от своих соглядатаев, которые вечно висели у него «на хвосте». Значит, он должен увидеться с американцем в таком месте, где их встреча выглядела бы на сто процентов случайной. Ноборуяма как нельзя лучше подходил для этой цели. Для пущей правдоподобности Зорге

пригласил Биргит. В этом случае поездка холостого мужчины за город, чтобы провести конец недели в обществе красивой девушки, была полностью оправданной в глазах постороннего.

Зорге повернул руль. Автомобиль свернул налево и въехал через деревянные ворота в разукрашенный красками поздней осени парк отеля.

— Сегодня мы узнаем, — заметил он, — так ли уж умны американцы, как это утверждает молва. Малкольма считают осторожным человеком. Значит, поначалу он должен держаться очень недоверчиво. Нам предстоит раскусить твердый орешек.

— Разве ты знаком с ним? Зорге поднял уголки губ.

— Весьма поверхностно, дитя мое. Но это не имеет никакого значения. Я кое-что знаю о нем. Меня всегда интересовало, как действуют другие мои коллеги. Должно быть, он страшно испугается, когда я выложу ему, что знаю о его настоящей профессии.

— Ты, Рихард, добьешься от него всего, что тебе требуется, — не скрывая восхищения своим спутником, заметила Биргит.

— Раз ты захотел — обязательно добьешься.

Зорге остановил автомобиль перед главным подъездом и распорядился, чтобы подняли наверх багаж.

К Зорге и Биргит кинулись портье и стая улыбающихся горничных, готовых выполнить любые пожелания гостей. Рихард и его дама с достоинством отвечали на бесчисленные поклоны и некоторое время терпеливо наблюдали, как в их честь втягивали в себя воздух, да так громко, что это напоминало шипение небольшого локомотива.

Когда с Зорге снимали обувь, подъехал черный лимузин, который следовал за ними всю дорогу. Биргит возмущенно повернулась спиной к двум японцам, которые вышли из него. Зорге же нарочито любезно приветствовал филеров и пожелал им чудесного отдыха.

Зорге и Биргит, сопровождаемые самим владельцем гостиницы, сняв обувь, поднялись по гладким ступеням лестницы и после довольно продолжительного путешествия по бесконечным коридорам добрались наконец до своего номера. Самым красивым в этом помещении был вид на озеро и горы, склоны которых уже до половины были покрыты снегом. В комнате не было никакой мебели. На стенах — ни единого крючка, на который можно было бы повесить платье. Все нужно было класть прямо на пол, покрытый чистыми до блеска циновками из рисовой соломы. Кроватей не было. Постояльцы спали на толстых ватных одеялах, сложенных сейчас в одном из углов друг на друга. Их расстилали на полу, когда наступало

время ложиться спать.

Хозяин вежливо осведомился у гостей насчет ужина. В японском отеле еду подавали постояльцам в номер — блюда заказывались заранее. Общего зала, где гости собирались бы на трапезу, не было.

Как только хозяин удалился, появились горничные, обслуживающие номер, чтобы помочь постояльцам разоблачиться. Это входило в обычный сервис и не требовало дополнительной оплаты.

— За нами наблюдают, — засмеялась Биргит, когда ее освобождали от платья, — взгляни-ка на стены.

Зорге равнодушно проследил за ее взглядом: противоположная стена комнаты из тонкой, толщиной в миллиметр, пергаментной бумаги была почти прозрачной.

— Ты знаешь, здесь еще есть люди, которые не хотят верить, что у нас белая кожа на всем теле. Вот некоторые недоверчивые дамы и хотят в этом убедиться.

— Но почему только дамы, Рихард? А разве нет таких мужчин, например, среди наших «друзей» из Токио?

Зорге показал большим пальцем руки за спину:

— Нет, малышка, наши соглядатаи поселились на другой стороне. И их интересует не цвет нашей кожи, а наши разговоры. Поэтому первое, чем они занялись, так это монтажом подслушивающего устройства.

Горничные помогли Биргит и Зорге облачиться в кимоно. Каждая гостиница предоставляла своим постояльцам такую одежду. Темные, с теплой мягкой подкладкой зимние кимоно и светлые, легкие для лета. Было бы необычно, остановившись в японской гостинице, носить собственное платье. Владелец отеля не только предоставляет кров и питание, но и одевает своего гостя, обеспечивает его мылом, зубной щеткой и расческой.

Долг приличия требовал, чтобы вновь прибывший первым делом принял горячую ванну. Но не у себя в номере, а в большом бассейне, который размещался на первом этаже. О теплой воде позаботился не хозяин заведения, а боги этой страны вулканов, разбросавшие повсюду на ее территории горячие источники.

Многие из них были лечебными. В Ноборуяме они содержали серу и помогали избавиться от ревматизма. Отель был построен прямо над источниками и извлекал, таким образом, большую выгоду, используя этот дар природы.

Горничные подали каждому из новых постояльцев маленькое полотенце и мыло и пошли вперед, показывая дорогу в фуро, который в этой гостинице представлял собой не обычную баню размером в небольшую комнату, стены которой обшиты

деревянными досками, а обширный зал с бассейном значительных размеров.

Зорге и Биргит сперва должны были приглядеться в облаке пара, заполнившем помещение, прежде чем двинуться дальше, к собственно бассейну, который выглядел как настоящее горное озерцо. Неправильной формы водоем был заключен в берега из обтесанных обломков скал, а его дно выложено галькой. В бассейне сидели, плескались и плавали десятка два постояльцев — мужчины, женщины, дети — вместе пожилые и молодые, — в чем мать родила. Такая непосредственность была в традициях японского общества; иностранные гости следовали этому обычаю и, надо сказать, не без удовольствия.

Рихард Зорге и его спутница, прожившие в Японии несколько лет, уже привыкли к голым людям в фуро и поэтому вели себя с естественной простотой, как настоящие японцы. Они сдали свои кимоно банщице и попросили принести деревянные шайки с горячей водой. Каждый гость должен был намылиться и, лишь тщательно смыв мыльную пену, мог войти в большой бассейн. Гостям, конечно, помогали банщицы, которые каждую минуту готовы были прийти на помощь — потереть спину или обдать горячей водой из шайки.

— Какое падение добрых нравов, — заметил с сожалением Зорге, увидя, как к ним заспешил банщик, — раньше для этих целей использовали только красивых молодых девушек.

Банщик, мужчина в возрасте, видимо, здесь главный, услышав это, извинился:

— С тех пор как белые господа оказали честь и регулярно посещают наше скромное заведение, мы, к сожалению, вынуждены были изменить обычный порядок.

Молодая банщица, которая помогала Биргит, хихикая, склонилась к уху своей клиентки:

— Да, нам неприятно было обслуживать белых господ, на самом деле очень-очень неприятно.

Она буквально лопалась от смеха.

Находившиеся в фуро не обратили на пришедших никакого внимания, а если и обратили, то сделали это совершенно незаметно. Даже филеры, следившие по приказу Одзаки за Зорге и Биргит и последовавшие за ними в фуро, вели себя как подобает в этом заведении — не пялили глаза непрерывно на своих подопечных, что они делали в других местах. Лишь время от времени они украдкой бросали взгляды в сторону Рихарда и его спутницы.

— Обычно я до смерти не могу терпеть, — сказал Зорге, когда они вошли в этот искусственный пруд, заполненный теплой

водой, — когда орущие дети путаются под ногами. Но сегодня шум, который они издают, даже нравится мне.

Он поймал летящий белый шарик, но бросил его не кричащим детям, а двум красивым девушкам, прыгавшим в одежде Евы вокруг стола для пинг-понга. Обе японочки улыбнулись ему, а затем затеяли спор с детьми, которые требовали вернуть их мячик.

Глаза Биргит постепенно привыкли к заполненному испарениями помещению, и она рассмотрела, что в бассейне находится несколько европейцев. Их взоры, обращенные к Биргит, были, конечно, не такими скромными, как у японцев. Они бесстыдно рассматривали тело девушки. И в самом деле, контраст между нею и, в большинстве случаев, нескладно скроенными японками резко бросался в глаза, тем более что Биргит двигалась с присущим ей природным изяществом, о котором сама даже не подозревала.

Под взглядами, ласкавшими ее тело, Биргит потеряла присущую ей непосредственность и повернулась, как бы взывая о помощи, к своему спутнику.

— Отвратительно, как этот белокожий уставился на меня. Нужно же быть таким бесстыдным.

Зорге рассмеялся.

— Малышка, воспринимай похабные взгляды, которые бросают исподлобья твои собратья по расе, как комплименты.

— Рихард, подойди, пожалуйста, ко мне. Вот там парень с обросшей грудью как раз пожирает меня глазами.

Вместо того чтобы подойти, Зорге схватил свою прекрасную возлюбленную и придвинул ее к себе.

— Этот богато обросший волосом господин, моя малышка, и есть нужный нам человек — достопочтенный мистер Малкольм из «Гамильтон лайн», как он себя называет. Кто знает, может быть, благодаря ему мы попадем на Гавайи. Так что подави, хотя бы немного, свое отвращение к нему.

— Постараюсь!

Биргит пробежала последние метры до бассейна, перепрыгнула через круглый обломок скалы и скользнула в теплую иоду. Ее тело скрылось от липких взглядов европейцев: вода была непрозрачной, мутноватой, так как содержала много серы и была насыщена газом.

— Давай немного поплаваем, — предложил Зорге, — чтобы рандеву с твоим волосатым садистом не привлекло слишком пристального внимания.

Биргит согласно кивнула, но потом сказала:

— Рихард, посмотри, там еще два европейца. Не стоит ли

нам начать с них?

Зорге проследил за ее взглядом и шутливо спросил:

— Они тебе больше нравятся? Но мне сдается, что они несколько жирноваты.

Она рассвирепела:

— Не болтай глупости! Лучше подумай как следует о том, что нам предстоит.

Оба белокожих охотно познакомились с мужчиной, который появился с такой красоткой. Сразу после нескольких ничего не значащих слов завязался оживленный разговор.

Они были аргентинскими журналистами и сотрудничали с латиноамериканскими газетами. И хотя находились в Японии всего несколько недель, уже воображали, что сумели составить себе твердое мнение о Стране восходящего солнца. Зорге охотно соглашался со всеми их глупостями, которыми они щедро делились. А Биргит внимательно слушала, зайдя в воду по самое горло.

Между тем мистер Малкольм повел себя очень ловко. Он некоторое время полежал на мелком месте, блаженствуя в теплой воде, раскинув ноги и руки и вперив невыразительные глаза в потолок. Затем соскользнул в глубокую часть и немного поплавал между скалами. Постепенно он приблизился к группе мужчин вокруг Биргит, сказал что-то о лечебной силе воды и скоро оказался активным участником общей беседы.

Зорге не потребовалось подавать Биргит какие-то специальные знаки, она и без того прекрасно поняла, что ей нужно делать. Через некоторое время компания разделилась: журналисты, забыв обо всем на свете, продолжили разговор с Биргит, а американец остался с Зорге.

Словно позабыв во время оживленной беседы свою стыдливость, Биргит постепенно вышла из воды и рассказывала аргентинцам, оставшимся с ней, о расстилавшейся за широким окном горной цепи, перечисляя названия выступающих вершин. Она как бы совершенно непроизвольно обнажила верхнюю часть тела. С этого момента Зорге и подошедший последним незнакомец потеряли для южноамериканцев всякий интерес. Они настолько увлеклись разговором с девушкой, что совершенно не заметили, как оба постепенно переместились на середину бассейна. Там дымка от испарений, стлавшаяся над водой, была погуще. И поэтому наблюдавшие за ними агенты контрразведки едва различали их силуэты.

— Вы, без сомнения, будете удивлены, мистер Малкольм, — начал по-английски Зорге, — что я пригласил вас на эту несколько необычную встречу.

Американец понимающе улыбнулся.

— Мы живем в необыкновенное время, доктор Зорге. Время, когда рождаются необыкновенные ситуации. Но вы, очевидно, хотите провести отпуск на одном из наших судов? Или же вы желаете что-либо другое? Итак, чем могу служить?

Зорге опустился поглубже в воду и непринужденно рассмеялся. Пусть соглядатаи полковника Одзаки думают, что господа рассказывают друг другу светские сплетни.

— Совсем напротив, мистер Малкольм. Это я хотел бы сослужить вам службу.

Американец удивленно поднял брови.

— Сослужить службу? Мне? Может быть, вы хотите бросить профессию журналиста и получить должность в компании «Гамильтон лайн»? Что ж, я готов поговорить об этом, если вы примете определенные условия.

Зорге насторожился. За насмешливым замечанием Малкольма скрывался явный интерес к его, Зорге, персоне.

Значит, все идет как надо.

— Бросить профессию, да верно! Но я не хочу служить в «Гамильтон лайн». А вот вашему правительству готов сослужить службу. Скажем, даже очень большую службу. Конечно, если будут приняты мои условия.

Американец бросил на Зорге настороженный взгляд.

— Доктор, я вас не совсем понимаю.

— Бросьте, мистер Блэнд, прекрасно понимаете, — ответил Зорге неожиданно по-немецки. — Я вообще думаю, что мы оба очень хорошо понимаем друг друга.

Майор Блэнд из разведки военно-морских сил США хорошо владел собой. Лишь какая-нибудь секунда потребовалась ему для того, чтобы подготовить ответ.

— Doctor Sorge, I don't understand German. I am sorry, but would you please talk English?[10]

— Мистер Блэнд, вы не раз совершали одну и ту же ошибку. Знаете какую? Недооцениваете людей, — упрямо продолжил Зорге по-немецки. — Так, например, когда вы на прошлой неделе вручили вашему агенту Шигахаме пять тысяч долларов. Вы хотели вознаградить его за переданные вам данные о новом японском авианосце «Изе-Мару»? А на самом деле вы пополнили кассу полковника Одзаки, ибо Шигахама — офицер японской контрразведки и передал вам на сто процентов ложную информацию.

Блэнд выдвинул вперед подбородок и ничего не ответил.

— В действительности авианосец имеет водоизмещение двадцать две тысячи тонн и осадку семь метров. Я охотно готов

сообщить вам дальнейшие подробности.

— What do you mean, Doctor… You talk in riddles[11].

— На нас смотрят, мистер Блэнд, — предупредил Зорге, — давайте проплывем немного дальше. И не делайте, пожалуйста, такое серьезное лицо.

Американец внял предупреждению. Они проплыли несколько метров, радостно улыбаясь друг другу.

— Никогда нельзя соблюсти полную осторожность, Блэнд, — заметил Зорге, ныряя. А вынырнув, отфыркиваясь продолжил: Япония готовится захватить новые территории в бассейне Тихого океана. А поскольку Соединенные Штаты твердо решили воспрепятствовать дальнейшим разбойным военным походам японцев в этом районе, нужно считаться с возникновением вооруженного конфликта между этими государствами.

Я знаю, что это для вас не ново, но, может быть, вы сочтете новостью то, что я сейчас скажу: война между Японией и США придвинулась вплотную, и Страна восходящего солнца собирается напасть на вас внезапно. Я прекрасно знаю, Блэнд, что все секретные и не очень секретные американские службы в этой стране имеют задание узнать, куда Япония направит свой первый удар. А он может стать решающим! Насколько я осведомлен, большая часть ваших руководителей считает, что удар этот будет против Сингапура, Голландской Индии или Австралии. Тот, кто так полагает, не имеет ни малейшего понятия о японском образе мышления. Если японец нападает на кого-нибудь первым, то сначала на самого сильного противника. Почему? Да потому, что если тот будет повергнут, то остальные сами разбегутся от страха. Вы можете верить мне, Блэнд. Первый удар будет обращен против самой Америки. Поэтому я исхожу из того, что вам, конечно, очень интересно было бы узнать, когда и где японцы нападут на вашу страну.

Американец уставился на Зорге, как на привидение. От удивления он не мог вымолвить ни слова.

— Знаю, милейший господин Блэнд, что вы усомнились, в своем ли я уме, — сухо рассмеялся Зорге. — Но вряд ли станете сомневаться в качестве моей информации, если я вам сейчас скажу, что вы в пятницу радировали в Вашингтон. Вы попросили подкрепления для вашей резидентуры, а для себя — больших полномочий в расходовании денежных средств. Видите, я знаю даже ваш секретный шифр, а вы убеждены, что он не поддается расшифровке.

Это была чистая ложь. Зорге, конечно, не знал ключа к шифру. Но его снова выручила редчайшая способность понимать то, что было написано на обрывках зашифрованных телеграмм.

Он блефовал с американцем, зная лишь немногие факты. Но он сумел так их связать между собой, что получалось: ему, Зорге, известны все тайны, и от него вообще ничего не скроешь.

Блэнд был убежден: Зорге знает все о его деятельности и поэтому может в любой момент выдать и его самого, и всех его сотрудников.

— Прошу вас, коллега, не показывайте своего волнения. Те, кто за нами сейчас наблюдает, смогут увидеть то, что не доходит до их ушей.

— Вы правы, доктор. Но то, что вы сказали, действительно ошеломило меня. Конечно, сотрудничество с вами важно для меня, более того — чрезвычайно важно! Говорю вам откровенно. На какой основе мы смогли бы работать?

Зорге прервал с веселой улыбкой:

— Миллион долларов чистоганом я посчитал бы очень скромной ценой. Правда, согласен на то, что деньги будут выплачены только тогда, когда вы убедитесь: моя информация верна.

Зорге кивнул Биргит, которая как раз оглянулась на него. Она показывала своим поклонникам, как долго может находиться под водой. Мокрые волосы облепили ее голову, сделав лицо уже и моложе. По тому, как вели себя аргентинцы, можно было легко понять, что между ними уже вспыхнула конкурентная борьба за благосклонность красавицы шведки.

— Уверен, господин Зорге, — ответил Блэнд, — ваше предложение будет принято. Более того, абсолютно уверен! Оно выгодно, корректность его не вызывает сомнений. Вашингтон, несомненно, согласится. Тем более там всегда охотно принимают предложения, которые оплачиваются лишь после успешного завершения дела. И напротив, ведут себя очень сдержанно, если надо платить вперед, хотя в вашем случае…

— Впрочем, я не против задатка и в качестве такового рассчитываю получить два паспорта, — продолжил Зорге, — которые дадут право моей сотруднице и мне жить в Америке после выполненной работы. И безусловно, нам должно быть гарантировано покровительство вашего правительства, в том числе и защита от длинных рук Советов.

Блэнд, не колеблясь, согласно кивнул.

— Это само собой разумеется, доктор. Тому, кто сослужит нашей стране важную службу, нечего бояться. Вы и ваша прекрасная дама будете, безусловно, приняты в Америке самым лучшим образом и получите право на защиту от кого бы то ни было. Вам достаточно моего слова или…

— Достаточно, мистер Блэнд! Мы полностью поняли друг

друга.

Американец возбужденно дышал. То, что ему сейчас удалось сделать, было просто колоссально. Уже один факт, что он завербовал шефа германского информационного бюро, был успехом, который высоко поднимет его акции в глазах начальства.

— Вы знаете Appartementhaus[12] на улице Такасаки, доктор?

Зорге кивнул.

— Конечно. У него чертовски паршивая репутация. Несколько жирных котов держат там своих девочек. Вы тоже, Блэнд?

— Вот именно, — признался американец, — но только в целях маскировки. Квартира моей девушки используется как почтовый ящик. Любое сообщение, которое вы опустите в прорезь двери одиннадцатой квартиры на пятом этаже, дойдет до меня самым быстрым и надежным путем.

— Хорошо придумано, — понимающе улыбнулся Зорге, — я бы лучше не сообразил.

— Ключ от подъезда, — продолжил Блэнд, — я положу в карман левой дверцы вашего автомобиля, доктор, и прошу вас как можно скорее пустить его в дело. Вы, конечно, запомнили: пятый этаж, квартира одиннадцать!

— Начиная с послезавтрашнего дня, Блэнд, вы можете ожидать от меня сообщения.

Американец казался чрезвычайно довольным.

— Если сумеете так быстро получить что-либо полезное, доктор, вы удивите меня несказанно.

Зорге ухмыльнулся.

— Удивляться вы можете уже сейчас, — заметил он с обезоруживающей высокомерностью, — но сперва мы должны закончить нашу беседу таким образом, чтобы все выглядело совершенно естественно.

Американец кивнул, скользнул в воду и поплескался немного около Зорге. Тот последовал его примеру. Затем они подгребли к Биргит, которая сделала вид, будто бы ей стало немного стыдно перед Зорге за свой активный флирт с аргентинцами.

Оба ее поклонника, конечно, не очень обрадовались появлению Зорге и американца. Ведь аргентинцы не теряли надежды остаться наедине с девушкой, чтобы договориться с ней без свидетелей.

— Мистер Малкольм только что рассказал мне пикантную историю, которая случилась на курорте в Кусацу, — сообщил, смеясь, Зорге. — Представь себе, Биргит, даму-американку, которая захотела появиться на пляже в приличном виде. И вот она оказалась среди нагих женщин в купальном костюме. Не

обращая внимания на всеобщее неодобрение, которое вызвал ее необычный вид, она вошла в большой бассейн. И, конечно, в тот же миг оттуда выпрыгнули все голыши и с криком ударились в бегство. А дама осталась одна, как прокаженная.

И Зорге так заразительно рассмеялся по поводу им самим же с ходу придуманной истории, что аргентинцы начали хохотать вместе с ним, даже на зная, о чем, собственно, идет речь.

— Но почему людей так испугала бедная женщина? — спросил наконец старший из аргентинцев, выждав, пока Биргит, Зорге и Блэнд перестанут смеяться. — Ведь она на самом деле никакая не прокаженная!

— Нет, конечно, она не прокаженная, — ухмыльнулся Зорге, — но люди подумали: у нее, видно, что-то есть. Иначе зачем ей скрывать свое тело? Наверняка что-то ужасное, отвратительное и заразное! Да, господа, вот такие японцы — непосредственные, простодушные, прямо дети природы.

Блэнд не захотел отставать от Зорге. Он рассказал историю об американском епископе, который недавно путешествовал в этих краях. Князь церкви открыл поблизости от Джифу прекрасно расположенный отель, в котором решил остановиться на ночлег. И действительно не прогадал. Его великолепно накормили, всячески ухаживали и ублажали. Короче говоря, епископ остался очень доволен и при каждом удобном случае расхваливал отель своим друзьям и знакомым. И был чрезвычайно смущен, когда через некоторое время один из друзей рискнул сказать правду его преосвященству: отель, который епископ так расхваливал, был самым комфортабельным домом свиданий в Японии.

За этой смешной историей последовали анекдоты, встреченные хохотом. Зорге с удовлетворением отметил: агенты Одзаки приблизились к их компании настолько, что могли отчетливо слышать разговор. Чтобы удовлетворить их любопытство, Зорге еще некоторое время громко поддерживал оживленную беседу в том же духе.

Веселая компания исчерпала тему только тогда, когда фуро стали покидать последние любители купания.

На этот раз Зорге шел сзади Биргит, прикрывая ее от нескромных взоров собеседников.

— Ну, как получилось? — шепотом спросила девушка, когда наконец они распрощались с новыми знакомыми.

— Все в порядке, малышка. Если каждый из нас выполнит свое дело как следует… Ты сейчас должна сыграть перед Танакой свою лучшую роль, а я — бросить кость, которую людишкам придется некоторое время как следует поглодать.

Он отодвинул пергаментную дверь в номер и подчеркнуто-

вежливо пригласил Биргит войти.

— А что это за лучшая моя роль, Рихард?

— Объясню тебе после обеда, дитя, когда мы выйдем погулять в сад. Здесь, как мне кажется, у стен слишком много ушей.

***

В эти дни у Равенсбурга было очень много работы. "Заболел Хефтер — атташе по вопросам культуры, и Равенсбургу пришлось заменить его. Несмотря на занятость, он сразу же, как только доложили о приходе начальника японской контрразведки, отложил все дела и велел просить гостя.

Войдя в кабинет, полковник Одзаки без обычных церемоний поклонился немецкому дипломату и сразу же перешел к делу.

— Представьте, господин доктор, как я был потрясен, когда мне доложили, что русские вдруг начали в спешном порядке снимать с сибирской границы свою Дальневосточную армию!

Равенсбург не мог скрыть удивление.

— Снимают сибирскую армию? И куда же они ее перебрасывают? На Запад?

Одзаки утвердительно кивнул.

— Да. И это несмотря на то, что непосредственно на границе развернута по наступательному варианту наша миллионная армия. Вы понимаете, господин Равенсбург, что это может означать только одно — предательство!

Немецкий дипломат пытался привести свои мысли в порядок.

— Известие, которое вы сообщили, действительно плохое, очень плохое. Но никак не могу сообразить, какая тут связь с предательством. Что в данном случае могло быть предано? Может, русским была выдана какая-нибудь тайна?

Одзаки понял, что допустил ошибку. Он был убежден, что ответственные сотрудники германского посольства знают о решении японского правительства — ни при каких обстоятельствах не нападать на Советский Союз. Но доктор Равенсбург, как оказалось, ничего не знал о таком решении.

Впрочем, сейчас это уже не имело значения.

— Окончательное решение японского правительства, принятое в присутствии его императорского величества, недвусмысленно определяет, что Япония ни при каких обстоятельствах не начнет военных действий в Сибири. Об этом сообщено Советам… И в этом никакого сомнения быть не может. Иначе русские не оголили бы свою восточную границу и не оставили бы ее без военного прикрытия. Вы только подумайте, господин Равенсбург, сибирские войска, несмотря на наличие японской армии, снимаются с границы и уходят на Запад! Слыханное ли дело? Границу даже с дружественными, союзными государствами никогда не оставляют незащищенной. А тут…

Каким же доверием Советского правительства должен пользоваться человек, который дал ему такую информацию! Этот агент, бесспорно, уже не раз оправдал себя на деле. Иначе как бы мог ему поверить подозрительный Сталин? Агент сообщил Кремлю свою информацию дня три-четыре назад. И я располагаю данными, доктор, которые свидетельствуют о том, что этот человек находится здесь, в германском посольстве.

— Прошу вас, господин полковник, — запротестовал Равенсбург, — без убедительных доказательств подобных заявлений не делать! У нас никто не знал об этом решении вашего правительства.

— Конечно, его превосходительство Тратт, может быть, и не знал об этом. Возможно также, что это решение не было известно и большинству ваших коллег. Но одному… одному из сотрудников оно известно было, и он выдал его. В этом деле, господин Равенсбург, в этом деле вы должны мне помочь. Помочь разоблачить предателя.

Немец понимал, что в такой обстановке долгие раздумья недопустимы.

— Господин посол, конечно, не откажет вам в помощи и сотрудничестве, если вы, господин полковник, соизволите изложить нам ваши подозрения несколько конкретнее.

Одзаки, разумеется, ожидал, что от него потребуют веских доказательств. Но у него их не было, и он уклонился от прямого ответа.

— Господин Равенсбург, — человек, сообщивший Москве о решении японского правительства, позволил Советам высвободить пятнадцать отборных русских дивизий. Сейчас эти войска с лихорадочной быстротой перебрасываются по Транссибирской железной дороге на запад. Наши специалисты полагают, что эта переброска будет закончена к середине декабря. И тогда, господин Равенсбург, полные сил, не боящиеся морозов солдаты встанут против ваших измотанных в боях соотечественников. В самое неблагоприятное для немцев время года! О том, какую опасность это представляет для вашей страны, видимо, говорить излишне. И все это сделал один человек, который находится здесь, в этих стенах. Надеюсь, мы не будем больше терять время на вопросы и вы поможете мне? Равенсбург встал.

— Вы правы, Одзаки-сан. Вашей личной убежденности вполне достаточно. Я сейчас же сообщу об этом господину послу. Подождите, пожалуйста.

Полковник с облегчением кивнул.

— Важность обстоятельств, господин Равенсбург, заставляет

меня обращаться за помощью к высоким должностным лицам.

Когда Равенсбург вышел, Одзаки короткими шажками быстро заходил по комнате. Остановившись у стола, начальник японской контрразведки не без любопытства стал листать папки и рассматривать документы, в спешке оставленные немцем. Он был в таком же возбужденном состоянии, как и Равенсбург.

Минут через десять Равенсбург вернулся, сопровождаемый фон Эбнером, Богнером и доктором Мертенсом.

— Господин посол обещает вам, господин полковник, свою полную поддержку, — сообщил Равенсбург.

Уточняя слова своего коллеги, советник фон Эбнер добавил, что господин посол обещал по возможности выполнить все пожелания полковника Одзаки.

— Посол хотел бы поговорить с вами лично. Но сейчас он, к сожалению, занят. Посол принимает его превосходительство Харану. Что бы вы хотели?

— Неслыханное свинство, — послышался в коридоре голос Зорге.

Сильно возбужденный Рихард вошел в комнату и громко сказал:

— Прежде всего, конечно, надо осмотреть все сейфы и письменные столы. Разумеется, в присутствии Одзаки-сан. Пожалуйста, начинайте, если хотите, с меня!

— Как вам угодно, — немного помедлив, согласился Одзаки.

—Хотя считаю, что вряд ли найдется такой глупец, который хранит у себя компрометирующий материал. Надеюсь, позже у меня будет возможность поговорить с некоторыми господами отдельно?

— Раз мы находимся у меня в кабинете, то лучше всего начать с меня, — предложил Равенсбург, — а затем посмотрим у Зорге и перейдем к военным.

Советник нашел это предложение разумным.

— Ну-ка, Равенсбург, давайте-ка сюда ваши пыльные папки и нежные письма, — смеясь, сказал фон Эбнер. — Полное соблюдение тайны, конечно, гарантируется.

— Случай слишком серьезный для шуток, — укоризненно проговорил Зорге.

Равенсбург выдвинул ящик письменного стола и поставил его на подоконник. Осматривать ящик взялся Богнер. Кстати, на эту роль никто и не претендовал: во-первых, обыск — обязанность его, атташе по связям с полицией, а во-вторых, дело-то не очень приятное.

Полковник Одзаки держался в стороне. Он намеренно не хотел сам смотреть бумаги иностранного представительства.

Кроме того, он не рассчитывал найти какие-либо компрометирующие материалы, и особенно у доктора Равенсбурга. Советнику, старому дипломату, было крайне неприятно смотреть, как в присутствии постороннего человека перерывают документы посольства.

— Если мы будем осматривать еще и архивы, — ни к кому не обращаясь, проговорил Мертенс, — то дело затянется до поздней ночи.

— Вероятно, нам придется пожертвовать не одной ночью, мой дорогой, — сказал Зорге. — Но что это за жертва по сравнению с тем, что произошло. Нет, это просто уму непостижимо!

Богнер оторвался от ящика.

— Так… Ящик можно задвинуть на место, — сказал он Равенсбургу. — Не волнуйтесь. Я ничего не нашел.

Равенсбург открыл свой сейф — несгораемый шкаф старой модели, простоявший в этой комнате не меньше полувека.

Большинство папок Богнер даже не вынимал, а просто листал их там, прямо в шкафу. Интересного в них ничего не было — рукописные записи протоколов, старые пригласительные билеты и другие бумаги, давно уже утратившие свою ценность. Лишь переписку с иностранными миссиями он выложил на подоконник и стал просматривать с несколько большим вниманием.

Эбнер предложил присутствующим сигареты. Советника посольства обыск волновал меньше всего. Он смотрел на эту операцию как на пустую формальность, выполняемую лишь для того, чтобы удовлетворить казавшуюся ему никчемной прихоть Одзаки.

Японец стоял молча и лишь смотрел на рывшегося в бумагах Богнера. Обыск служебного кабинета требует особой техники. Для полковника Одзаки было небезынтересно посмотреть, как справляется с этим делом его немецкий коллега.

Просмотрев папку с перепиской, Богнер положил бумаги обратно в сейф. И тут из одного отделения выкатился маленький жестяной цилиндрик, какие обычно используются для хранения пленки к аппаратам типа «Лейка». Богнер поймал цилиндрик на лету и положил обратно в сейф.

— Можете закрывать, Равенсбург. Тот уже повернул ключ, но Одзаки удержал его.

— Прошу прощения, не скажете ли, что там было? Богнер вынул цилиндрик с пленкой и отдал его. Но не японцу, а Равенсбургу.

— Пожалуйста, покажите полковнику.

Прежде чем передать пленку японцу, Равенсбург бегло осмотрел ее, и глаза его округлились от удивления. Прочитав

надпись, он воскликнул:

— Это не моя! Я мелкозернистой пленкой не пользуюсь. Может, это осталось от моего предшественника, — с сомнением проговорил он больше для себя, чем для окружающих, и отдал пленку Одзаки, который, быстро взглянув на нее, покачал головой.

— Нет, эта вещь, доктор Равенсбург, не могла принадлежать вашему предшественнику. Он уехал из Японии четыре года назад. А тут написано: «Проявить до мая 1943 года». Значит, ей самое большее, ну, скажем, три-четыре месяца.

— Все равно, это не моя пленка, — убеждал Равенсбург,

— Богнер, посмотрите же, что на ней снято?

Подойдя к окну, Богнер стал проглядывать пленку на свет.

— Ну, что там? — спросил, заинтересовавшись, фон Эбнер.

— Точно не могу сказать. Кажется, фотокопии каких-то документов. По всей вероятности, японских.

Равенсбург покачал головой.

— Понятия не имею, как эта вещь могла попасть в мой сейф. Если пленка лежала у меня, я должен был ее видеть!

— Давайте пройдем в проекционную, — предложил советник. — Вы не возражаете, господин полковник?

Одзаки отрицательно покачал головой. Вид у него был скорее подавленный, чем заинтересованный.

— Экран вчера не снимали? — спросил советник Мертенса.

— Нет, не снимали. И аппарат на месте. Вшестером они направились по узкому коридору во внутренние помещения, где располагались архив и библиотека посольства.

В проекционной Мертенс включил свет и задернул окна темными гардинами. Богнер подал ему пленку. Размер ее был обычным, и она хорошо подходила к проекционному аппарату.

— Разрешите выключить свет? — спросил Мертенс. Хотя на экране уже высветился первый кадр, никто еще не сел на место.

Мертенс навел на резкость.

— Вот так… Теперь хорошо… Резче не будет.

— Шрифт японский, — констатировал Богнер, хотя он мог этого и не говорить — каждый видел это сам.

— Но, с другой стороны, — сказал Равенсбург, — ясно видны тактические условные знаки, принятые у военных. Черт возьми, как попала эта пленка в мой сейф?

— А что скажет полковник Одзаки? — прозвучал в темноте вопрос Богнера.

— Разрешите мне сначала просмотреть всю пленку до конца, — попросил японец.

— Конечно, конечно! Пожалуйста, господин Мертенс,

показывайте дальше.

Кадр за кадром появлялся на экране, и непосвященному человеку они могли бы показаться почти одинаковыми. Но сотрудники посольства сразу поняли, что это копии военных документов. Текст, написанный по-японски, иллюстрировался тактическими знаками.

— Последний кадр, — объявил Мертенс.

— Ну как, господин полковник, — снова спросил советник, — есть в этих кадрах что-нибудь интересное для вас?

— Да-а… — протянул Одзаки. — На тридцати четырех кадрах этой пленки полностью показаны организация, дислокация и вооружение нашей Квантунской армии. Тут засняты документы, представляющие собой военную тайну особой важности. Лишь высшие чины императорского генерального штаба имеют доступ к ним. Человека, сумевшего пробраться к этим документам и снявшего с них фотокопии мы как раз и ищем.

— Включите, пожалуйста, свет! — взволнованно крикнул Эбнер.

Когда в комнате зажегся свет, он отыскал глазами Равенсбурга и посмотрел на него так, что тот готов был провалиться сквозь землю.

Молодой человек только сейчас осознал, в каком положении он оказался.

— Вы мне не верите?.. Не верите?.. Но ведь это же абсурд! Просто недоразумение…

Рихард Зорге, который умел быстро ориентироваться в любой обстановке, дал Мертенсу и Богнеру знак, чтобы те встали у окон. Сам же направился к двери, чтобы в случае, если пойманный с поличным Равенсбург попытается бежать, схватить его.

— Равенсбург, у кого еще, кроме вас, был ключ от вашего сейфа? — спросил советник.

— Ни у кого. О существовании второго ключа мне ничего не известно. До сих пор не было ничего известно.

— Не можете ли вы объяснить нам, каким образом эта пленка попала в ваш сейф? Кто мог ее туда положить? Кроме вас?

Равенсбург неопределенно пожал плечами.

— Откуда мне знать? Могу только дать вам слово, что эту пленку вижу впервые. Она ни разу не попадалась мне на глаза. Ключ от сейфа я всегда носил с собой и никогда, нигде не оставлял его.

Полковник Одзаки сделал шаг вперед и с сочувствием посмотрел на обескураженного Равенсбурга.

— Подумайте, пожалуйста, кто мог положить эту пленку в ваш сейф? У вас, конечно, есть какие-нибудь подозрения?

Лицо Равенсбурга медленно меняло окраску. Он обернулся и, обведя глазами безмолвные лица сотрудников, остановил свой взгляд на стоящем у двери докторе Зорге.

— Да. Я знаю, кто это сделал, Одзаки-сан. Предатель — Рихард Зорге.

Равенсбург вытянул руку и пальцем показал на пресс-атташе.

Но Зорге был готов к этому. Он лишь пожал плечами и презрительно опустил уголки губ.

— До сих пор вы мне были только неприятны, Равенсбург, — спокойно ответил он. — А теперь противны!

Фон Эбнер вышел из себя:

— И это все ваши оправдания, Равенсбург? Значит, вы можете только обвинить кого-то другого, а по существу сказать вам нечего?

Равенсбург чувствовал, что никто в его вину не верит, и в то же время понимал, что попал в ловко расставленную ловушку, выбраться из которой вряд ли удастся.

— Что еще могу сказать? Могу только поклясться, что этой пленки никогда не видел. Этот предатель, — он кивнул в сторону Зорге, — умышленно положил ее в мой сейф, чтобы отвести от себя подозрения. Господин Зорге хорошо знает, что его давно подозревают. Я не хотел верить этому, но теперь...

Советник прервал его.

— Вы не имеете права обвинять доктора Зорге, Равенсбург. Этот поступок говорит не в вашу пользу и еще больше осложняет дело. Что делать, посол решит сам. Разумеется, об этом случае будет сообщено в Берлин. Фон Эбнер вытер рукой влажный лоб. Многое повидал на своем веку старый дипломат, но такого,— такого переживать еще не приходилось. Кто знает, как может обернуться это дело!

— Дорогой Богнер, у меня к вам убедительная просьба, проводите, пожалуйста, господина Равенсбурга на квартиру и будьте все время с ним. Надеюсь, скоро мы узнаем, чтб предпринять дальше.

Расстроенный, он как-то нерешительно подошел к Одзаки.

— Не знаю, что вам и сказать, господин полковник. Во всяком случае, вы можете быть довольны, что предателем оказался не японец.

Полковник поклонился.

— Да… Предатель теперь известен, господин советник. Но он еще не обезврежен. Разрешите мне лично поблагодарить его превосходительство Тратта за содействие, оказанное посольством.

— Конечно, — с тяжелым вздохом ответил Эбнер. — Я вас

провожу к нему.

Перед тем как выйти из комнаты, Одзаки подошел к Равенсбургу и молча потряс ему руку. Простившись с Богнером и Мертенсом, он пошел следом за Эбнером.

Проходя мимо стоявшего у двери Зорге, он сунул руки в карманы.

— До скорого свидания, Зорге-сан.

— В посольстве мне ничего не сообщили, — с отчаянием сказала Кийоми. — Никто не хотел даже говорить об этом. Все были очень холодны со мной. Если бы не Вилли, слуга Герберта, я бы ничего не узнала. И все же я должна знать, что будет с ним, Одзаки-сан.

Полковник движением руки остановил ее.

— Извините, Кийоми-сан, что я прервал вас. Но у меня есть кое-какие сведения.

На лице ее промелькнула надежда.

— Что вы узнали, Одзаки-сан? Полковник начал неторопливо, спокойно.

— О вчерашнем событии посол информировал по радио Берлин и просил указаний. У них сейчас полная растерянность и нет единого мнения.

— Единого мнения? — переспросила Кийоми. — О чем?

— Ну, о том виноват господин Равенсбург или нет. Большинство не верит этому, хотя не верить нельзя. Атташе по связям с полицией заявил: с психологической точки зрения возможность того, что Равенсбург сам положил пленку в свой сейф, исключается. Фихт и Натузиус головой ручаются за Равенсбурга. Только советник посольства, кажется, еще не знает, какую занять позицию. Его превосходительство Тратт, конечно, возмущен, что подозревают его друга Зорге. Во всяком случае, сейчас Равенсбургу запрещено выходить из своей комнаты. Предполагают…

Одзаки умышленно не договорил фразу. Он решил как можно сильнее разжечь у девушки чувство страха и тревоги за судьбу любимого. На это у полковника были определенные причины.

— Предполагают? Говорите же, пожалуйста, дальше!

— Предполагают, что господина Равенсбурга отправят в Германию. На одном из кораблей, через блокаду…

Девушка вздрогнула от ужаса.

— Но это же! Ведь многие из этих кораблей погибают! Как можно подвергать его такой опасности?

Одзаки сочувственно пожал плечами.

— Боюсь, Кийоми-сан, что ваши чувства к этому достойному немцу мешают вам с необходимой трезвостью оценить его положение. Ваша убежденность в невиновности Равенсбурга и моя уверенность в виновности Зорге еще ничего не доказывают и для других людей — пустой звук! То, что большинство коллег Равенсбурга считают его неспособным на предательство, тоже мало поможет. К сожалению, дело осложняется не только тем, что в его сейфе найдена пленки, но еще и другими обстоятельствами!

Кийоми испуганно посмотрела на полковника.

— Еще и другими обстоятельствами? Что вы имеете в виду?

— Хотя бы то, что он собирался оставить службу. Известно также о его сотрудничестве с частной фирмой. В данный момент все это выглядит не совсем хорошо. К тому же у него нет ничего, что могло бы его оправдать, доказать его непричастность к этому делу. Нет ни свидетеля, ни доказательств, которые говорили бы в его пользу. Нет и второго ключа к сейфу, о котором знали бы. Я хотел бы пощадить вас и утешить. Мне бы легче умолчать, насколько серьезно положение Герберта Равенсбурга. К сожалению, мой долг — сказать вам об этом. Вы моя сотрудница и должны знать правду.

Глазами, полными ужаса, она смотрела на своего начальника.

— Но в Германии. Я имею в виду, если он все же попадет туда, там-то должны ему поверить? У себя на родине он сможет доказать свою невиновность?

— В Германии, — с сожалением в голосе ответил Одзаки, — его положение будет еще хуже, чем здесь. Там у него не будет коллег, которые здесь выступают в его защиту. В Германии никто не знает, что мы считаем предателем Зорге. Как же будет Равенсбург защищаться? Одними заверениями в своей невиновности? — Полковник покачал головой. — Там очень жестоко обращаются с людьми, обвиняемыми в измене. Когда на фронте каждый день гибнут тысячи солдат, когда горят города и села, кто станет слушать человека, подозреваемого в предательстве? С такими людьми, как господин Равенсбург, сейчас в Германии расправляются очень быстро. И никаких иллюзий, Кийоми-сан, строить не следует. Хотим мы этого или не хотим, но в Германии Равенсбурга ждет один конец.

Одзаки ожидал, что девушка вскрикнет. Но она сидела безмолвно и немигающими глазами смотрела на сложенные на коленях руки.

— Для Равенсбурга есть только две возможности уцелеть, — продолжал полковник. — Первая: если корабль, на котором его отправят, в пути будет захвачен противником и Равенсбург

попадет в плен. Тогда он будет спасен от своих соотечественников и после войны станет снова свободным человеком. Есть еще одна возможность. Но пока не буду о ней говорить. Было бы неправильно вселять в вас эту надежду, Кийоми-сан!

— Какую надежду? — оживилась девушка. — Пожалуйста, Одзаки-сан, договорите, что вы хотели сказать!

Полковник, как бы раздумывая, говорить или нет, немного помедлил.

— Ну, хорошо. У Равенсбурга есть еще один шанс. Если мы разоблачим Зорге еще до того, как жертва будет вывезена отсюда. Боюсь только, что сделать это так быстро мы не сможем! Первый раунд Зорге выиграл. Кроме меня и еще немногих, все полагают, что агент врага, которого мы так долго разыскивали, уже схвачен и обезврежен. Теперь начнут выяснять, какие сведения были якобы выданы им противнику, станут выявлять несуществующих пособников бедного Равенсбурга. Все это будет только на руку подлинному врагу и даст ему возможность выиграть время. Теперь Зорге будет, конечно, вести себя чертовски осторожно. Кто предупрежден, тот вооружен! Зорге знает, что мы следим за каждым его шагом.

Напряженно думая, она искала хоть какой-нибудь выход из создавшегося положения.

— Арестуйте его подручных. Спасая свои головы, они что-нибудь да скажут! Пообещайте им свободу, и они будут говорить все, как на исповеди. Тогда у вас появятся доказательства. В этом нет сомнения! Почему вы до сих пор этого не сделали, Одзаки-сан?

Полковник решительно покачал головой.

— Вам следовало бы, Кийоми-сан, получше познакомиться с методами нашей работы. Если бы я сделал то, что вы сейчас предложили, я совершил бы величайшую ошибку. Каждый из подручных знает лишь то, что ему положено знать. Рядовые агенты никогда не бывают в курсе всех дел. Поэтому мы и не хотим из адской машины доктора Зорге вынимать отдельные колесики, наша задача — уничтожить эту машину…

Несмотря на страх за судьбу Равенсбурга, Кийоми должна была согласиться, что ее начальник прав.

— Но ведь Зорге знает, что продолжать свое дело он больше не сможет?

— Конечно, знает, — кивнул Одзаки. — Поэтому-то он и подложил Равенсбургу пленку. Ему необходима передышка. А теперь — я в этом не сомневаюсь — он попытается использовать ее, чтобы без каких-либо неприятностей покинуть нашу страну.

— Вы не должны этого допустить, Одзаки-сан! Не дайте ему уйти! Прикажите не спускать с него глаз ни днем, ни ночью!

Полковник невесело улыбнулся.

— Вы забываете, Кийоми-сан, что доктор Рихард Зорге — сотрудник иностранного посольства. Более того, посольства дружественной нам страны. Если этот господин захочет поехать в командировку или отправиться в путешествие, я не смогу ему помешать. Границы большинства нейтральных государств до сих пор для немцев открыты, особенно если они едут в эти страны с каким-нибудь официальным поручением. Зорге может уехать в Китай, в Сиами, уж конечно, в Северную и Южную Америку. Пока у нас не будет против него настоящих, неопровержимых доказательств, он в любое время может перебраться на любой другой континент. Меня удивляет, что он до сих пор не сделал этого.

Кийоми быстро подняла голову.

— Одзаки-сан, я уверена, что он что-то замышляет. Он подложил Герберту пленку, чтобы выиграть время для нового предательства. Иначе трудно понять, почему он до сих пор не ушел.

Начальник контрразведки одобрительно смотрел на нее и согласно кивал. Ему было на руку, что девушка сама пришла к этому выводу.

— Кийоми-сан, я всегда знал, что вы умеете логически рассуждать. Немногие женщины способны на это. Убежден, что вы правы.

Его комплимент не тронул Кийоми.

— Когда он попытается осуществить свои преступные планы, — продолжала Кийоми, — мы должны схватить его. Схватить за руку и получить нужные нам доказательства!

— Надеюсь на это, — проговорил полковник. — Моя последняя надежда. Я пустил в ход все средства и всех своих людей. Не только Зорге, но и все другие люди, с которыми он когда-либо общался, уже находятся под круглосуточным надзором. Только из-за него нами подслушиваются телефонные разговоры многих сотен абонентов. Десятки полицейских машин постоянно стоят наготове. Ведется круглосуточный контроль за радиопереговорами, работают все радиопеленгаторы. — Одзаки с минуту о чем-то подумал, затем продолжал: — Но вы знаете, Кийоми-сан, мы имеем дело с противником, который никогда не проявлял слабости. Зорге лишен тех типичных недостатков, которые так мешают многим.

— Какие же слабости вы имеете в виду?

— Ну, они всем известны. Первая — деньги, вторая —

алкоголь и третья — женщины! Одной из них достаточно, чтобы человек потерял голову. Но на доктора Зорге эти средства не действуют. Однако если попробовать.

Девушка задумалась.

— К сожалению, Одзаки-сан, вы правы. Этот человек презирает деньги, а вина, говорят, он может выпить страшно много, и никогда не теряет рассудок.

— Что же касается женщин, — повел Одзаки разговор ближе к цели, — то он сам господствует над ними и, если только захочет, может покорить любую. К сожалению, все бабы теряют волю и рассудок, лишь только увидят его. Возьмите, к примеру, хотя бы шведку. Мне говорили, что всех мужчин она от себя гонит. А Рихарду Зорге достаточно было поманить ее мизинцем — и она, безвольная, у его ног. Кстати, она одна из многих его помощниц! У меня, у мужчины, подобное отсутствие достоинства и чести просто не укладывается в голове.

— У меня, женщины, это тоже не укладывается, — импульсивно согласилась с ним Кийоми. — Мне этот человек стал сразу же противным, как только увидела его впервые. У него глаза дьявола!

— Если это так, — в раздумье проговорил Одзаки, — то вы, Кийоми-сан, первая женщина, у которой Зорге не добился признания.

— Я, конечно, не единственная, Одзаки-сан. Не надо так плохо думать о нас, женщинах!

Полковник позволил себе улыбнуться и, немного выждав, продолжал:

— Во всяком случае, Кийоми-сан, кроме вас, я не знаю ни одной женщины, которая могла бы устоять перед доктором Зорге. Только на вас не действуют дьявольские чары этого человека. В этом я действительно убежден.

Кийоми поняла, что на эту тему полковник так много говорит не без причины.

— Почему, Одзаки-сан, вы так усиленно это подчеркиваете? Может быть, на этом у вас построен какой-нибудь план?

Начальник контрразведки откинулся в кресле.

— Стойкость Зорге по отношению к женщинам, — проговорил он, подчеркивая каждое слово, — может стать его слабостью, если понравившаяся ему женщина впервые откажет.

Теперь Кийоми поняла, чего добивается полковник Одзаки. Сердце девушки учащенно забилось, лицо стало бледным.

Кийоми не видела, как полковник Одзаки нажал на столе одну из кнопок, подав условный сигнал в приемную. По этому сигналу один из сотрудников должен был по телефону доложить

своему начальнику ложную информацию, заранее подготовленную самим Одзаки.

В ту же минуту в кабинете полковника раздался телефонный звонок. Одзаки снял трубку и сделал вид, что с интересом слушает.

— Сообщают о Равенсбурге, — прошептал он девушке и протянул ей вторую трубку. — Можете послушать.

На другом конце провода говорил какой-то мужчина.

— Германское посольство, — услышала Кийоми, — получило из Берлина указания относительно Равенсбурга. Берлин обязывает посольство направить Равенсбурга в Германию на торговом судне «Гермес». В настоящее время «Гермес» стоит под погрузкой в порту Иокогама и, как полагают, снимется с якоря во вторник. Берлин дал указание во время плавания содержать Равенсбурга под арестом, в одиночной камере. В случае, если в пути «Гермес» будет торпедирован или захвачен противником, соответствующим лицам приказано принять все меры к тому, чтобы доктор Равенсбург не попал живым в руки врага.

— Все? — спросил Одзаки.

— Все, господин полковник.

— Спасибо.

Одзаки дал отбой и взял трубку у девушки.

Кийоми ничего не видела и не слышала. Ее лицо не выражало никакого волнения, только пальцы судорожно сжимали полу пальто. Одзаки, конечно, видел это и решительно пошел в атаку.

— Значит, мы должны, Кийоми-сан, схватить доктора Зорге до вторника. Если мне это не удастся, Равенсбург погиб. В этом нет никакого сомнения.

— Нет.

— Вы поможете одолеть Зорге, Кийоми-сан?

— Да.

Полковник Одзаки снова наклонился и скрестил руки на столе.

— Тогда я сделал правильно, что приказал арестовать Фуйико Нахара. Все равно ее документы были не в порядке.

— Кто такая Фуйико Нахара?

— Танцовщица. До сих пор она выступала только в Америке. У Фуйико Нахара японский паспорт, подлинность которого сейчас проверяется. Но она родилась там, за океаном, и в Японию приехала впервые. Так что здесь, в Токио, ее никто не знает. Сегодня вечером она впервые должна выступить в ресторане «Старый Гейдельберг». Сегодняшнее ее выступление Нагао-сан широко разрекламировал и пригласил на это событие всех завсегдатаев своего заведения.

— Но ведь она же арестована! Одзаки хитро улыбнулся.

— Вместо Фуйико Нахара выступите вы, Кийоми-сан. Вы возьмете на себя роль этой девицы. Как раз в «Старом Гейдельберге» Зорге заказал на сегодняшний вечер отдельный столик.

Она послушно кивнула.

— Я, конечно, сделаю все, что вам будет угодно, Одзаки-сан.

— Вы видите, Кийоми-сан, я требую от вас очень много.

— Нет, не слишком много, Одзаки-сан. Напротив, я очень рада, что смогу наконец что-то сделать для Герберта.

Полковник Одзаки слегка приподнял брови.

— Услуга, которую вы окажете отечеству, если поможете освободить Японию от этого человека, будет неоценимой.

Он медленно поднялся со стула. Голос его звучал торжественно и напыщенно.

— Вы носите гордое имя, Кийоми-сан. Наша история знает многих мужчин старинного рода Номура, с мечом в руках защищавших Японию от врагов. Пополните же список славных имен этих мужчин своим именем, победив оружием женщины самого опасного врага, которого когда-либо знала наша страна.

Баронесса Номура не была бы японкой, если бы серьезность, с которой говорил Одзаки, не тронула ее.

Она тоже встала и низко поклонилась. Но не своему начальнику, а портрету императора.

Доктор Зорге собирался уже выехать на своем автомобиле из сарая, служившего — ему гаражом, когда перед воротами дома остановилось такси и из него вышла Биргит.

— А я как раз решил ехать за тобой, — с улыбкой встретил ее Зорге. — Сегодня вечером в «Старом Гейдельберге» состоится так называемое «открытие сезона».

— Вот поэтому-то я и приехала сюда, чтобы посоветоваться с тобой. Не знаю, как мне поступить с Танакой.

Зорге сразу стал серьезным.

— Как, ты его сегодня видела?

— Нет, но должна его сегодня увидеть. С полчаса назад он позвонил мне и предложил посмотреть выставку японских кимоно. Она открылась сегодня в гостинице Киусу. Ты же знаешь, он живет там совсем рядом. Он выразил надежду, что потом я поужинаю с ним. Как ты считаешь, нужно мне идти к нему?

Ее глаза просили сказать «нет».

— Да, нужно.

Он взял ее за руку и повел в темноту запущенного сада.

— Слушай, Биргит. Внимательно слушай! Этот вечер может быть решающим в нашей жизни.

Сейчас Зорге был настолько возбужден, что его волнение передалось и ей. Она почувствовала: ее встреча с Танакой необходима.

— Скажи, Рихард, случилось что-нибудь серьезное?

— Да, маленькая. Если сегодня вечером у тебя будет все в порядке, мы сможем наконец уйти. Может быть, даже сегодня.

В полутьме она попыталась заглянуть ему в лицо.

— Рихард, ты серьезно говоришь? Мы действительно сможем уйти? Уже сегодня?

— Да, дорогая, если у тебя сегодня все получится, мы сможем уйти. Вера вернулась из Шанхая, катер стоит наготове в Эносиме. За трехмильной зоной ждет торговое судно. Бранкович и Козловский предупреждены, что я тоже буду уходить. Сейчас они сидят у Бранко на квартире и ждут сигнала. Иноэ и Ямагути тоже готовы. Сейчас, Биргит, все зависит только от тебя! Если сегодня все будет в порядке, завтра утром мы уже будем далеко. Сегодня вечером Танака будет знать то, что меня так интересует.

— Тогда я сделаю все, чтобы узнать это.

— Только осторожно! Здесь помимо желания нужны еще случай и счастье! Случай… Это у нас уже есть. Невероятный случай! Ты подумай только! Надо же так случиться, что именно сегодня главный морской штаб принимает окончательное решение! И как раз в то время, когда премьер-министр уехал на Идзу просить у своих богов ниспослания мудрости. Значит, о решении морского штаба проинформируют нашего доброго Танаку. Завтра рано утром он поедет к принцу, чтобы доложить ему, где и когда японский ястреб обрушится на американского орла.

— Это решение уже принято?

— Пока нет. Заседание еще продолжается, но скоро должно окончиться. Увидишь, Биргит, Танака не пойдет смотреть кимоно, пока не получит этого сообщения. Мне кажется, его принесет Танаке офицер морского штаба. Остальное — твое дело, и, надо сказать, нелегкое. Танака знает, что это такое. Государственная тайна номер один. Рассказывать тебе об этом он, конечно, не будет.

Они долго стояли молча, и каждый думал о своем и в то же время об общем деле. Первым молчание прервал Зорге:

— Тем более мне придется пойти в этот кабак. Придется слушать завывания новой куклы. «Старый Гейдельберг» — самое удобное место, где под носом у ищеек Одзаки я могу совершенно незаметно принять любую информацию. На папиросной бумаге, — объяснял ей Зорге, — напишешь записку и завернешь ее в десяти иеновую купюру. Чтобы записка не выпала, надо

уголки купюры слегка смазать клеем. Там, на мосту Хидейохи, у второго столба, будет сидеть нищий. Положи банкноту ему в шляпу и иди дальше. Старая шляпа этого нищего, — засмеялся Зорге, — один из моих почтовых ящиков. За судьбу записки можешь не волноваться. Этот человек знает тебя в лицо, и ему точно известно, что делать дальше. Через полчаса записка попадет точно тому, кому она адресована. Мне передадут ее так, что никто не заметит, хотя в «Гейдельберге» сегодня наверняка будет полно народу. — Голос Рихарда сделался серьезным. — Если в этой записке будет написано то, чего мы ждем, мы обязательно должны передать эту информацию кому следует.

— Но сможешь ли ты это сделать? Ведь за тобой теперь следят со всех сторон!

Зорге, казалось, и не думал об этом.

— Не волнуйся. Все будет в порядке. Ты знаешь пятиэтажный дом на улице Такасаки? Знаешь? Ну вот. Ключ от входной двери этого дома у меня в кармане. Как только войду в вестибюль, дверь за мной сразу же захлопнется и я побегу вверх по лестнице. На каждом этаже двенадцать квартир, а у каждой квартиры есть почтовый ящик. Итого шестьдесят ящиков. Пусть-ка бедные сыщики найдут, в какой ящик я бросил записку. Пока они будут открывать внизу дверь, я успею спуститься в вестибюль, чтобы пожелать хорошим господам доброго вечера. Что касается дальнейшего пути информации, то пусть заботится об этом мистер Блэнд. Нас это не касается. Уже несколько дней люди Блэнда ждут, пока в один из шестидесяти ящиков будет брошена записка. И они будут ждать еще многие недели, если ничего не получат сегодня.

— А мы? Где мы встретимся, Рихард?

— Как только передашь записку нищему, поезжай сразу же на квартиру к Бранковичу и скажи им: пусть перебираются на катер. Я приеду.

Войдя с некоторым опозданием в зал «Старого Гейдельберга», Рихард Зорге увидел, что веселье уже в разгаре.

— Надеюсь, мой столик еще свободен? — обратился он к сияющему от счастья хозяину.

Японец глубоко вздохнул и низко поклонился.

— Как можно сомневаться, Зорге-сан? — с притворной обидой в голосе проговорил хозяин и заискивающе добавил: — Ваш столик мы всегда держим свободным.

Идя впереди и освобождая для почетного гостя проход в толпе танцующих, хозяин провел его через весь зал к эстраде. Здесь, почти у самого помоста, стоял никем не занятый столик Рихарда Зорге.

— Скажу вам по секрету, Зорге-сан. Высший класс! — почти шепотом сообщил японец и вытянул губы трубочкой так, как это обычно делают знатоки, рекомендуя особый сорт вина.

— Что «высший класс»?

— Новая девушка — высший класс, Зорге-сан! Это что-то особенное, только на днях импортирована из Америки. К себе никого не подпускает. А как выглядит! — Он закатил глаза и поднял их к сизому от дыма потолку. — Вы поразитесь, Зорге-сан! Такой у нас еще никогда не было. Чистокровная японка, родилась в Штатах, в Японии впервые.

«Неплохо! Для будущей работы может пригодиться. Попробую познакомиться», — подумал Зорге, но вслух проговорил:

— Посмотрим, Нагао-сан. А пока принесите мне шампанского.

Таким редким заказом — бутылка шампанского! — хозяин «Старого Гейдельберга» был обрадован не меньше, чем присутствием этого важного гостя. Прежде чем уйти, он еще раз нагнулся и доверительно шепнул:

— Подобраться к Фуйико не так-то легко, Зорге-сан. Вчера одного поцарапала.

Зорге засмеялся и глазами стал искать в зале знакомых. Те только и ждали его взгляда. Широким жестом он пригласил всех к своему столу. Знакомых было так много, что на столе едва хватало места для бокалов, которые Зорге приказал подать. Таким веселым и добрым, каким был Зорге в этот вечер, его давно не видели. Да и такого множества бутылок шампанского также.

В этот вечер за столом Зорге собрались не только завсегдатаи «Старого Гейдельберга». Разделить с ним компанию сочли за честь и люди, которые познакомились с этим на редкость общительным человеком при других обстоятельствах. Здесь было несколько иностранных журналистов, с которыми он часто встречался на различных пресс-конференциях. К столу подошли два атташе иностранных посольств и даже несколько почтенных господ — членов «Немецкого клуба».

Затянувшаяся война в Китае, потребовавшая от японского народа так много жертв, дала «идеологической полиции» желаемый повод прикрыть места встреч либерально настроенной интеллигенции. Все танцевальные клубы, большинство кабаре и другие увеселительные заведения были закрыты. Ресторан Нагао оставался единственным, до которого руки полиции еще не дотянулись.

— Ого! Вот так встреча! — шутил Зорге. — Даже солидные господа постепенно опускаются до моего уровня. Значит,

серьезная жизнь нравится не всем?

Возражать против этого никто не стал.

— Человек должен иногда развлекаться, — заметил Ханнес Беккер из немецкого Бюро путешествий, мужчина лет пятидесяти.

Зорге посмотрел вокруг.

— А где же ваша уважаемая супруга?

— Сегодня в «Немецком клубе» вечер национал-социалистского женского общества, — ответил за Беккера секретарь консульства Буш, — поэтому наши дамы, к сожалению, приехать не смогли.

Все смеялись над тем, что благодаря этому женскому вечеру мужчинам удалось незаметно выбраться из-под опеки своих добропорядочных супруг и провести несколько приятных часов по своему усмотрению.

Музыкант сыграл туш, и разговоры за столиками оборвались. Нагао торжественно представил гостям новую танцовщицу, назвав мисс Фуйико Нахара из Сан-Франциско «восьмым чудом света».

Кийоми вышла на эстраду в китайском национальном наряде из черного шелка, без каких-либо украшений и узоров. Эта одежда, закрывавшая танцовщицу от шеи до пят, подчеркивала все линии женского тела намного эффектнее, чем любой, даже самый «экономный» костюм на европейской сцене.

Выбирая платье для выступления, Кийоми без долгих колебаний остановила свой выбор на этом одеянии. Чувство стыда не мучило девушку — она знала: цель оправдывает средства! Ну и, кроме того, она была все же женщиной. А естественное желание понравиться представителям другого пола было далеко не чуждо и такой девушке, как баронесса Номура.

Свою роль она тщательно выучила и вела себя так, как рекомендовал полковник Одзаки. Стоя на эстраде почти неподвижно, она слабым, но приятным голосом спела две-три коротенькие песенки, которые были бы вполне уместны даже в самом строгом пансионе.

— Ну а теперь, девочка, что-нибудь повеселее, — попросил Мендес, испанский журналист. — Наш великий коллега не совсем доволен.

Зорге снисходительно улыбнулся.

— Ошибаетесь, дорогой! В этой девушке кроется больше, чем она показывает.

Танцовщица с улыбкой поблагодарила за аплодисменты, которыми гости «Старого Гейдельберга» наградили ее. Затем, после короткого перерыва, она исполнила несколько пародий на некоторых зарубежных кинозвезд. Начав с Греты Гарбо и Вивьен

Ли, постепенно перешла к пародиям на представительниц легкого жанра. Песенки были весьма смелыми и сопровождались соответствующими жестами. Особого смущения Кийоми не испытывала: ведь она изображала других.

Реакция зрителей была бурной. Большинство мужчин поднялись со своих мест, и, протиснувшись меж столов к эстраде, наградили Кийоми аплодисментами. Даже за столом почетного гостя все забыли про свои только что наполненные бокалы.

— Ну, что я вам говорил! — торжествовал Зорге. — Теперь-то уж она покажет, на что способна!

Танцовщица была от него совсем рядом, и они часто встречались глазами.

Незадолго до последнего перерыва, пародируя Роджерс, танцовщица пронеслась мимо Зорге так близко, что краем платья коснулась его руки.

— Женщина с зарядом в тысячу вольт! — иронически воскликнул Зорге.

— Вы совершенно правы, Зорге, — подтвердил Брунер, сотрудник швейцарской миссии. — Мне эта Фуйико тоже нравится.

— Но это не для вас, любезнейший, — не совсем вежливо ответил ему Зорге. — Эта девица — высокого напряжения. Вы же знаете, что в таких случаях всегда висит табличка «Осторожно! Опасно для жизни!»

Когда аккомпаниатор оборвал музыку и Кийоми резко остановила свой танец прямо перед Зорге, он поднялся и на глазах всех присутствующих обнял ее за талию.

— Иди сюда, детка, садись ко мне. Она хотела вывернуться, но Зорге удержал ее.

— Спокойно, Фуйико. Тебе будет неплохо за моим столом.

Танцовщица замахнулась, чтобы ударить его, но Зорге ловко увернулся, и ее рука лишь слегка задела прическу. Хотя удар едва коснулся его, все же прическа была сбита. И это видели все, даже те, кто сидел в самом дальнем углу зала. Кое-где уже начали посмеиваться. Сначала засмеялись те, кто хорошо знал Зорге и сейчас радовался его поражению. Но потом засмеялись другие, и наконец весь «Гейдельберг» затрясся от раскатов злорадного хохота. Мужской нимб великого Зорге утонул в море громкого смеха. Даже друзья не пощадили его и донимали язвительными словами.

— Покоритель женских сердец, — ехидничал Фанта, — и позволил, чтобы какая-то девка закатила ему пощечину. Хорошенький материальчик для бульварной газетки!

— Послушайте, Зорге, если об этом все узнают, на вас

перестанет смотреть даже плюгавая мелюзга!

— Этого следовало ожидать, мой дорогой. Вы слишком зарвались…

В первый момент Зорге сам был настолько ошеломлен, что не мог даже понять, что же, собственно, произошло. Это секундное замешательство лишило его возможности правильно отреагировать на случившееся и, пока было время, нейтрализовать вспыхнувшие насмешки какой-нибудь остроумной шуткой.

— Да, наш Казанова оказался плоским, как камбала, — бросил кто-то очередную колкость.

Но еще злобнее был Беккер.

— На этот раз, — злорадно проговорил он, — будет гордиться кто-то другой. Тот, кто сегодня ночью будет держать в своих объятиях Фуйико, сможет с гордостью о себе сказать, что на женском фронте он первым одержал победу над доктором Зорге.

С этими словами Беккера наружу прорвалось самое неподдельное чувство — злорадство. Теперь стало очевидным, насколько зыбка была та популярность, та любовь к доктору Зорге, которую он до этого вечера принимал за чистую монету. Сейчас отовсюду выползала мерзкая зависть, открыто показывая свое черное лицо.

Но эта растерянность доктора Зорге, обычно ни в какой обстановке не терявшего присутствия духа, длилась не долее одной-двух секунд. Придя в себя и почувствовав, как молниеносно изменилась вокруг него обстановка, он быстро понял, что произошло. Тяжелым кулаком он ударил по столу так, что со звоном подпрыгнули стаканы.

***

Танака уже ожидал Биргит. Он стоял в холле и приветливо улыбался.

В этот вечер девушка была особенно взволнованна и от этого казалась еще более прекрасной. Важность ее сегодняшнего задания и сомнения — сумеет ли она найти возможность выполнить его — заставляли кровь пульсировать быстрее. Голубые вены на висках вздулись, дыхание стало прерывистым и частым.

Танака помог ей снять шубку и загоревшимися глазами посмотрел на глубокий вырез платья. Трепет ее груди Танака понял по-своему: девушка слишком торопилась к нему на свидание.

Одетый в плотно облегающий смокинг, сшитый у лучшего портного Токио, Танака стоял — как обычно в япон-

ских домах — в одних носках, и это невыгодно подчеркивало его несколько излишнюю полноту. Впрочем, самого Танаку это обстоятельство беспокоило меньше всего — хотя бы потому, что женщины Дальнего Востока предпочитают полных мужчин.

— Я думаю, дорогой друг, мы сразу же пойдем на выставку?

— К сожалению, мне только что звонили, — извинительным тоном проговорил Танака, — и сообщили, что ко мне выехал курьер. Я обязан дождаться его… Это займет всего несколько минут… Прошу понять меня, дорогая.

Биргит согласно кивнула и, сбросив туфельки, прошла за гостеприимным японцем в гостиную. Для европейских гостей в ней были стол, софа и кресла.

— Разумеется, дорогой друг, ваши служебные дела должны быть на первом месте. Я буду ждать курьера так же терпеливо, как и вы…

Японец благодарно склонился к ее руке, но не поцеловал. Он притянул девушку к себе и нежно обнял. Как всегда, его нежность, сначала сдержанная, быстро перешла в пылкую страсть, о которой женщины, плохо его знавшие, даже и не подозревали.

Из сада донесся шум подъехавшего автомобиля, и Танака с нескрываемым сожалением сказал:

— Вот и курьер!

Он оставил девушку и поспешил к выходу.

Доставая из театральной сумочки зеркальце, губную помаду и пудру, Биргит отчетливо слышала стук военных сапог по

деревянному полу холла. По разговору, доносившемуся оттуда, она поняла, что пришел офицер, которого с таким нетерпением ждал хозяин дома.

Вскоре Танака вернулся и, не взглянув на Биргит, подошел к ярко горевшей лампе.

Он сорвал с пакета печать и вынул небольшой листок. По тому, как быстро Танака пробежал глазами записку, она сделала вывод, что текст очень короткий.

Прочитать записку на таком расстоянии Биргит все равно не могла, поэтому она отвернулась и, сосредоточенно глядя в зеркало, начала подкрашивать губы. Ее судьба и судьба Рихарда сейчас зависели от того, удастся ли ей узнать, что написано на том листочке, который так тщательно изучает хозяин дома.

Закончив чтение, Танака сложил записку и сунул обратно в конверт.

Биргит, сидевшая к нему спиной, наблюдала в зеркало

за каждым его движением. Она видела, как он достал из кармана связку ключей и направился к висевшей картине, за которой, как и предполагала девушка, находился сейф.

— Боже мой, Танака-сан! — притворно-обиженным тоном проговорила Биргит. — Что вы сделали с моей прической!

Танака опустил ключ обратно в карман и повернулся к ней.

— К счастью, дорогая, вам очень идет этот выбившийся локон.

— Не потому ли, что именно вы виновник этого беспорядка? — лукаво улыбнулась Биргит. — Я потратила сегодня так много времени на прическу… Но мне кажется, вы чем-то немного расстроены? Может, поэтому вы и забыли обо мне?

Ее справедливый упрек смутил Танаку. Он положил конверт в карман и быстро подошел к девушке, надеясь нежностью и вниманием искупить свою вину.

Однако Биргит кокетливым движением руки остановила его.

— Нет-нет, мой друг… Сначала вы должны выполнить одну мою просьбу.

— С удовольствием! Скажите только какую. Она посмотрела на него.

— Не догадываетесь?

Ее критический взгляд, скользнувший по нему сверху вниз, смутил японца.

— Нет… не догадываюсь.

— Ну тогда я вам скажу, мой друг… Вы мне больше нравитесь в японском костюме. В хаори вы выглядите эффектнее.

Танака был восхищен: уж если она подала ему такой совет, то, значит, ей действительно небезразлично, как он выглядит. А это доказывает, что он нравится. Желая доставить ей удовольствие, он быстро направился в соседнюю комнату, отгороженную от гостиной лишь парчовой портьерой, чтобы переодеться.

— В конце концов, мы идем на японскую выставку, — продолжала Биргит. — Поэтому хотя бы один из нас должен быть одет по-японски. Кроме того… я хотела бы, чтобы люди, которые увидят нас, немного позавидовали мне.

— Не верю, — ответил он из соседней комнаты, — что такой красивой девушке нужен мужчина, чтобы вы-

звать чью-то зависть. Особенно такой мужчина, как я… Я далеко не Аполлон…

Она подошла к портьере, которую он второпях задернул лишь наполовину.

— Обидно, когда мужчины понимают женщин неправильно, — сказала она через портьеру. — Неужели вы думаете, что мне может понравиться мужчина только потому, что у него красивое лицо, широкие плечи и рост метр восемьдесят? Чепуха! Надеюсь, вы, человек интеллигентный, так не думаете?

Танака, который уже снял смокинг и бросил его на стоявшее около портьеры кресло, поспешил ее заверить, что о ней у него никогда не сложится такое же мнение, как о других женщинах.

Она заглянула к нему в комнату и, сделав вид, что эта тема ее очень занимает, продолжала:

— Как правило, дорогой, интеллигентные женщины предпочитают общество умных мужчин. Мужчина, обладающий умом и силой воли, завоюет сердце любой женщины. И наоборот, даже на короля красоты женщина не обратит серьезного внимания, если он глуп и не имеет положения в обществе.

Хотя ее слова доставляли Танаке большое удовольствие, все же он не рискнул показаться ей в эластичном поясе, стягивающем его выпиравшее брюшко. Подумав про себя, что неплохо быть и красивым, и умным, Танака, подхватив свою японскую одежду, счел за благо ретироваться в ванную.

— Вы, пожалуй, правы, — говорил он из ванной, дверь которой осталась полуоткрытой. — Этим, видимо, можно объяснить, почему даже очень красивые женщины часто связывают свою судьбу с безобразными мужчинами.

— Разумеется, — согласилась она и быстро подошла к креслу, на котором лежал его смокинг. — Могут быть, конечно, и другие причины, но это уже не те, о которых следует говорить.

Например, иные женщины не замечают безобразия или даже уродства мужчины потому, что слишком ослеплены его деньгами!

Она слышала, как Танака сбросил одежду, и решила, что наступил момент, когда удобнее всего вынуть из внутреннего кармана смокинга желанную бумажку.

— Я согласен с вами, моя умница, — доносился из ванной его голос, — но, к счастью, это бывает не всегда так. Вы знаете профессора Мацумото? Он в академии истории искусств…

Сначала она попала не в тот карман, но затем нашла нужный. Вот наконец документ, от которого зависит жизнь Рихарда и ее.

— Да… Вы имеете в виду знаменитого историка? Она вынула конверт и прижала к груди.

— Да… — подтвердил Танака. — Он действительно очень видный ученый. Возможно, даже самый крупный специалист в области исследования древнего искусства.

Биргит держала конверт в руках; теперь оставалось вынуть из него листок.

— Каков у него доход, вы, видимо, знаете. Его едва хватает на жизнь, а большего заработать этот человек не может.

Она достала записку и быстро прочитала ее. На листке было всего две строчки.

— Если бы вы знали, как он уродлив, этот Мацумото!… Он похож на мокрую ворону. — Танака, довольный своим метким сравнением, громко засмеялся.

Биргит перечитала записку еще раз. — И все же он женился на самой красивой девушке.

Японии, — продолжал Танака. — Без преувеличения, если бы она захотела, то могла бы выйти замуж за любого принца.

Теперь нужно как следует запомнить содержание записки. Главное — не перепутать дату и время!

— Значит, это была настоящая любовь, — заключил Танака, входя. — Но что с вами, дорогая? Почему вы вдруг отвернулись? Посмотрите же на меня!

Записка была в руке! Биргит судорожно сунула ее I в вырез платья. К счастью, японец ничего не заметил. ' Опустить сразу же руку она не могла: такое движение I показалось бы ему подозрительным. Поэтому она сделала! вид, что поправляет платье.

— Ну, теперь вы довольны мной, милая Биргит?

Она внимательно осмотрела его. Танака был одет с большим вкусом.

— Да… Вы выглядите великолепно, мой друг! — восторженно проговорила она. — Теперь все женщины будут на вас оглядываться. И все же я бы посоветовала… Но… впрочем, это не

так важно…

— О нет!.. Важно, очень важно… Скажите, что мне еще сделать?

— Мне кажется, следовало бы немного изменить прическу. Может, не нужно зачесывать волосы так прямо…

216

217

Если уложить их чуть-чуть в сторону, вы выглядели бы значительно моложе.

Серьезность, с которой она отнеслась к его внешности, польстила Танаке.

— Конечно… Если вы так думаете, дорогая… Я сейчас же сделаю так, как вы советуете.

Он вернулся в ванную. Биргит слышала, как Танака взял расческу и щетку…

«Не сдали бы нервы… сейчас… в последний момент!» — со страхом подумала Биргит. Руки ее дрожали так сильно, что едва держали конверт и записку. Она стиснула зубы и усилием воли заставила себя успокоиться. Еще раз взглянув на записку, Биргит вложила ее в конверт и сунула его в карман смокинга. Когда Танака вернулся в гостиную, она, полностью успокоившись, встретила его приветливой улыбкой.

— Ну, как вы находите меня? — спросил сияющий Танака. — Теперь я вам нравлюсь?

Сев на ручку кресла, она окинула его оценивающим взглядом и, одобрительно кивнув, сказала:

— Вы великолепны, Сабуро! Но пойдемте же наконец!

— Мы пойдем. Но не раньше, чем я поблагодарю вас за добрые советы.

Он хотел снова ее обнять, но она увернулась.

— Прошу вас, дорогой, не надо…

— Вы правы, но позвольте мне поцеловать хотя бы край вашего платья?

Он нагнулся и поцеловал ее платье.

— Какие тонкие у вас духи, дорогая Биргит. Парижские?

— О нет. В Париже сейчас немцы, и оттуда духи давно уже не привозят в Японию. Эти из Индокитая.

— Как они называются?

— «Мей-Линг».

— «Мей-Линг»… Какое замечательное название! Я этот запах никогда не забуду.

— Сабуро!.. Мы пойдем на выставку или нет?

— Конечно, дорогая… Обязательно пойдем. Сейчас только… — Он достал из смокинга конверт, открыл небольшой

сейф, искусно замаскированный за большой картиной, и, спрятав в него конверт, тщательно закрыл. — Вот так… Ну а теперь пойдемте.

Танака вежливо пропустил Биргит вперед, помог надеть шубку и, взяв девушку под руку, повел по темному парку. Через едва заметную в зелени калитку они прошли

прямо в сад отеля Киусу, где была устроена выставка кимоно.

Их появление в вестибюле отеля произвело сенсацию. Танака, человек влиятельный, был хорошо известен в высших кругах Токио, красавицу шведку большинство видело впервые.

Выставка в отеле Киусу была чисто японским мероприятием. Все без исключения дамы и почти все мужчины, собравшиеся в большом зале, были одеты в старинные национальные костюмы.

— Вы были правы, дорогая, — отметил при входе Танака, — мой смокинг был бы здесь совсем некстати.

Они сели за столик, который предусмотрительный Танака заказал заранее.

Вполголоса Танака называл имена собравшейся здесь знати. Биргит сначала подумала, что она единственная европейская женщина, но через несколько минут увидела среди японок супругу министра иностранных дел, чистокровную немку. Та тоже была в кимоно.

— Кроме госпожи Гото здесь немало и других японок европейского происхождения, — пояснял Танака. — Видите даму, которая сидит слева от колонны? Это графиня Мийаки, француженка… Перед нами — госпожа Окада. Она родом из Голландии. У нас не считается необычным, если японец — выходец из высших сословий — привозит себе жену из Европы.

Биргит рассматривала этих дам с некоторым любопытством. Ей показалось, что они производят впечатление людей, хорошо прижившихся на новой родине.

— Мне думается, правительство неодобрительно относится к подобным смешанным бракам.

— Да, это так… Но лишь отчасти и не всегда, — с иронической улыбкой согласился Танака. — В наших кругах европейско-японский брак никого не шокирует. Ведь мы выбираем лучших женщин!

Даже из этого намека она не поняла, какую цель преследовал Танака, появившись с ней в этом обществе, и почему придавал этому такое большое значение. Она не знала, что даже министр иностранных дел перед помолвкой приводил сюда свою будущую жену и что граф Мийаки, приехав со своей невестой из Парижа, впервые появился с ней на такой же выставке. Не могла она знать

и того, что Танака пришел сюда с намерением представить ее японскому обществу как свою будущую жену.

Как на любой элегантной выставке в Европе, здесь

также выходили на помост манекенщицы и, манерно поворачиваясь во все стороны, демонстрировали новые фасоны кимоно, сделанных из самых дорогих тканей, расшитой золотом парчи, расписанного вручную шелка, индийского муслина. Перед глазами мелькал мир красоты и живых традиций древнего народа. Проходили манекенщицы в кимоно для любого возраста и для любого случая: для маленьких девочек и старушек, для невест и замужних, для матерей, гуляющих с мальчиком, и матерей, гуляющих с девочкой, для бабушек и вдов.

В перерыве Биргит взяла сумочку и, извинившись, вышла в туалет. Там в выложенной белым кафелем кабине она вырвала из блокнота листок и написала на нем то, что так интересовало Зорге. Тщательно сложив листок, она обернула его десятииеновой купюрой, уголки которой были смазаны клеем еще дома.

В зал она вернулась расстроенная и мрачная. Это сразу же заметил Танака.

— Что с вами, Биргит?

— Дорогой друг, мне бесконечно жаль… Но вы должны меня простить. Разрешите мне, пожалуйста, пойти домой… Чтобы не испортить вам вечер, я пыталась держаться… Но больше не могу. Если я сейчас же не лягу, то определенно заболею. У меня, видимо, начинается грипп.

Танака был слишком вежлив, чтобы возражать. Он тут же встал и покорно пошел за ней к выходу.

— Вы представить себе не можете, дорогая, как мне жаль, что вы уходите. Но у вас действительно больной вид… В глазах лихорадочный блеск, и руки слишком горячие! — с тревогой в голосе проговорил опечаленный Танака. — Но впереди у нас еще не один вечер…

— Я обещаю вам это, дорогой. Хотя бы потому, что сейчас вы меня правильно поняли. Позвоните мне завтра, и мы проведем вместе целый день.

— Надеюсь, этот день будет очень долгим.

— Во всяком случае, он продлится до следующего Дня, — пообещала Биргит и оглянулась: не следит ли кто за ней?

С минуту они постояли молча, затем он подозвал свободное такси. Танака, конечно, хотел бы проводить ее до дому, но она решительно запротестовала.

— Нет-нет, дорогой! Вам надо остаться. Все эти любопытные женщины, — она кивнула в сторону зала, — захотят узнать, с кем

вы сегодня были.

220

— И я им с гордостью отвечу, — прошептал ей на ухо Танака, — кем вы скоро будете, моя дорогая!

Она была слишком возбуждена и не поняла смысла его последних слов. Биргит лишь приветливо махнула и велела шоферу ехать. За воротами сада она назвала шоферу адрес дома, расположенного у моста Хидейохи. Там она расплатилась с шофером и пешком пошла через мост.

У второго столба с правой стороны сидел нищий и держал на коленях старую шляпу. По описанию Зорге она его сразу узнала. Увидев девушку, нищий вздрогнул, но убедившись, что за ними никто не наблюдает, с безразличным видом отвернулся в сторону.

Десятииеновую бумажку с заклеенной в нее запиской Биргит держала наготове и, когда проходила мимо нищего, небрежно бросила ее в шляпу. Все выглядело так естественно, что две женщины, проходившие рядом, не обратили на это никакого внимания.

Перейдя на другую сторону реки, она опять взяла такси и поехала в Иокогаму. Биргит не заметила, что машина, следовавшая за ней, быстро развернулась и, не обращая внимания на красный сигнал светофора, помчалась в обратном направлении.

***

В то время, когда Рихард Зорге входил в комнату танцовщицы Фуйико Нахара, а Биргит Лундквист поднималась по лестнице к Бранковичу, перед домом Танаки, скрипнув тормозами, резко остановилась машина полковника Одзаки.

— Достопочтенный Танака-сан ушел в отель Киусу, — извиняясь за своего хозяина, ответил выбежавший слуга.

— Беги в отель и скажи, — приказал полковник, — что его просят срочно вернуться домой. Передай: очень важное дело!

Властный тон офицера не допускал никаких возражений, и слуга, шлепая сандалиями по асфальту, побежал в отель.

Вскоре из темноты парка появился Танака.

— Надеюсь, господин полковник, — после приветствия начал Танака, — повод, заставивший вас приехать в столь поздний час, не очень серьезен?

— Очень серьезен! — коротко бросил Одзаки. — Иначе зачем бы я приехал к вам так поздно.

Хотя не совсем вежливое начало разговора ему не

221

понравилось, Танака пригласил гостя пройти в дом. Од-заки был настолько возбужден, что даже забыл снять обувь. Не

обращая внимания на неодобрительные взгляды хозяина дома, Одзаки в тяжелых военных сапогах шагал по дорогим коврам.

— Меня только что информировали, Танака-сан, — без обиняков начал полковник, когда они вошли в гостиную, — что Биргит Лундквист опять была у вас сегодня вечером, точнее, с восьми часов пяти минут до восьми часов тридцати семи минут!

Танака едва сдержал свое возмущение.

— Вы информированы, господин полковник, совершенно точно. Но не кажется ли вам, что, вмешиваясь в мою личную жизнь, вы слишком…

Одзаки бесцеремонно прервал его.

— Я очень сожалею, Танака-сан, но речь идет о деле, важность которого вынуждает меня не обращать внимания на это. — Он бросил фуражку на стол и холодно посмотрел на хозяина дома. — К сожалению, я должен вам открыть, Танака-сан, что эта девушка подозревается — и у нас есть серьезнейшие причины для этого — в том, что она является агентом вражеского государства! Биргит Лундквист, поддерживающая с вами связь, преследует определенные цели!..

Пораженный Танака в ужасе отпрянул назад.

— Этого не может быть! Чистейшая ложь! Господин полковник, это подозрение… Я хотел сказать, эта ошибка настолько чудовищна, что я…

— Настолько чудовищна, что потрясла вас. Ваше потрясение, Танака-сан, вполне понятно. Видимо, вас следовало бы предупредить об этом раньше. Но пока мы не были в этом твердо убеждены, мы не хотели вас травмировать. Боюсь, что, поступив так, мы сделали ошибку. Однако это еще не самое страшное. Самое страшное впереди!

— Самое страшное? Что… что это значит?

— Даже не самое страшное, а страшнейшее! — жестко проговорил Одзаки, глядя хозяину дома в глаза. — Как у вас хранится пакет, Танака-сан, который вам в восемь часов пятнадцать минут под расписку передал курьер из главного морского штаба?

Доверенному премьер-министра это показалось слишком оскорбительным.

— И вы смеете, полковник, думать, — не сдержав гнева, вскричал Танака, — вы смеете думать, что госпожа

Лундкнист могла посягнуть на государственную тайну?! Дй «иигге ли вы, кем она будет в недалеком будущем?

Вероятнее всего, государственной преступницей, Та-Нйкй сан! Я абсолютно убежден, что она пришла к вам с шдиинсм

похитить именно этот документ… Не могли бы иы показать мне его?

'Гамака окончательно потерял самообладание.

— Ваше требование, полковник — неслыханная наглость! Ваше недоверие оскорбляет не только меня, но и господина премьер-министра! — крикнул он. — Принц Йоси-томо будет крайне возмущен вашими действиями! Никто, ш том числе и вы, Одзаки, в этом доме не имеет права…

— Я имею право! — грубо прервал его полковник и, рывком вынув из кармана документ, поднес его к самым

глазам Танаки.

Тот сразу же согнулся в глубоком поклоне.

Полковник Одзаки был наделен императором чрезвычайными полномочиями, и каждый гражданин Страны восходящего солнца, какое бы высокое положение он ни занимал, обязан был беспрекословно повиноваться ему.

— Теперь будьте так любезны, покажите мне, пожалуйста, этот документ!

Сейчас, когда Танака возражать больше не смел, полковник снова стал вежливым и учтивым. Танака покорно достал из внутреннего кармана ключ, отодвинул в сторону картину и стал открывать сейф.

— Здесь… пожалуйста, Одзаки-сан, убедитесь, что Мше опасение совершенно напрасно.

Полковник подошел вплотную к сейфу и заглянул внутрь. Там на стопке разных бумаг действительно лежал конверт с эмблемой главного морского штаба.

— Разрешите, Танака-сан? — вежливо попросил Одзаки и взял конверт. Вынув оттуда бумажку, он убедился, Что в конверте лежит подлинный документ. — Должен извиниться перед вами, — с явным облегчением обратился ОН к человеку, которого только что глубоко оскорбил. — Действительно, Танака-сан, здесь все в порядке. Как только позволят дела, я приду к вам лично, чтобы принести извинения по поводу недоразумения. А сейчас, к сожалению, тороплюсь: меня ждут срочные дела в другом месте.

Танака, еще не оправившийся от столь неожиданного потрясения, лишь молча поклонился.

— Этот документ, — проговорил Одзаки, возвращая ему пакет, — очень важный, Танака-сан, и от сохранения

его содержания в тайне может зависеть судьба нашей страны.

— Я полностью сознаю это, господин полковник, — с подчеркнутым достоинством ответил секретарь премьер-министра.

Полковник Одзаки взял со стула фуражку и, попрощавшись с хозяином дома, поспешно вышел.

Танака положил пакет в сейф и уже хотел закрыть стальную дверь, как вдруг рука его остановилась и замерла.

Он поднял голову и втянул воздух. Робко взяв конверт, он вынул его из сейфа и поднес к лицу.

Запах знакомых духов объяснил ему все.

«„Мей-Линг"… Из Индокитая», — едва слышно прошептали безжизненные губы.

Пошатываясь, Танака добрался до кресла и ослабевшим голосом позвал Одзаки. Но тот уже садился в машину и не мог его слышать. Крик своего хозяина услышал один из слуг и, догнав только что тронувшийся автомобиль, остановил его.

Одзаки понял, что случилось что-то важное, и бросился в дом.

— Полковник Одзаки… Ваше подозрение… оправдалось!.. — Он смог лишь протянуть полковнику листок, а дать сколько-нибудь внятное объяснение у него не хватило сил.

Они стояли и молча смотрели друг на друга, пока Одзаки не уловил характерного запаха духов, исходивших от листка.

— Духи Лундквист?

Танака слабо кивнул, и его нижняя челюсть отвисла. Запинясь, он наконец рассказал о случившемся.

— Значит, текст она списала, — заключил побледневший от волнения Одзаки, — и, вероятно, передала уже доктору Зорге.

— Да, господин полковник… Может быть… Все может быть, господин полковник.

— Увы, мы не подумали о том, — упрекал себя Одзаки, — что эта шведка читает и пишет по-японски не хуже любого из нас… Такие иностранцы всегда опасны.

— Документ лежал у нее на груди, когда я… когда я… Почувствовав на себе презрительный взгляд полковника, Танака закричал:

— Она дьявол, Одзаки-сан!.. Дьявол в образе ангелаК. А я хотел… хотел на ней жениться!

— Теперь абсолютно все равно, что вы хотели, Танака, — резко оборвал его полковник. — Она сняла копию с документа, и мы должны эту бумажку получить обратно, чего бы это ни стоило!

— Ее нужно арестовать, — повторял Танака. — Срочно арестовать!

— Но прежде всего надо арестовать Зорге, — твердо сказал полковник Одзаки, у которого уже созрел определенный план. — Это можно сделать, если при нем будет копия документа… А он

уже должен ее получить.

Танака начал вспоминать.

— Ко мне привел ее Зорге… Она делала все… все делала только для него…

Одзаки больше не слушал его.

— Теперь я знаю, чтб ей было нужно на мосту Хи-дейохи, — проговорил полковник больше для себя. — Она положила записку нищему в шляпу, а эти идиоты!.. Вместо того чтобы наблюдать за нищим, они развернулись и уехали обратно! Кретины!

Он взял фуражку и бросился к выходу.

— Я в вашем распоряжении, Одзаки-сан, — пробормотал ему вслед Танака. — Делайте со мной что угодно… Моя вина безмерна!

Одзаки обернулся и пристально посмотрел на потерявшего самообладание человека, на его трясущиеся руки. В глазах полковника не было ни малейшей искорки сочувствия.

— Вы уже никому не нужны, Танака, — холодно сказал ему Одзаки. — Вам самому следовало бы знать, как поступить.

Танака вздрогнул.

Зорге без стука вошел в комнату Фуйико и, громко смеясь, проговорил:

— Ты мне нравишься, девушка! Такого дерзкого создания, как ты, я еще не встречал!

Его приход не был неожиданным для Кийоми, и к такому разговору она была готова.

— Самозащита не дерзость, — спокойно ответила Кийоми, — а грубиян — не мужчина. Выйдите, пожалуйста, отсюда, мне нужно переодеться.

Зорге сел на один из стоявших в комнате чемоданов и положил ногу на ногу.

— Очень кстати… С удовольствием посмотрю, как ты будешь это делать.

На мгновение она потеряла дар речи. Такой дерзости Кийоми не ожидала даже от него.

— Я попрошу Нагао-сан объявить гостям, — пожав плечами, проговорила она, — что не смогу выступать… Вы мне мешаете.

Зорге широко улыбнулся.

— Прекрасная мысль, Фуйико!.. Пусть гости узнают, что я вам мешаю… Это будет для меня самым лестным комплиме нтом.

Дверь комнаты открылась, и в нее просунулась голова хозяина ресторана.

— Фуйико-сан… Вас просят к телефону. Господин директор

банка Садо.

Зорге поднял брови.

— Покровителем у артистки должен быть, конечно, банкир, — понимающе кивнул он. — Но одни лишь деньги не сделают вас счастливой, Фуйико-сан!..

Последних слов она уже не слышала. «Директор Садо» был псевдоним полковника Одзаки.

— Сейчас иду, Нагао-сан.

Телефон стоял на полу. Кабинет директора Нагао был единственной комнатой ресторана, обставленной в японском стиле.

Всегда спокойный и уравновешенный, полковник Одзаки на этот раз был необычно возбужден. Это чувствовалось по его голосу.

— Слушайте внимательно, Кийоми-сан, и запомните, что я скажу! Сегодня решается все… в полном смысле слова все! Снята копия с документа исключительно большой важности. Эта копия… может быть, небольшой листочек с текстом в две строчки… будет передана доктору Зорге. Как ее передадут, я не знаю… Надо принять все меры… Слышите? Все меры!.. Чтобы он не смог передать этот листок дальше. Ни при каких обстоятельствах нельзя допустить, чтобы он сообщил кому бы то ни было его содержание… Вы поняли меня?

— Да, все поняла… Говорите, пожалуйста, дальше.

— Не спускайте с Зорге глаз ни на минуту, Кийоми-сан… Внимательно следите за ним! Вы должны во что бы то ни стало забрать у него эту бумажку… Во что бы то ни стало! Эта бумажка как раз и есть то доказательство, которое мы с вами ищем. Если оно у меня будет,

я смогу схватить Зорге… Вы должны его достать! Должны! Поняли меня, Кийоми-сан?

— Все поняла.

— Я буду все время у телефона. Если буду нужен, звоните. От этого листочка зависит очень многое! Вы даже себе представить не можете, как это важно, Кийоми-сан! Достаньте этот листок, достаньте любой ценой! Все понятно?

— Понятно, Садо-сан.

— Ну, тогда все. Желаю успеха!

Она поднялась с корточек, поправила волосы и вернулась в свою комнату. Там все еще сидел человек, которого она должна отправить на виселицу, и с видом знатока рассматривал ее платья.

— А ваш банкир, кажется, не скряга. — Зорге кивнул в

сторону платьев. — Но вкус у него, надо сказать, не слишком утонченный. Такая женщина, как вы, должна ходить в замше! Это действительно оригинально и изящно!

— У вас такие необыкновенные познания, что вам следовало бы написать книгу.

— Я уже подумывал об этом, но толстые книги плохо покупают, — с улыбкой ответил Зорге.

— Но ведь деньги в жизни не самое главное. Разве вы не тщеславны?

— Деньги не самое главное? — переспросил Зорге. Почувствовав, что Зорге слишком внимательно на нее

посмотрел, девушка быстро перевела разговор.

— Знаете, что мы сделаем? Мы для начала выпьем с вами по бокалу шампанского… Здесь, в зале!.. Чтобы могли видеть все гости. Вас это устраивает?

Зорге едва скрыл свое изумление.

— После этого вы сразу же отправитесь в девичий монастырь?

Она улыбнулась.

— Ну, такой большой любви к ближнему у меня пока еще нет. Я хочу лишь выйти в зал и помочь вам восстановить репутацию. Без нее вы погибший человек. Но так как я еще ни одного человека не погубила, то… пойдемте.

Рихард Зорге насторожился. Как могла такая остроумная женщина попасть в «Старый Гейдельберг»? Для профессии танцовщицы кабаре у Фуйико Нахара слишком высокий интеллектуальный уровень! Но вспыхнувшие было искорки подозрения быстро угасли. Уйти из ресторана, не получив сообщения от Биргит, Зорге не мог.

227

— Ну что ж, сударыня, не будем заставлять нашу публику долго ждать1

Она с готовностью приняла предложенную ей руку, хотя идти рядом по узкому коридору было трудно.

Нагао-сан распахнул перед ними дверь и махнул пианисту, чтобы тот играл туш.

***

Еще не все огни были погашены в доме Танаки. Прислуга давно разошлась по своим комнатам и сейчас уже спала, только хозяин сидел за столом и что-то писал.

Было далеко за полночь, когда он поднял наконец голову и свернул в трубочку густо исписанный мелкими иероглифами лист пергамента. Обвязав свиток шелковой лентой, Танака залил узелок воском и с двух сторон приложил свою фамильную печать.

После этого он принял ванну и оделся во все белое. Тихо, чтобы не разбудить слуг, он разыскал в бельевой комнате свежую простыню и расстелил ее на полу в гостиной. Затем выключил свет и зажег восковую свечу. Подготовленный свиток пергамента положил на край простыни и бесшумно отодвинул дверь на веранду.

В комнату ворвался прохладный воздух осенней ночи, насыщенный благоуханием поздних цветов. Танака вышел на веранду и всей грудью вдохнул аромат парка.

Но недолго наслаждался он свежестью ночи. Быстро вернувшись в гостиную, Танака открыл старый, окованный медью сундук и достал оттуда продолговатую деревянную коробку без каких-либо украшений. В коробке на белом шелке лежал короткий, остро отточенный кинжал — древняя реликвия дома Танака.

Он взял кинжал, встал на простыню, опустился на колени и повернулся лицом к императорскому дворцу.

Коснувшись лбом пола в честь его императорского величества, Танака отклонился назад, поднял кинжал и с силой вонзил в живот по самую рукоятку. Изнемогая от боли, рванул нож сначала вправо и затем вверх. Скрестив на груди руки, Танака упал лицом на простыню.

Старинный японский обычай, требующий искупления вины перед императором смертью, был соблюден представителем древнего рода по всем правилам. Теперь уже никто не посмеет обвинить его в бесчестье и говорить о нем с презрением.

***

В тот момент, когда Танака расставался с жизнью, а Биргит Лундквист вместе с другими ждала Рихарда в доме Бранковича, в ресторане «Старый Гейдельберг» воцарилась мертвая тишина.

Танцовщица Фуйико Нахара рука об руку с Рихардом Зорге возвращалась в зал.

Расстроенный рояль играл туш, удивленные гости повставали со своих мест, чтобы лучше видеть этого невероятного человека в паре с красавицей Фуйико. Подумать только! Ту самую женщину, которая несколько минут назад поставила его в неловкое положение, он ведет теперь к своему столу!

После минутного оцепенения удивленных гостей в зале «Старого Гейдельберга» разразилась буря восторженных аплодисментов.

Зорге шел уверенно и в то же время скромно.

— Но, господа, — подвигая Фуйико стул, успокаивал он неистовствовавшую публику, — почему такой шум? Я не могу

спокойно провести свою даму к столу!

Его гости, не дожидаясь, чтобы их попросили об этом, быстро очистили место. Право Зорге спокойно посидеть с укрощенной красавицей было несомненным! Официант быстро сменил скатерть и поставил перед ними два чистых бокала. Нагао-сан открыл бутылку своего лучшего вина и, низко поклонившись, наполнил бокалы.

— Остаток вечера, — шепнул он Зорге на ухо, — прошу быть моим гостем.

— Согласен! — крикнул Рихард весело и так громко, что каждый из находившихся в зале услышал его. — Я согласен, Нагао-сан, быть вашим гостем… Но тогда разрешите и мне попросить вас наполнить бокалы всем присутствующим здесь господам за мой счет!

Не обращая внимания на доносившиеся со всех сторон радостные возгласы, он повернулся к девушке.

— Древние римляне, — говорил он ей, — правильно делали, что во время триумфального шествия ставили на золоченую колесницу раба, который стоял позади триумфатора и непрерывно шептал ему: «Помни, что смертен!»

— К сожалению, такого раба у вас нет, — быстро ответила она. — Или подобную задачу выполняет этот белый официант?

Зорге быстро обернулся.

Бранкович с поклоном протянул ему на маленьком подносе листок.

— Вы просили счет, господин доктор?

У Кийоми перехватило дыхание. Она была уверена, что записку для Зорге, о которой говорил Одзаки, принесут сюда. Поэтому внимательно следила за каждым его движением.

— Вы уже хотите уходить, господин Зорге? — промолвила она, чтобы как-то скрыть свое волнение.

Едва взглянув на счет, лежащий на подносе, Зорге с улыбкой ответил:

— Эту ошибку я сейчас исправлю.

Достав из кармана пачку денег, он бросил ее Бранко-вичу на поднос. Деньги он считать не стал и поэтому заметил, с каким вниманием она рассматривает счет.

— Фу, как нехорошо, — шутливо упрекнул ее Зорге. — Такая воспитанная девушка и смотрит, как расплачивается ее кавалер. Но если вы коллекционируете счета, то возьмите, — он протянул ей листок. — Подарите вашему другу банкиру… Эту сумму он учтет как накладные расходы, и ему соответственно уменьшат налог.

Кийоми охватил страх: она допустила страшную ошибку! Ей не следовало бы обращать внимание на этот счет. Это, конечно, не та записка, о которой так взволнованно говорил Одзаки. Трудно также предположить, что счет — это зашифрованная записка. Ведь тогда Зорге, несомненно, уделил бы ему внимание.

Уверенность этого человека выводила ее из равновесия. Он знает, чего хочет! А что делать ей? Как вести себя дальше? Найти ответ на эти вопросы Кийоми становилось все труднее. Ей нужно играть роль танцовщицы с сомнительной репутацией и в то же время быть интеллигентной, умной женщиной, которая своими хитростями должна завести этого опасного человека в ловушку. Но где та ловушка? Как его туда заманить? Пока получается как раз наоборот! Он затягивает ее все дальше и дальше. Ей становилось страшно от той роли, которую она взяла на себя.

Бранкович принес сдачу. Зорге, не считая, взял деньги и с веселым смехом дал официанту несколько бумажек на чай.

— На этот раз, надеюсь, все в порядке, старый мошенник?

Тот сделал вид, что вопрос Зорге оскорбил его.

— Прошу пересчитать, господин доктор!

Что-то в тоне официанта насторожило Зорге. Он быстро взглянул на Бранковича и все понял.

— Ну и манеры у этих людей! — недовольно проворчал он, обращаясь к девушке.

Зорге быстро пересчитал деньги, немного задержался на последней бумажке в десять иен и, удовлетворенно кивнув, сказал:

— Все в порядке, дорогой… За честность получи еще… — Он подвинул Бранковичу крупную банкноту. — Но это не только тебе. Свозишь свою малышку в Эносиму.

— Большое спасибо, господин доктор, — широко улыбаясь, поблагодарил повеселевший официант. — Теперь хватит и на прогулку в Эносиму.

Кийоми засмеялась.

— От вас, кажется, ни у кого нет секретов. Даже у официанта.

Зорге сунул все деньги в карман брюк, только десятииеновую бумажку положил в жилет.

Нагао-сан лично принес пальто Кийоми, и, раскланиваясь с господами, Зорге повел свою даму к выходу.

— Какая благодать! — воскликнул он, когда они вышли на улицу. — Какой воздух дарит нам матушка-природа! И все это совсем дешево! Зато как дорого стоит тот чад, из которого мне сейчас посчастливилось вытащить тебя, дорогая Фуйико!

Она протянула ему руку.

— До свидания, господин Зорге. Спокойной ночи! Он взял ее руку и крепко пожал. Но она не могла

уйти. Одзаки велел ей все время быть с ним, ни на секунду не спускать с него глаз. «Сейчас решается все… Все!» — пронеслось у нее в голове.

— Если нетрудно, довезите меня до остановки… До парка Уэно.

Зорге распахнул дверцу своей машины.

— Согласен… Довезу вас до парка Уэно. Она села в машину и забилась в самый угол.

Оба ехали молча, каждый думал о своем. Кийоми все ще не знала, как ей быть дальше. У него эта записка Или нет? Если она выйдет у парка Уэно, то игра проиграна… И вообще все проиграно. Но проиграть она не имеет права. Ведь говорил же Одзаки, что сегодня ночью решается все. Потому ее долг сейчас — быть с Зорге и… оставаться танцовщицей Фуйико Нахара с сомнительной репутацией. Ту другую баронессу Кийоми Номура, надо пока забыть. Побыть совсем! Все зависит от Фуйико Нахара. Поэтому

она должна вести себя, как Фуйико Нахара. Но как повела бы себя сейчас эта танцовщица? Дочь барона Номуры не знала, да и не могла знать это.

— Дал слово — сдержи! — сказал Зорге с иронией. — Мы в самом центре парка.

Она посмотрела в окошко. Кругом стояли деревья, поседевшие от яркого света автомобильных фар.

— Но моя остановка там… дальше.

— Возможно, дорогая Фуйико!.. А моя — здесь! Зорге снял руку с руля и протянул ее танцовщице,

как будто на самом деле хотел проститься.

Она взяла его руку. Что же делать? Теперь он, конечно, поедет туда, куда его зовет записка. Ведь эта бумажка для него важнее, чем все другое. Во всяком случае, намного важнее, чем какая-то танцовщица из «Гейдельберга».

— А куда вы сейчас поедете? — покорным голосом спросила девушка.

— Мне нужно быстренько кое-что завезти, а потом поеду в Фунабаси, к себе на дачу.

Она поняла, что записка уже у него в кармане. Видимо, он ее получил еще до того, как вошел к ней в комнату. А теперь… Теперь он передаст ее дальше!

— Пожалуйста… Не будем никуда заезжать… Поедем сразу в Фунабаси.

— Но для того, чтобы заехать по делу, мне потребуется не больше пяти минут. И тогда мы поедем прямо в Фунабаси.

Чтобы помешать его плану, она решила разыграть небольшую сценку ревности.

— Хочешь попросить извинения у другой женщины? — сказала она. — Можешь этого не делать… Будь доволен, что я вообще с тобой поехала!

— Мой коллега не женщина, дорогая Фуйико, а старый газетчик в толстых очках. Он ждет меня… Я обещал привезти материал для его газеты.

— Я не верю ни одному твоему слову. Ты просто хочешь перенести сегодняшнее свидание на завтра. Но… тебе это не удастся.

— Не будь ребенком, Фуйико… Я же тебе говорю, что мне нужно решить деловой вопрос.

Чем упорнее он настаивал на своем, тем большей становилась ее уверенность в том, что ему нужно срочно передать информацию.

— Если ты пойдешь к этой женщине, я сейчас же уйду, — сердито заявила она. — Со мной так не поступают!

Зорге показалось это очень смешным.

— Хочешь ты того или не хочешь, но разрешить мне отлучиться на две минуты ты должна. Для того, чтобы добежать до почтового ящика моего коллеги, мне больше двух минут не потребуется. А это время ты можешь спокойно посидеть в машине.

Он свернул на улицу Такасаки и, резко затормозив, остановился против единственного в этом районе многоэтажного дома.

— Хорошо… Делай, как хочешь, — фыркнула она. — Но я ухожу, мой дорогой!

В момент, когда он открыл дверцу, она распахнула свою.

— Сиди, пожалуйста, сумасшедшее создание! — прикрикнул он на нее.

Она все же вышла. Ссора с танцовщицей не входила в планы Зорге. Сев снова за руль, он захлопнул дверцу.

— Ну, садись, мой ангел, и будь благоразумна.

Она послушалась, но потребовала, чтобы он сразу же ехал дальше.

Зорге дал газ, и они помчались по ночному парку.

Его мысли вернулись к лежавшему в кармане листку. Что там написано, он еще не знал сам. Знал только, что Биргит задание выполнила и он получил информацию, которой добивался. И, кроме того… он не любил носить в кармане бумажки, которые

могли бы его выдать. Секретные данные лучше всего держать в голове.

В зеркале он видел отражение горящих фар неотступно следовавшего автомобиля, а рядом грохотал поезд, шедший параллельно улице Такасаки. Зорге думал, как бы ему оторваться от преследовавшей его машины с людьми полковника Одзаки. В том, что за ним следили, он не сомневался.

Зорге резко свернул в один переулок, затем в другой и выехал к железнодорожному переезду, шлагбаум которого уже начал опускаться. Недолго думая, Рихард прибавил газ и на огромной скорости промчался под нависшим над машиной бревном.

— Это мой любимый спорт, — успокоил он свою спутницу. — Я всегда так делаю, когда подходит поезд.

В зеркале никого не было видно. Агенты полковника Одзаки остались по ту сторону железнодорожного полотна.

— Ловко проделано! — восхитилась девушка. — Действительно, очень увлекательный вид спорта.

232

233

Машина свернула в ярко освещенную аллею и остановилась у первого фонаря.

— Минуточку, детка… Мне самому любопытно…

— Что любопытно? — с волнением в голосе спросила девушка.

— Да вот этот материал, который из-за тебя я не передал моему коллеге.

— Ну хорошо… Любопытствуй… — разрешила она. — Ты ведь останешься в машине.

Он сунул пальцы в карман, стараясь отделить бумажку от денежной купюры.

Наконец он извлек записку Биргит и, повернувшись к танцовщице спиной, поднес ее к свету.

Она попыталась заглянуть через его плечо, но ничего увидеть не могла — Зорге держал записку слишком далеко.

— Бестактно, — с притворной обидой проговорила девушка, — в присутствии дамы читать каракули другой женщины!

— Перестань, Фуйико, — сложив бумажку, серьезно сказал Зорге. — Ты только что показала свой характер. Не начинай снова…

Он достал из кармана зажигалку и чиркнул. Кийоми поняла: он хочет сжечь записку! Тогда все пропало! Все кончено! Ужас охватил девушку.

— Разве твоему другу не нужен этот материал? Ты же собирался утром отвезти его.

— Да, собирался… Но текст такой короткий, что я его запомнил.

Зорге чиркнул зажигалкой еще раз, но зажигалка, как на грех, не работала.

— Спрячь эту штуку, — попросила она. — Нам надо ехать.

Ничего не ответив, он начал рвать бумажку на части: сначала на две, потом на четыре… восемь… Он рвал до тех пор, пока клочки стали настолько малы, что их трудно было держать в пальцах.

Наконец он опустил боковое стекло и, держа обрывки на открытой ладони, сдул их на улицу.

Хорошо, что в это время он не видел лица девушки. Кийоми не смогла бы скрыть свой страх и разочарование.

Она знала этот район. Это был аристократический квартал, где жили родственники умершей матери.

Машина Зорге выезжала на прибрежное шоссе. Вдруг,

как будто что-то вспомнив, Кийоми испуганно встрепенулась и почти крикнула:

— О, пожалуйста, Рихард! Найди где-нибудь телефонную будку. Мои хозяева, у которых я остановилась, завтра рано утром уезжают… Если они не оставят мне ключи, я не попаду в комнату.

— Японские дома всегда открыты, — ответил Зорге. — Или ты остановилась у европейцев?

— Да, конечно. В Омори… Мне надо обязательно сказать им…

Зорге не хотел задерживаться. Но когда они выезжали за город и у дороги показалась телефонная будка, он все-таки остановил машину.

— Только, пожалуйста, Фуйико, не рассказывай своей хозяйке слишком длинных историй, — попросил он. — Может, они спят, как моржи?

Дрожащими от волнения пальцами она набрала номер полковника Одзаки. Полковник, видимо, ждавший ее звонка, ответил сразу.

— Это вы, Кийоми-сан? Все в порядке? Приоткрыв дверь, она посмотрела, не идет ли за ней

Зорге.

— Нет… Впрочем, да! Слушайте меня… Я буду говорить очень быстро.

— Говорите, говорите, Кийоми-сан! Говорите, как вам нужно. Разговор записывается на пленку.

Не спуская глаз с машины, она быстро, но точно рассказала обо всем, что произошло, назвала место, где Зорге выбросил клочки записки, и сообщила, куда они сейчас едут.

— От вашей машины он оторвался, Одзаки-сан… На переезде, у шлагбаума… Сейчас за нами никого нет… Вы знаете, где находится его дача в Фунабаси?

— Знаю, знаю, Кийоми-сан! Не волнуйтесь! — кричал на другом конце провода полковник.

— Только, пожалуйста, Одзаки-сан, сделайте все побыстрее. Вы не можете себе представить, как мне трудно!.. Пожалуйста, помогите!.. Прошу вас… побыстрее!

Она хотела просить его об этом еще и еще, но он уже повесил трубку.

Девушка с минуту постояла в телефонной будке, провела рукой по влажному лбу. Затем, собравшись с силами, направилась к машине и подошла как раз в тот момент, когда Зорге собирался идти за ней.

— Ты оказался прав… Они действительно спят, как…

235

— Как моржи, — подсказал ей Зорге и открыл дверцу. Он нажал на стартер, мотор взревел, и машина снова побежала по прибрежному шоссе.

Остров Эносима — как бы вынырнувшая из моря гора, густо поросшая лесом, — расположен так близко от берега, что во время отливов на него можно пройти пешком, даже не замочив ног. Но чтобы попасть туда, не обязательно ждать, пока спадет вода. Этот маленький кусочек суши соединен с побережьем длинным деревянным мостом, по которому в дни летних отпусков устремляются многие тысячи жителей Токио и Иокогамы, избравших Эносиму своим местом отдыха.

И хотя на острове, пожалуй, нет ни одной ровной площадки, предприимчивый люд все же умудрился понастроить здесь множество чайных домиков, торговых палаток, увеселительных и питейных заведений. Некоторые из них, подобно ласточкиным гнездам, висят прямо над морем.

Царящая здесь все дни веселая суета ничуть не оскорбляет святости древнего храма, величественно возвышающегося на вершине горы. Даже наоборот, эта обитель многим служит благовиднейшим предлогом для оправдания прогулок на Эносиму. Чаще всего такой предлог используют молодые девушки, ибо храм на Эносиме считается самым подходящим местом для вымаливания у бога прощения за сломанные иголки. Поэтому любая благовоспитанная девушка, сломав во время

домашнего шитья иголку, может заявить матери, что ей обязательно нужно пойти на Эносиму и умиротворить разгневанный дух иголки. Этим обстоятельством умело пользуются юноши и назначают здесь своим девушкам свидания. И впрямь, для тайных встреч трудно найти лучшее место, чем этот остров.

Встреча, о которой пойдет речь дальше, состоялась, разумеется, не днем, а ночью. И встретились люди не наверху, у храма, а внизу, у небольшого причала, защищенного от морских волн островом. Той ночью, так богатой событиями, здесь, готовый к своему последнему плаванию, стоял рыболовный катер доктора Рихарда Зорге.

Примерно в то же самое время, когда доктор Зорге вместе с мнимой танцовщицей Фуйико Нахара подъезжал к своей даче в Фунабаси, а полковник Одзаки на машине

с воющей сиреной мчался на улицу Ноги, Бранкович, официант из ресторана «Старый Гейдельберг», поднимался по зыбкому трапу на катер.

Вера Бранкович, ожидавшая его у рулевой рубки, с облегчением вздохнула и бросилась к мужу.

— Пока все в порядке, — сообщил он своим товарищам. — Начальник информацию получил… Как и договорились, я передал ему записку вместе со сдачей.

Услышав шаги, он быстро обернулся.

— Это Биргит Лундквист, — холодно проговорила Вера Бранкович. — Ты же знаешь… Это та шведка, о которой Зорге говорил, что она ему помогает. А сейчас он ее, видимо, хочет взять с собой.

Биргит подошла к супругам.

— Как прошла передача записки? — спросила она.

— Наилучшим образом, сударыня! — с готовностью ответил серб и подробно рассказал, как он передал доктору Зорге записку вместе с деньгами.

Бранкович попытался узнать, что же было в этой записке.

— Если вам известно, что написано на том листочке, то вы, видимо, знаете, доволен ли начальник этой информацией.

— Там, безусловно, было написано все, что ему было нужно, — не без гордости ответила девушка.

Чтобы как-то убить время, Бранкович предложил девушке осмотреть катер. Биргит охотно согласилась.

— Наших людей вы знаете?.. Козловского, обоих японцев?..

— С ними ваша жена меня уже познакомила. Бранкович начал рассказывать ей о катере.

— Кроме парусов, которые используются только в открытом море, на катере установлен мощный дизель. Запускается он из рулевой рубки.

— Как в автомобиле! — радостно воскликнула Биргит. — Тогда я быстро освоюсь с этим судном.

— В отличие от автомобиля, — продолжал свои объяснения Бранкович, — здесь нет тормозного устройства. Торможение осуществляется обратным вращением гребного винта. Нужно только включить задний ход.

С большим "вниманием она рассматривала приборную доску.

— А руль не запирается? — удивилась она. — Ведь так любой может угнать судно!

Бранковичу такая мысль никогда и в голову не приходила.

— Мы просто вынимаем ключ зажигания, и этого вполне достаточно. Сама по себе эта посудина никуда не уйдет. А чтобы воры угоняли такие катера, мне еще слышать не приходилось.

Они вошли в каюту, где в это время сидел один Козловский и что-то читал.

— Это наш салон, — не обращая внимания на поляка, пояснил Бранкович. — Не слишком, правда, шикарный, но своему назначению соответствует.

Биргит с интересом осмотрела помещение.

— Здесь очень уютно, — с удовлетворением отметила девушка и после небольшой паузы спросила: — Что станет с катером, когда мы пересядем на большой корабль?

Помрачневший Бранкович пожал плечами.

— К сожалению, мы вынуждены будем взорвать его. Иначе наша радиостанция и еще кое-что достанется господину Одзаки.

И хотя Биргит впервые вступила на борт этого небольшого судна, ей все же было жаль его.

— Значит, сегодня катер выходит в свое последнее плавание? С нашей стороны несправедливо так поступать с судном, которое всегда исправно несло свою службу. Как же вы будете его взрывать? А мы не пострадаем от взрыва?

— Нет, что вы! — засмеялся Бранкович. — Посудина взлетит на воздух лишь тогда, когда мы отойдем от нее на несколько миль. Для этого есть специальное подрывное устройство… С часовым механизмом…

— Надо надеяться, оно хорошо сработает? Бранкович откинул в сторону старую занавеску и указал на черный ящик.

— Выглядит совсем безобидно, но… — Не договорив, он красноречиво поднял вверх указательный палец.

Биргит наморщила лоб.

— Это и есть адская машина?

— Поди-ка сюда, Козловский, — подозвал Бранкович радиста. — Расскажи даме об этой игрушке.

Поляк с неохотой оторвался от книги.

— Вот это часы, — показал он узловатым пальцем. — По виду они ничем не отличаются от настоящих. Если повернуть ручку, можно установить стрелку на определенное время… С точностью до минуты. Устройство заводится на двадцать четыре часа. А для того чтобы механизм в определенное время сработал, нужно нажать вот на этот рычаг.

238

«И как мог Рихард спокойно спать рядом с динамитом?» — подумала Биргит, с ужасом глядя на страшный прибор.

— Что произойдет, если нажать на рычаг, когда стрелки установлены на ноль? — полюбопытствовала девушка.

— Тогда произойдет небольшая неприятность, — горько усмехнулся поляк. — Мы в тот же миг взлетим на воздух. Но пока еще рано об этом думать. Как вы считаете?

Девушка испуганно отпрянула назад.

— О да, господин Козловский! Думать об этом пока не следует.

Великая ночь полковника Одзаки началась.

Все, что так долго и с такой тщательностью готовилось, сейчас было пущено в ход. Едва полковник Одзаки положил телефонную трубку после разговора с Кийоми Номура и объявил тревогу, как ворота гаражей контрразведки распахнулись и, воя сиренами, в разные стороны помчались машины с сотрудниками полковника.

Все мероприятия, запланированные на этот случай, сразу же начали претворяться в жизнь.

По всей стране были запрещены частные телефонные переговоры, войска блокировали вокзалы, все шоссейные и даже проселочные дороги в радиусе пятидесяти километров вокруг Токио были перекрыты. В эту ночь ни один самолет не получил разрешения на взлет, все радиопередатчики молчали. Широковещательные радиостанции без какого-либо объявления прервали свою работу. Все пелен-гаторные установки, где бы они ни находились, немедленно вступили в действие. Торпедные катера, срочно покинув свои базы, вышли в море, образовав огромное полукольцо перед столицей.

Полковник Одзаки, наделенный неограниченными полномочиями, принял все меры, чтобы лишить Зорге возможности каким-либо путем передать добытую им

информацию.

Члены правительства были подняты с постелей; премьер-министра, находившегося в отъезде, проинформировали по радио. Руководящих сотрудников генерального штаба и адмиралтейства по тревоге вызвали на службу. Даже в императорском дворце никто, кроме семьи микадо,

239

не спал: обсуждался вопрос, нужно ли в такой поздний час беспокоить монарха.

На обоих торпедных катерах, стоявших на якоре неподалеку от острова Эносима, офицеры не опускали биноклей, непрерывно наблюдая за рыболовным катером доктора Зорге.

— Зорге мы сможем арестовать только в том случае, если нам удастся найти клочки его записки, — заканчивал телефонный разговор с военным министром полковник Одзаки. — В противном случае он от нас уйдет… Уйдет со всем, что он знает!

— Поэтому вы должны при любых обстоятельствах арестовать его сегодня! — крикнул в трубку министр.

Полковник Одзаки, не дослушав слов своего шефа, бросил трубку и, сбежав по лестнице, вскочил в машину.

С включенной сиреной мчался автомобиль начальника контрразведки по ночному Токио на улицу Ноги.

Там полиция уже оцепила весь квартал. К каждому дому были поставлены полицейские посты, испуганным жителям запрещалось выходить из квартир.

Легкий ветерок гнал по улице сухую листву.

Полковник сразу же понял, что его люди не справятся с этим делом: их слишком мало. Недоставало и света. Тщательно осмотреть каждый уголок и каждый кустик при слабом уличном освещении было невозможно.

— Капитан Хидаки! — приказал полковник своему адъютанту. — Вызовите по тревоге морскую пехоту из Иокогамы… Машины при необходимости можно реквизировать у частных владельцев… — Он повернулся к другому офицеру. — Передайте в штаб противовоздушной обороны, чтобы немедленно прислали прожекторы.

С карманными фонариками люди Одзаки ползали по канавам, грядкам, газонам и садам прилегающих домов.

Не обращая внимания на слабые протесты перепуганных хозяев, полковник приказал солдатам открыть одну застекленную веранду и убрать оттуда все лишнее. Здесь Одзаки обосновался со своим штабом. Самым надежным офицерам он дал указание сортировать всю собранную бумагу.

Скоро на веранде скопились горы грязной макулатуры. В

чрезмерном усердии люди полковника Одзаки подбирали и приносили сюда каждый клочок старой бумаги, найденной ими в кустах, на задворках, в канавах. На столы перед офицерами сыпались обрывки газет, полуист

левшая оберточная бумага, старые проездные билеты и поблекшие письма.

— Пока внимательно не проверите, ничего не выбрасывайте, господа, — приказал Одзаки.

Его помощники знали, что искать — записку Биргит Лундквист. Перед каждым из них лежала увеличенная фотокопия одного из писем, написанных Биргит. Уже несколько недель ее корреспонденция перехватывалась, читалась и фотографировалась.

Полковник раньше представлял свою задачу более легкой, чем она оказалась на самом деле. Он никогда не думал, что в таком фешенебельном квартале на нескольких тысячах квадратных метров может валяться такая уйма бумаги.

Только когда прибыли солдаты морской пехоты, Одзаки отказался от беспорядочных поисков и установил точную систему осмотра района. Весь квартал был разбит на квадраты, в которых под наблюдением офицеров солдаты буквально прощупывали сантиметр за сантиметром.

Эта система осмотра быстро оправдала себя. В одной из груд принесенной бумаги офицеру Сирокойи удалось обнаружить крошечный клочок, на котором был виден иероглиф. Похоже, что он был написан рукой шведки. Ее манера писать японские иероглифы резко отличалась от обычного способа, которым пользуются сами японцы.

— Господа офицеры, прошу вас подойти ко мне, — подозвал полковник своих помощников. — Обратите внимание на цвет и волокнистость бумаги. Это облегчит вашу работу… Теперь мы уже знаем и цвет чернил, которыми писала шведка. Только это нас интересует! Весь остальной хлам можете не смотреть.

Хотя этот клочок был очень мал, для полковника Одзаки он представлял огромную ценность. Он смазал обратную сторону кусочка клеем и прилепил на черную бумагу.

Из города прибыли мощные зенитные прожекторы, и сразу же весь квартал залился таким ярким светом, что у всех поначалу заболели глаза.

Чтобы облегчить доступ в сады, Одзаки приказал снести все заборы и изгороди. Люди искали всюду, залезали даже в подвалы: легкие бумажки ветер мог занести и туда.

Теперь, когда люди узнали, что нужно искать, вороха бумаг

на столах намного уменьшились. Все, что не было Ивписано зелеными чернилами шведки, уже валялось в углу.

241

Дело пошло быстрее. Вскоре после первого Одзаки получил еще несколько обрывков записки, порванной, но не уничтоженной до конца Рихардом Зорге. Края только что найденных обрывков не совпадали с краями первого. Как ни перекладывал их полковник, ему пока не удалось подогнать их друг к другу. Под увеличительным стеклом они принимали солидные размеры, но по разрозненным элементам иероглифов, конечно, нельзя было установить даже примерное содержание записки.

Если до рассвета полковнику не удастся собрать обрывки записки и сложить их так, чтобы можно было понять ее содержание, Зорге опять выскользнет у него из рук.

— Капитан Хидаки! — снова позвал он своего адъютанта. — Приведите из каждого дома детей. Всех детей от десяти лет!

— Как вы сказали, господин полковник? Привести детей?

— Выполняйте, что вам приказано! — прикрикнул на него полковник. — Дети лучше умеют искать мелкие предметы, чем солдаты… Кроме того, каждый ребенок знает свой сад.

***

— Смотрите, Бранко. что творится в городе! — толкнул серба Козловский. — Небо вдруг осветилось… Похоже, там что-то горит.

Бранкович посмотрел в сторону города и, чтобы лучше видеть, прищурил глаза.

— Нет… Это, парень, не пожар. Зарево от пожара красное. Это прожекторы!

— Вряд ли, — не поверил радист. — Прожекторы всегда светят вверх. Это все-таки пожар… Разве не слышите, как воют сирены пожарных?

— Пожарные сирены воют не так. Не иначе, как полиция.

— Полиция? — Вера с тревогой посмотрела на мужа. Бранкович и Козловский рассказали ей, о чем они

говорили, и показали на голубоватое зарево, поднявшееся над городом. Теперь она и сама слышала вой полицейских сирен.

— Бранко, нам надо уходить отсюда! Я больше не могу… Если мы сейчас же не уйдем, они нас схватят!

— Ты что, с ума сошла? Как же мы можем уйти, когда с минуты на минуту должен приехать начальник?

242

Биргит, молчавшая до сих пор, и сейчас была совершенно спокойна.

— О том, чтобы уйти без него, конечно, и речи быть не

может, — заявила она тоном, не допускающим возражений. — Я этого никому не позволю.

Здесь, на катере, она чувствовала себя правой рукой Зорге и, если бы возникла необходимость, несомненно, взяла бы командование на себя.

— Я съезжу за ним! — решительно сказала она. — Господин Бранкович, ваша машина на ходу?

— Да, и ключ на месте.

Она спрыгнула с катера на пирс и побежала к машине Бранковича.

***

Решение Одзаки оказалось правильным.

С поисками мельчайших клочков бумаги дети справились куда лучше, чем солдаты и полицейские.

Вскочить среди ночи с постели и искать маленькие бумажки! Разве можно придумать что-либо более увлекательное, чем такая игра! А дело-то какое интересное! Солдаты и полицейские, прожекторы и радиостанции! Да к тому же их, маленьких ребят, собрал важный полковник и пообещал доложить о них самому императору. А если прибавить к этому обещанное вознаграждение? Сто иен за каждый найденный клочок! Столько мороженого, сколько можно купить на эти деньги, не найдется и на всем свете!

Каждый из ребят знал, в каких деревьях есть дупла, каждому были известны все трещины в каменных стенах, куда ветер мог загнать крошечные листочки. Дети забирались туда, куда взрослый человек не подумал бы заглянуть. И делали это с большим увлечением.

Прошло немного времени с тех пор, как с постелей были подняты ребята, и на столе полковника Одзаки уже появилось множество клочков записки. Некоторые из них он мог теперь подклеить один к другому, а остальные ждали своей очереди, когда будут найдены их соседи. Уже можно было прочесть отдельные слова, но фраза целиком пока еще не получалась.

Ветер усилился, и полковник приказал вызвать пожарных с механическими лестницами, чтобы осмотреть Крыши домов. Эта мера оказалась не лишней: на одной ИЗ крыш были найдены три обрывка, которые сразу же выстроились в цепочку на черной бумаге.

— Капитан Хидаки, — обратился Одзаки к своему адъютанту, — распорядитесь оцепить дачу Зорге. Где она находится, вы знаете. Прикажите людям: близко к дому не подходить, соблюдать маскировку, вести себя спокойно и тихо.

— Слушаюсь, господин полковник.

— И вот еще что… Знают ли моряки, что катер с людьми Зорге нужно выпустить беспрепятственно?

— Так точно, господин полковник. Я уже проверял.

— Арестовать их нужно в тот момент, — Одзаки повторил уже давно отданный приказ, — когда катер подойдет к борту корабля и они будут пересаживаться, точнее, когда пересядут!

Адъютант кивнул.

— Командиры торпедных катеров еще раз строго предупреждены, господин полковник, о необходимости задержать корабль при явных уликах. С поличным… Я им передал, что в этом деле с проклятыми иностранцами вам нужны неопровержимые доказательства.

— Хорошо, Хидаки-сан. Оцепление дачи Зорге поручите самому надежному офицеру. Людей предупредите, чтобы вели себя абсолютно спокойно. Прикажите еще раз: к дому не подходить! Нужно сделать все так, чтобы Зорге ничего не заметил.

Дача Рихарда Зорге, почти скрытая песчаными дюнами, стояла на берегу моря в Фунабаси. Море подходило к ней так близко, что был слышен плеск волн, а воздух был пропитан запахом соли. За садом, окружавшим дачу, никто не ухаживал, и он зарос высокой травой и диким кустарником.

Деревянный двухкомнатный дом, некогда построенный каким-то европейцем, был мал высотой и невелик площадью. Во всяком случае, казался таким снаружи.

В отличие от городской квартиры Зорге, комнаты дачи были прибраны, папки, бумаги и старые газеты на стульях не валялись. Вся меблировка состояла из кровати, дивана и бара, если не считать большого камина, занимавшего едва ли не всю стену гостиной.

В спальню, почти сплошь занятую широкой кроватью, вела раздвижная дверь. Кроме висевшего на гвозде старого кимоно, в этой комнате ничего, даже картин, не было. Но пол был застлан бархатным ковром.

— О, как здесь холодно, — зябко вздрогнув, сказала танцовщица.

— Немного терпения, и здесь будет очень уютное гнездышко, — пообещал Зорге и занялся камином.

Бумага, стружки и сухие дрова, умело сложенные хозяином дома в пирамиду, загорелись сразу, как только Зорге поднес к ним спичку.

— Сейчас будет тепло, милая Фуйико! — Кивнув в сторону дивана, Зорге сказал: — Располагайся.

«Располагаться» Фуйико отказалась и, остановившись у камина, протянула к огню озябшие руки. Зорге настаивать не стал и открыл бар.

— Культурный человек пьет доброе виски без льда, — проговорил он, не оборачиваясь. — Этим я хочу сказать, что будем пить без льда, потому что его у нас просто нет.

Он протянул девушке стакан с виски, она без возражений взяла его. а

— Итак, — поднял свой стакан Зорге, — выпьем за то, чтобы продолжение этой замечательной ночи было лучше, чем ее начало.

Она почти никогда не пила спиртного, а такого мужского напитка, как виски, даже и не пробовала. А теперь… Теперь все было по-иному.

***

В это же время полковник Одзаки со своими людьми был занят поисками записки, которую Зорге порвал на сотни клочков и выбросил их на улице Ноги.

Этот листок бумаги сейчас значил для полковника Одзаки намного больше, чем судьба баронессы Кийоми Номура. О своей сотруднице полковник, конечно, не забудет. Но вспомнит он о ней лишь тогда, когда она выполнит свою ближайшую задачу. А пока она для него — всего лишь Фуйико Нахара, танцовщица из второклассного ресторана…

***

— Однако, Фуйико, ты вся дрожишь… Конечно, конечно… Я понимаю… Тонкое платье, и ничего под ним!

Он обнял девушку и поцеловал в шею.

— Пожалуйста… Не спеши… Дай мне допить. — Она Освободилась от его объятий и облокотилась на камин.

Зорге придвинул диван к камину и упал на мягкие Подушки.

— У тебя стакан пустой, моя маленькая. Налей себе еще.

Пламя камина мерцающим блеском отражалось на ее шелковом платье.

Она послушалась и безропотно налила себе виски.

— Знаешь, Фуйико, — сказал Зорге, не вставая с дивана, — а ты мне, кажется, нравишься!

В ответ она лишь слабо улыбнулась. Зорге протянул руку, желая обнять ее. Она мягко увернулась, отошла к окну и немного отодвинула занавеску.

— Ни одного дома, ни огонька… Какое-то удивительное

уединение.

— Обычно дамы, бывавшие в этом доме, — заметил Зорге, — говорили о шумящем море, серебристой луне и даже о песнях ветра.

Девушка молча продолжала смотреть в окно. Ее внимание приковало несколько светящихся точек, которые быстро приближались от города к Фунабаси.

— Здешняя, как ты говоришь, уединенность, — продолжал Зорге, — не раз отмечалась и прежде. И эта уединенность некоторых пугала, вызывала у них боязнь.

Световые точки перестали двигаться. Значит, машины остановились! Остановились там, где шоссе выходило к берегу моря. По теням девушка определила, что люди вышли из машины и направились в сторону дачи Рихарда Зорге.

И вдруг все световые точки разом погасли.

— Чем дальше от людей, — проговорила девушка, — тем меньше причин для боязни.

Вскоре возле дачи замелькали стальные каски. Они быстро окружили дом, и западня захлопнулась. В западне осталась и она.

Зорге подошел к окну, задернул занавеску и потянул девушку к дивану. Увлекая ее за собой, он упал на подушки. Она положила голову на его плечо и не стала противиться, когда Зорге начал расстегивать пуговицы на ее платье.

— Твоя портниха, Фуйико, большая умница. Видимо, она одна из тех мастериц, которых не коснулась деградация нравов нашего декадентского времени.

Не торопясь, без суеты он расстегнул пуговицы на ее шее, первые из множества застежек на платье.

— Какая умница! — продолжал он расхваливать портниху. — Она абсолютно правильно делает, что не признает эти дурацкие «молнии», которые лишают общение с жен

щиной особого шарма… Твоя портниха, Фуйико, видимо, понимает, что мужчина, знающий толк в любви, получает поистине эстетическое наслаждение, когда он долго и нежно, одну за другой расстегивает пуговицы на платье любимой женщины.

Пока Зорге говорил это, ее все больше охватывало ощущение, что баронесса Кийоми Номура перестает существовать и уступает место танцовщице из ресторана Фуйико Нахаре.

***

— Едет! — крикнула Вера Бранкович и показала в сторону города. Оттуда к Фунабаси приближались две яркие точки автомобильных фар.

— Запускай мотор! — приказал Бранкович Козловскому.

Автомобиль въехая на пирс и, скрипнув тормозами, остановился. Все, в том числе и оба японца, перегнулись через поручни. Каждого волновал вопрос, приехал ли Зорге.

Но из машины вышла одна Биргит, усталая и встревоженная.

— Не было дома?

Она отрицательно покачала головой и, чтобы не упасть, прислонилась к рулевой будке.

— Я не смогла к нему попасть. Дом оцеплен полицией. Судя по всему, у него обыск.

— Его арестовали! — вскрикнула Вера. — Теперь нужно уходить. Немедленно уходить!

Биргит резко повернулась к ней.

— Нет! Нет! Никто не арестован. Он приедет… Сейчас будет здесь!

Бранкович пытался ее образумить.

— Теперь уже нет смысла ждать, поверьте мне. Нам действительно нужно уходить… Или они схватят нас всех.

Девушка топнула ногой.

— Катер будет стоять здесь до тех пор, пока не приедет Зорге. Он так приказал, значит, так и должно быть!

Полковник Одзаки, склонившись над столом, сосредоточенно передвигал маленькие бумажные обрывки, стараясь восстановить текст изорванной записки. В его

памяти живо представилось то далекое время ранней юности, когда он увлекался очень модной в те годы игрой пуццле. Вспомнив это, полковник не без удовольствия подумал, что его юношеское увлечение не пропало даром и приобретенные тогда навыки сейчас оказались весьма кстати. Зазубринки на краях обрывков были едва различимы невооруженным глазом, и если бы не сильная лупа, то он вряд ли справился бы с этим ювелирным делом.

Работа продвигалась успешно, и уже по тем кусочкам, которые сложили умелые руки полковника, без особого труда можно было представить контуры записки.

— Ну… Ты опять что-то принес, мой мальчик? — спросил полковник своего маленького помощника, с сияющим лицом подбежавшего к его столу.

Малыш нерешительно разжал грязную руку. Осторожно взяв новые обрывки, Одзаки восторженно воскликнул:

— Браво, мой мальчик! Молодец! Три сразу! — И, обращаясь к помощнику, сказал: — Капитан Хидаки, выдайте пареньку триста иен!

Из фургона радиостанции выпрыгнул офицер и побежал через ярко освещенный сад, в котором дети и солдаты — каждый в своем квадрате — ползали по земле в поисках недостающих кусочков записки.

— Господин полковник, — докладывал запыхавшийся офицер. — Командир «Е-16» сообщает, что катер Зорге только что вышел в море. Оба наших торпедных катера без огней следуют за ним…

Одзаки одобрительно кивнул.

— Передайте на катера: «Преследование продолжать! Немедленно сообщите в морской штаб».

Не отрываясь от записки, полковник подозвал капитана Хидаки.

— Дом Зорге оцеплен?

— Так точно, господин полковник!

— Хорошо. Теперь, если он попытается бежать, можете смело арестовать его. У меня, правда, не все еще готово… Но ничего. Положитесь на меня!

— Слушаюсь, господин полковник! Одзаки поднял голову от стола.

— Я это говорю на случай, если он все-таки попытается бежать… Но пока в дом без моего разрешения не входить!

— Слушаюсь, господин полковник! В дом никого не пускать!

— Что будешь пить, Фуйико? — спросил Зорге. Девушка покачала головой.

— Ничего. Не хочу… Посмотри, какие красивые угли в камине.

— Может, подложить дров?

— Не надо. Так красивее.

Он хотел встать, но она удержала его.

— Что ты хочешь?

— Глоток виски, маленькая.

Она быстро поднялась и подошла к бару.

Если бы Рихард Зорге выглянул в окно, он, конечно, увидел бы, что игра им проиграна. Каждое мгновение, остававшееся в его распоряжении, было равно вечности.

— Пожалуйста, твое виски, — она протянула ему стакан и легла рядом.

Он погладил ее плечи.

— Тебе не холодно, Фуйико? Она прижалась к нему.

— Нет, не холодно.

Девушка потянулась к Рихарду рукой, и вдруг ее обожгла мысль: раньше она была совсем иной, не была танцовщицей Фуйико Нахарой.

• »

Торпедный катер «Е-16», оставляя за собой слабый пенистый след, шел значительно медленнее, чем позволяли его сильные двигатели.

Начиналась мертвая зыбь. Но командир катера старший лейтенант Охима и при большем волнении умело справлялся с кораблем. Так же как и стоявший рядом с ним матрос, он не отрывал от глаз бинокля и внимательно следил за судном, шедшим в нескольких кабельтовых впереди. Сомнений не было: утлое суденышко стремилось как можно быстрее покинуть японские территориальные воды и выйти в открытое море.

«Догоним и пойдем у них на траверзе», — решил старший лейтенант Охима и приказал дизелисту:

— Полный вперед!

— Есть, полный вперед! — повторил тот, и катер, Слегка вздрогнув, пошел быстрее.

— Передать командиру «Е-14»: держать катер по правому борту, дистанция — два кабельтовых…

249

Радист повторил команду и уже был готов передать ее, как вдруг впереди в небо взметнулся огненный столб, ярким пламенем озаривший морщинистую поверхность ночного моря. И сразу за вспышкой последовал раскатистый гул мощного взрыва; воздушная волна сбила с ног стоявших на мостике старшего лейтенанта и матроса.

Когда старший лейтенант Охима поднялся, до него отчетливо донеслись всплески от падавших в море обломков взорванного судна.

Мощный взрыв, раздавшийся в каких-нибудь двух милях от берега, слышали все, кто в это время, незадолго до рассвета, не спал слишком крепко.

Слышал этот взрыв и Рихард Зорге.

— Что это? — испуганно спросила Фуйико.

— Видимо, корабли проводят ночные учения, — ответил Зорге.

Полковник Одзаки сидел на террасе. Он знал, что взрыв в море не имеет ничего общего с учениями военных кораблей. Во-первых, потому, что в эту ночь ни одного крупного корабля в море быть не должно, и, во-вторых, выстрел корабельного орудия намного глуше громового раската, донесшегося со стороны моря.

— Пожалуйста… не мешайте мне сейчас, — отмахнулся он от вошедшего капитана Хидаки. — Если меня не будут отрывать, я скоро кончу это дело…

— Но я все же вынужден вас побеспокоить, господин полковник, — упорствовал адъютант. — Катер доктора Зорге со всеми его людьми только что взлетел на воздух.

Одзаки вскочил.

— Сами себя взорвали?! Но это же безумие… Я полагал, что они хотели бежать…

Хидаки пожал плечами.

— У них были все основания считать, что их дело выгорело. Ведь катер был уже в двух милях от берега!

Полковник снова опустился в кресло.

— Значит, от нас ушло несколько подручных Зорге, которые могли бы нам многое рассказать… Лундквист тоже была на этом катере?

— Так точно, господин полковник! Она поднялась на

250

борт незадолго до отплытия… Насколько нам удалось заметить, она хотела снова вернуться на берег. Но ее удержали силой.

— Поражаюсь этой женщине, — проговорил он после минутного молчания.

Адъютант не понял смысла слов своего начальника.

— Как вы сказали, господин полковник? — тихо спросил капитан Хидаки.

Но Одзаки лишь досадливо махнул рукой.

— Оставьте меня…

»

В половине шестого, когда на улицах Токио уже появились первые прохожие, полковник Одзаки восстановил четырехугольник маленькой записки почти полностью. Лишь в середине оставалась незаполненной небольшая дырка. Черная бумага, на которую были наклеены кусочки записки, предостерегающе проглядывала через нее.

Но тут снова прибежал все тот же мальчишка, который уже не раз приносил полковнику обрывки бумажки. Вот и сейчас он, запыхавшийся и грязный, остановился перед начальником контрразведки и протянул ему сжатую в кулак руку.

— Ну, что ты дашь мне теперь? — уже бесстрашно спросил он важного офицера.

— А что ты хочешь?.. Покажи-ка сначала… Может, ты принес то, что мне совсем не нужно.

Мальчишка раскрыл ладонь и отдал содержимое полковнику.

Одзаки сразу же увидел, что это как раз те кусочки, которых так недоставало, чтобы закрыть черную дырку. Теперь он мог обойтись и без помощи увеличительного стекла.

Когда к полковнику подошли капитан Хидаки и еще несколько офицеров, он смазывал клеем последний обрывок. Тут же втиснул его на место и облегченно вздохнул.

— К сожалению, я вынужден просить вас, господа офицеры, не подходить ко мне близко, — сказал он своим сотрудникам. — Прошу понять… Государственная тайна особой важности… Номер 1А!

Офицеры повиновались и вышли.

Перед полковником Одзаки лежала копия, снятая Биргит с документа Танаки. На листке было написано: «Япония без объявления войны нападет на военно-

морскую базу США Пёрл-Харбор 7 декабря в 7 часов утра».

— Дай мне твою лупу, — потребовал мальчишка. Но Одзаки не слышал его.

— Капитан Хидаки!

— Слушаю вас, господин полковник!

— Операция закончена. Дайте отбой. Оцепление на улицах снять… А сейчас срочно мою машину! Вам, Хидаки, взять двух офицеров и десять солдат и следовать за мной.

Он взял черный лист с наклеенными на нем кусочками восстановленной записки и почти бегом спустился по лестнице к своей машине.

— Подари мне лупу! — крикнул ему вслед мальчишка. На террасе никого не осталось, и он, недолго думая,

схватил увеличительное стекло. Подгоняемый нечистой совестью, паренек что есть духу помчался через сад, крепко сжимая драгоценный трофей.

III.

нрш мим

В камине погасли последние угли, в окно задувал свежий ветерок. Зорге встал и подошел к камину, чтобы разжечь в нем огонь.

Сегодня утром ему предстояло уладить так много дел.

Нужно срочно поставить в известность Центр о планах японцев. Да и своих людей он не может заставлять вечно ждать на катере. Они, наверно, уже беспокоятся за него. Больше всех, конечно, Биргит.

На этот раз Зорге пришлось немало повозиться у камина, прежде чем в доме стало тепло. Ему захотелось выпить, и он стал искать бутылку виски, которую Фуйико куда-то спрятала.

Наконец он нашел ее за диваном и до краев налил виски в стоявший на столе бокал, из которого вчера, видимо, пила Фуйико — на ободке виднелись следы губной помады.

Зорге хотел уже выпить, как вдруг до него с улицы донесся шорох шагов идущих по песку людей.

Он поставил бокал на стол и прислушался.

Дверь без стука отворилась, и в дом вошел полковник Одзаки в сопровождении двух офицеров.

Вмиг Зорге собрал всю свою волю.

— Доброе утро, господин полковник, — спокойно встретил он появление столь раннего гостя. — Не выходите ли вы за пределы своих полномочий, переступая порог моего дома?

Одзаки вместо ордера на арест достал восстановленную из обрывков записку и протянул ее Зорге.

— Доктор Рихард Зорге, именем его императорского величества вы арестованы!

Зорге понял, что игра проиграна. Но сохранил достоинство и присутствие духа.

Он поднял свой бокал и, обращаясь к полковнику Одзаки, произнес:

— За ваше здоровье, Одзаки-сан… и за мою неудачу… Вы пришли слишком рано.

Он залпом выпил крепкое виски, со стуком поставил бокал на стол и, улыбнувшись, сказал:

— Ну что же, господа… Пошли!

В этот момент раздался крик. Все обернулись.

В дверях гостиной стояла Кийоми и немигающим взглядом, словно каждого из них видела впервые, смотрела на офицеров.

Полковник Одзаки приложил руку к головному убору.

— Баронесса Номура, — торжественно проговорил он, поклонившись, — вы оказали нашей нации услугу, достойную самого большого восхищения.

Когда они вышли на улицу, Зорге, обращаясь к полковнику, сказал:

— Я никогда не думал, Одзаки-сан, что причиной моей гибели станет женщина.

Он решительно подошел к машине, дверцу которой предупредительно распахнул перед ним капитан Хидаки.

— Уму непостижимо, Одзаки-сан, что женщина может так притворяться… Просто невероятно!

Пожав плечами, полковник ответил:

— Что ж, доктор Зорге… Цель оправдывает средства.

Поглощенный своими мыслями, Зорге не слышал

этих слов.

— И все-таки, Одзаки-сан, это невероятно…

Он вошел в машину и сел между двумя солдатами. В тот же момент на его руках щелкнули наручники. Сам полковник в машину не сел: сопровождать арестованного он поручил своему адъютанту.

— Капитан Хидаки! Доставьте арестованного в военное министерство и ждите меня там.

— Слушаюсь, господин полковник…

Когда машина с Зорге отъехала, полковник подозвал начальника радиосвязи и приказал:

— Немедленно сообщите о случившемся военному министру. Рация останется в моем распоряжении. У меня здесь есть еще кое-какие дела…

Офицер отдал честь и побежал к своей машине. Полковник Одзаки снова вернулся в дом.

Его сотрудница, как каменное изваяние, неподвижно стояла все в той же позе. Желая вывести Кийоми из оцепенения, он дотронулся до ее плеча.

— Мне очень жаль, Кийоми-сан, что мы не смогли вовремя помешать этому делу… Но ваш успех… ваш успех настолько велик, что этот ужасный финал поистине ничего не значит!

Она подняла голову и пристально посмотрела на полковника.

— Уйдите прочь! — сурово проговорила девушка. Полковник нашел ее одежду и подал ей.

— Вы принесли жертву, Кийоми-сан, которой нельзя было избежать. И испытывать сейчас какое-то чувство стыда было бы абсолютно неправильно. Это чувство ложное. Своим поступком вы заслужили величайшую благодарность и всеобщее восхищение.

Девушка прижала руки к груди и с глазами, полными ненависти, выкрикнула:

— Уйдите прочь! Уйдите!.. Что вам еще от меня нужно?!

Полковник поклонился еще ниже и заглянул девушке в лицо. Оно было неузнаваемым.

— Кийоми-сан, что с вами?

Она упала на колени и отвернулась от него, как от прокаженного.

Начальник контрразведки растерялся.

— Кийоми-сан, пойдемте же. Нам нужно в город… Девушка забилась в самый дальний угол.

— Вон отсюда!.. Вон! — кричала она.

Полковник пытался понять, что происходит, но не мог. Это было выше его возможностей.

— Кийоми-сан… Равенсбург ждет вас… Он на свободе и хочет вас поблагодарить. Он знает, какую огромную жертву вы принесли ради него… Равенсбург потрясен подобным проявлением вашей верности Японии… Теперь вы сможете выйти за него замуж.

В ответ на эти слова он увидел в ее глазах лишь ненависть и отчаяние.

— Отстаньте от меня с вашим Равенсбургом… Уйдите же наконец!

Одзаки отошел на два шага и еще раз попытался образумить ее.

— Я понимаю вас, Кийоми-сан… Ужасные переживания сегодняшней ночи, конечно, не могли не потрясти такую женщину, как вы… Но вы только подумайте… Подумайте, какого успеха вы этим достигли. За такой подвиг вас будет благодарить весь японский народ. Вы одержали победу над самым опасным врагом, какого когда-либо знала история нашей страны… То, что не мог сделать ни один мужчина, сделали вы, женщина. Женщина победила доктора Зорге!

И вдруг она засмеялась… Засмеялась громко, нервно…

Этот громкий смех, как автоматная очередь, поразил полковника Одзаки.

— Вы заблуждаетесь, Одзаки-сан… Заблуждаетесь! И это абсолютно точно! Побеждена я, а не он… Он победитель! Все равно… что бы вы с ним ни сделали, для меня он останется победителем…

Не выдержав ее взгляда, полковник Одзаки попятился к двери.

— Я люблю Зорге! — воскликнула Кийоми. — Поймите это, господин полковник… Я люблю его!.. И всегда… всегда буду любить. Даже тогда, когда вы все забудете его, я буду… буду его любить!

Ошеломленный Одзаки выскочил на улицу и позвал своего начальника радиосвязи.

— Прошу… — начал он, с трудом подбирая слова, — прошу сообщить капитану 1-го ранга Номуре… Его дочь заболела… Заболела тяжело… очень тяжело. Передайте ему мою просьбу срочно приехать ко мне.

Широко раскрытыми глазами удивленный офицер смотрел на своего начальника. Ему еще ни разу не приходилось видеть полковника в таком состоянии.

— Идите же… Выполняйте приказание!

— Одну минуту, господин генерал… Радиограмма военного министра!

Он протянул Одзаки листок бумаги. Тот махнул рукой и отвернулся. Тогда офицер прочитал радиограмму вслух:

— «Указом его императорского величества полковнику Набуро Одзаки присвоено звание генерал-майора».

« »

Никогда еще Герберт Равенсбург не видел вокруг себя так много дружелюбных лиц, как в дни после ареста Рихарда Зорге. Каждый с особой сердечностью стремился показать ему, что все брошенные на него подозрения они никогда всерьез не принимали и не верили им.

Но эти проявления дружелюбия Равенсбург принимал холодно, почти безразлично. Все, что могло его волновать в «деле Зорге» и действительно волновало, была Кийоми.

Странно, но прошло уже немало времени, а она еще ни разу не показывалась. И это еще не самое страшное. Намного страшнее была та стена ледяного молчания, которой она отгородила себя от него.

Капитан 1-го ранга Номура принял командование

256

Крейсером и ушел в поход. Дом его осиротел и пришел в апустение, прислуга ничего не знала о своем хозяине и На все вопросы Равенсбурга лишь низко кланялась и вежливо вздыхала.

Поговорить с генералом Одзаки не было возможности: к нему не подступиться. «Дело доктора Зорге» было окутано тайной, спрятано за семью замками, и о нем наружу ничего не просачивалось. Все, что было хоть мало-мальски связано с этой историей, считалось военной тайной, и даже германскому послу не давали никаких справок. Когда сослались на то, что, в конце концов, доктор Зорге — немец и германское посольство имеет право знакомиться с показаниями своего сотрудника, японцы ответили: арестованный Зорге назвал себя гражданином Советского Союза, и поэтому необходимость информировать по этому вопросу дипломатическое представительство Германии отпадает.

Разумеется, ничего не знала об этом событии и японская общественность. Строгая цензура, установленная над прессой и радио, запрещала в какой-либо форме упоминать о «деле доктора Зорге».

Последовавшая вскоре после ареста Рихарда Зорге отставка премьер-министра была официально мотивирована «пошатнувшимся здоровьем» принца. Хотя такое объяснение

прозвучало слишком неубедительно, все же известная доля правды в нем была. Самоубийство ближайшего советника настолько потрясло принца Йоситомо, что он вынужден был навсегда уйти с политической арены1.

Посол Тратт, который не мог отрицать р не отрицал, что Зорге был одним из его ближайших друзей, полностью выключился из общественной жизни, и все со дня на день ожидали, что его отзовут в Берлин.

Убедившись, что Одзаки сознательно избегает встречи с ним в служебном кабинете и каждый раз поручает своим сотрудникам говорить, что его нет на месте, Равенсбург решил в следующее же воскресенье поехать к нему В Омори, пригород Токио, где находился частный дом генерала. И хотя он отлично понимал, что подобный шаг несовместим с японскими обычаями, он пошел на это: другого выбора не было.

Когда Равенсбург подъехал к дому, генерал находился в саду и не принять незваного гостя просто не мог.

После поражения Японии американская военная полиция хотела арестовать принца как военного преступника, но он также покончил жизнь самоубийством. {Прим. авт.)

257

— Нарушая добрые традиции вашей страны, господин генерал, и без приглашения появляясь в вашем доме, — извиняющимся тоном начал Равенсбург, — я тем не менее хотел бы надеяться, что вы по-человечески поймете причины, вынудившие меня преступить рамки установившихся условностей.

Одзаки, на котором сейчас была не строгая военная форма, а домашнее кимоно, отложил садовые ножницы и сделал жест, который можно было понять как «добро пожаловать».

— Напрасно вы думаете, Равенсбург-сан, что ваш приход слишком удивил меня, — ответил генерал. — Я знал, что вы не отступитесь. Прошу вас… Проходите в дом, сейчас жена угостит нас чаем.

Равенсбург вежливо отказался от приглашения Одзаки и попросил его побеседовать в саду.

По всему было видно, что генерал тоже предпочитал разговаривать без свидетелей.

— Тогда пойдемте к огню, иначе вы простудитесь.

Из листвы и старых веток они соорудили костер, который, дымя и потрескивая, быстро разгорелся. Одзаки предложил своему гостю сесть на пенек, а сам, придвинувшись вплотную к огню, опустился на корточки и стал подкладывать в костер сухие ветки.

— Я знаю, Равенсбург-сан, с каким вопросом вы пришли ко мне…

— Но тогда почему же вы, Одзаки-сан, до сих пор не ответили мне на него?

Генерал бросил в костер большую ветку, и вверх поднялся вихрь искр.

— Задавать вопросы обычно легче, чем отвечать на них… Но, пожалуй, еще труднее слушать ответы…

— Если она больна или даже… Одзаки отрицательно покачал головой.

— Нет. Это не так просто, Равенсбург-сан… Дело значительно сложнее, чем вам кажется…

— Умоляю вас, господин генерал, объясните мне наконец, что случилось! Неужели вы не понимаете, как эта неизвестность…

— Понимаю, понимаю, Равенсбург-сан, — подклады-вая в костер ветки, ответил Одзаки. — По меньшей мере многое… Хотя наши чувства к женщинам совсем не одинаковы. Прежде всего…

Он оборвал начатую фразу, ожидая, что Равенсбург попросит продолжать. Но тот молчал.

— Прежде всего, — после небольшой паузы снова Мачал Одзаки, — вы должны понять, что наши японки чувствуют иначе, чем женщины у вас на родине. Любовь Японки — чувство, совершенно отличное от того, что испытывает женщина вашей страны.

Не понимая, куда Одзаки клонит разговор, немец возразил:

— Но ведь это не так. Вся японская литература полна описаний преданной любви ваших женщин… В каждом романе, в каждой пьесе говорится о женщинах, готовых пожертвовать ради любимого мужчины всем, даже собственной жизнью!

— Да, это конечно, так, — кивая, подтвердил Одзаки, — но любовь японки находит свое высшее выражение в беззаветной преданности любимому человеку, в жертвовании, то есть в отречении.

Это до глубины души потрясло и испугало Равенсбурга.

Она хочет отречься? Но почему? Ведь для этого нет абсолютно никаких причин!

Генерал поднялся и прямо посмотрел Равенсбургу в глаза.

— Равенсбург-сан, баронесса Номура решила отказаться от будущей жизни с вами, потому что принадлежала другому.

— Но ведь она это сделала только для того, чтобы… чтобы помочь мне! В этом она видела единственную возможность избавить свою родину от этого дьявольски опасного человека… Она, конечно, не может не знать, что ни одно разумное существо

не упрекнет ее за это! И, разумеется, меньше всего я… Неужели она этого не понимает?

Одзаки покачал головой.

— Этого не понимаете вы, мой друг!.. Для вас останется непостижимым, что вопрос, как воспринять случившееся, как отнестись к нему, может решить только сама женщина, и никто другой. Те изменения в чувствах, которые после подобного события может испытывать японская девушка, не зависят ни от кого: ни от жениха, ни от собственного отца, ни вообще от какого-нибудь другого человека. Только от нее…

Равенсбург был уже на грани отчаяния.

— Но ведь она меня любит… Поэтому не может своим Молчанием заставлять меня так сильно страдать.

Генерал нагнулся за новой веткой и бросил ее в Догоравший костер.

— Все, что вы говорите, Равенсбург-сан, вряд ли.

259

может занимать мысли женщины, оказавшейся в положс нии Кийоми… Как я уже говорил вам и даже подчеркивал, после той ночи баронесса Номура совершенно преобрази лась. Теперь она, кажется, сама считает, что стала уже не той Кийоми, какой вы ее знали. Ее решение пойти на жертву и тем самым обезвредить Зорге, безусловно, было продиктовано желанием избавить вас от больших неприятностей. Возможно, в известной степени ею руководили и чувства патриотического долга… Но никто из нас еще не знает, какое влияние оказал на нее этот человек, я бы даже сказал, сверхчеловек.

Равенсбург начал понимать то, о чем японец не хотел говорить.

— Вы думаете… вы допускаете возможность, что… Не в силах больше говорить Равенсбург умолк. Одзаки понял, что теперь пора сказать правду.

— Доктора Зорге мы увезли в наручниках и теперь его повесим. Свою игру он проиграл, но для Кийоми остался не побежденным до конца…

Медленно поднявшись, Равенсбург после минутной паузы тихо спросил:

— Где я могу найти ее?

— Сейчас она недосягаема.

— Но скажите хотя бы, где она, Одзаки-сан!

— Она работает медицинской сестрой на одном из госпитальных судов.

— На каком?

Японец медленно покачал головой.

— Мне очень жаль, Равенсбург-сан… Но это судно сейчас в открытом море, говорить же о его названии и местонахождении запрещено. К тому же… я и сам не знаю.

— Разрешается писать ей письма?

— Может, и разрешается, но баронесса Номура просила, чтобы ей ничего не присылали.

Равенсбург ударил себя кулаком по лбу.

— Но ведь это же безумие… Настоящее безумие! Одзаки вежливо отвернулся. Ему неприятно было смотреть, как мужчина теряет самообладание.

— Извините, Одзаки-сан, я не смог сдержать себя… Скажите мне хотя бы, когда вернется судно?

— Это очень неопределенно… Возможно, недели через четыре.

— Вы не могли бы после возвращения судна позволить мне поговорить с Кийоми-сан? Я уверен… абсолютно

260

уверен, что со временем она все забудет и станет такой же, как была. Ее отношение изменится… И к себе, и ко Мне. А если нет, то я хочу, чтобы она сказала все сама. Вы должны, Одзаки-сан, дать мне возможность увидеть 1 ее… Вы должны!

с Генерал подумал немного и кивнул.

— Вы, пожалуй, правы, мой друг. Может, действительно, время поможет даже такой женщине, как Кийоми-сан, преодолеть то, что произошло тогда.

Признания этой возможности генералом для Равен-сбурга было достаточно, чтобы снова обрести присутствие духа.

— Значит, вы поможете мне, Одзаки-сан, встретиться с ней?.. Вы обещаете?

Одзаки кивнул.

— Обещаю и свое слово сдержу, если…

— Если что?..

— Если Япония не вступит в эту войну. Именно на этот случай баронессу Номура и взяли на госпитальное судно. В военное время она будет выполнять задание, исключающее какую-либо возможность поддерживать контакт с внешним миром… Тогда до окончания военных действий она в Японию не вернется.

Равенсбург понял, что спрашивать о подробностях не имеет смысла.

Костер догорал, но Одзаки больше не собирался поддерживать пламя. Более красноречивого намека, что продолжение беседы ему нежелательно, он сделать не мог.

Равенсбург простился и направился к своему автомобилю.

Когда Равенсбург, направляясь к посольству, проезжал по центральным улицам Токио, ему повсюду попадались группы возбужденных людей. Размахивая экстренными выпусками газет, что-то выкрикивали разносчики, куда-то озабоченно спешили военные.

Рано утром японские подводные лодки и самолеты внезапно напали на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор.

Война Японии против Соединенных Штатов Америки и Великобритании началась.

Лишь спустя три года после ареста Рихарда Зорге японское правительство опубликовало в газетах неболь

шое информационное сообщение. В нем в нескольких словах говорилось о том, что Рихард Зорге приговорен к смертной казни. Никаких подробностей не приводилось.

Поэтому Равенсбург был крайне удивлен, когда однажды вечером к нему пришел сотрудник японского министерства иностранных дел советник Кацуко и неожиданно заговорил о последних днях доктора Рихарда Зорге.

Равенсбург пригласил своего японского коллегу поужинать, что в те времена, когда в Японии, так же как и в Германии, продовольствие выдавалось по карточкам, считалось проявлением дружелюбия и особого внимания. Добрые отношения с Кацуко были полезны Равенсбургу еще и потому, что его коллега работал в германском отделе японского МИД и ему почти каждый день приходилось иметь с ним дело по службе. Кацуко много лет проработал в японском посольстве в Берлине и владел немецким языком настолько хорошо, что на особо важных переговорах и беседах его использовали в качестве переводчика.

Хотя их знакомство было довольно продолжительным, Равенсбург только в этот вечер узнал, что Кацуко имел отношение к процессу по делу Рихарда Зорге. Ему было поручено перевести все относящиеся к делу документы с немецкого языка на японский и обо всем информировать соответствующие органы своего министерства.

— Почему же, собственно, — спросил его Равенсбург, — со дня вынесения приговора до казни доктора Зорге прошло так много времени? Почему ждали более двух лет?

— Доктор Зорге принял смерть стойко и смело, — уклонился от прямого ответа Кацуко. — Его поведение на суде и перед казнью произвело на меня глубокое впечатление.

— Как? Вы видели Зорге в день его казни? Вы были свидетелем?..

Японец утвердительно кивнул.

— Да. Мне было приказано присутствовать в качестве свидетеля во время приведения приговора в исполнение. Я был даже тогда, когда его выводили из камеры.

Равенсбург едва сдерживал охватившее его волнение. До сих пор никто не знал о последних днях доктора Зорге, а тут перед ним сидит молодой дипломат, который, как видно, знал все.

262

— Поскольку я сам чуть было не расстался с жизнью вместо Зорге, — взволнованно заговорил Равенсбург, — мне было бы крайне интересно знать, как он встретил смерть.

Советник Кацуко охотно начал свой рассказ. Судя по тому, как он говорил, нетрудно было определить, что ему не раз приходилось рассказывать об этом.

— В течение всего времени, которое Зорге провел в тюрьме, с ним обращались очень хорошо, — сразу же подчеркнул Кацуко. — Самый опасный из всех заключенных, находившихся в то время в тюрьме Сугамо1, получал хорошее питание, ему было выдано четыре шерстяных одеяла, книги для чтения он выбирал сам. И если некоторые люди говорят, что его мучили в тюрьме и пытали, то это выдумки и неправда. Да и не было необходимости его пытать. Доктор Зорге вел себя с достоинством и был горд за все то, что он сделал. Стремясь показать свое мастерство разведчика, он говорил много, значительно больше, чем его спрашивали… Многое из того, что до этого было загадочным и невыясненным, получило свое объяснение…

***

День 7 ноября 1944 года начался для доктора Зорге, находившегося в камере номер 133, точно так же, как все предыдущие тысяча восемьдесят восемь дней.

Хорошее обращение дало доктору Зорге основание полагать, что японское правительство не имеет намерения приводить смертный приговор в исполнение и внушило ему надежду на то, что его в свое время обменяют. Не без основания он считал возможным, что обмен предложит Америка: ведь арестован-то он был как раз в тот момент, когда собирался передать информацию о дате и времени нашего нападения на Пёрл-Харбор. Почти каждый приговоренный к смерти разведчик до последнего момента не теряет надежды на то, что его обменяют и дадут воз-

После войны тюрьма Сугамо использовалась американскими Оккупационными властями. Все главные военные преступники, арестованные победителями, содержались в этой тюрьме. Здесь же были казнены Многие японские министры и генералы, приговоренные к смерти. Осужденные на различные сроки

тюремного заключения находились также Сугамо. (Прим. авт.)

можность избежать казни. Очень часто так и бывает — пойманные разведчики остаются в живых.

Когда в двери камеры повернулся ключ, доктор Зорге, укутанный в одеяло, лежал на своем матраце и держал тяжелый том Герберта Уэллса.

Но на этот раз в камеру вошел не надзиратель, а сам полковник Нагата-сан, начальник тюрьмы. Я пришел вместе с ним и остался в коридоре.

В открытую дверь камеры мне было видно, как Рихард Зорге, увидев входящего полковника Нагату в парадной форме, спокойно закрыл книгу и, сбросив с себя одеяло, сел на койке.

С изысканно-официальной чопорностью полковник Нагата приветствовал заключенного и, как положено в подобных случаях, спросил:

— Вы — доктор Рихард Зорге? Родились четвертого октября тысяча восемьсот девяносто пятого года в Баку?

— Да. Я Рихард Зорге. Родился в Баку четвертого октября тысяча восемьсот девяносто пятого года, — ответил заключенный и, чтобы показать, что он совершенно спокоен и слабость ему чужда, встал. Видимо, только теперь он понял, что его надежды на обмен были напрасными.

— Доктор Зорге-сан, — снова обратился к нему полковник, — по поручению его превосходительства господина министра юстиции я обязан объявить вам, что смертный приговор будет приведен в исполнение сейчас.

Нагата смотрел на Рихарда Зорге и ждал, как будет реагировать осужденный. Но на лице доктора Зорге сохранялось невозмутимое спокойствие, ни один мускул не дрогнул. Его взгляд остался твердым, и в нем невозможно было увидеть ни малейшего признака страха.

Его хладнокровие произвело на нас, и особенно на полковника Нагату, глубокое впечатление.

— Все уже готово, Зорге-сан, — проговорил, обращаясь к нему, полковник, — но я мог бы на непродолжительное время отсрочить…

— Зачем же! — перебил его Зорге. — Сегодня меня все равно ничто лучшее не ждет.

Полковнику Нагате, начальнику тюрьмы с солидным стажем, впервые довелось столкнуться со случаем, когда приговоренный к смерти с таким железным спокойствием идет на казнь.

— Не нужно ли вам времени, чтобы написать письмо или еще для чего-нибудь?..

Зорге отрицательно покачал головой.

За всю историю Японии доктор Зорге был первым белым человеком, которого суд приговорил к смертной казни. Поэтому полковник Нагата предложил ему пригласить христианского священника.

— Чего ради я должен довольствоваться каким-то мелким служащим, — саркастически смеясь, ответил он на предложение полковника, — когда передо мной стоит такой большой начальник?

Ошеломленный таким кощунством, полковник Нагата вздрогнул. Мы, японцы, очень уважительно относимся к любой религии, и для нас кажется непостижимым, что на свете есть люди, не признающие никаких богов. Нам кажется чудовищным, если человек перед смертью богохульствует, насмехается над высшими силами. Что же станет с таким человеком после смерти?

Нагата поклонился и, тяжело вздохнув, извинился:

— Я ничего не хотел бы вам навязывать, Зорге-сан. Осужденный, ростом на голову выше полковника, ответил таким же поклоном и сказал:

— Единственное, что мне осталось сделать, господин полковник, так это поблагодарить вас и господ надзирателей, наблюдавших за мной, за ту доброту и любезность, которые мне были оказаны в этой тюрьме.

Полковник Нагата принял благодарность доктора Зорге как должное, всерьез полагая, что она вполне им заслужена. Со своей стороны, он пожелал осужденному всех благ на том свете.

— Вы очень любезны, господин полковник, — ответил Зорге на пожелание начальника тюрьмы. — Я с нетерпением жду момента, когда мне представится возможность заглянуть в потусторонний мир.

Ничего не ответив, Нагата после минутной паузы тихо сказал:

— Мне очень жаль, что все попытки обменять вас на нескольких наших разведчиков, к великому огорчению, не дали результатов.

— Да, это действительно достойно сожаления, — заметил осужденный.

— Но в этом не наша вина, доктор Зорге… Японское правительство, стремясь договориться, с каждым разом предъявляло все более умеренные требования. В последний раз мы предложили вернуть за вас всего лишь одного нашего агента. Но получили отказ…

— И вы потребовали в обмен только одного человека?

Мне кажется, вы запросили слишком мало за такого разведчика, как я.

— Разумеется… И все же в ответ мы получили твердое «нет»… Теперь нам ничего не остается, как…

Рихард Зорге сжал губы и умолк.

Нагата и все мы, стоявшие рядом с ним, несколько минут молча ждали.

Наконец Рихард Зорге вскинул голову, взглянул на нас и твердым голосом громко сказал:

— Что же мы ждем, господин полковник? Идемте!

Мы отступили в сторону и пропустили его в коридор.

У железной двери стояли двое полицейских и тюремный надзиратель. Удивившись столь быстрому появлению осужденного, они поспешно загасили сигареты и вежливым поклоном приветствовали осужденного и сопровождающих его лиц.

Зорге был без обычных в подобных случаях наручников. Впереди шел полковник Нагата, справа и слева от осужденного — полицейские, а надзиратель и я с двумя другими свидетелями пристроились сзади.

Мы шли по пустому коридору. Никто не встретился осужденному на его последнем пути. Многие тысячи заключенных, содержавшиеся в то время в тюрьме Сугамо, в это утро были уведены на работы. «Глазки» дверей камер были наглухо закрыты, все надзиратели убраны. Так требовала инструкция.

Зорге шел твердым шагом, даже с несколько беспечным видом. Когда мы подошли к винтовой лестнице, ведущей на первый этаж, он без колебания ступил на нее и спокойно начал спускаться.

Наша маленькая группа молча пересекла тюремный двор и вышла во второй, значительно больший.

Там, в самом дальнем углу двора, стояло невзрачное здание.

С высоко поднятой головой и спокойным лицом Зорге первым вошел через узкую дверь. Что находилось в этом здании, я не знал и, так же как и приговоренный к смерти Зорге, был немало поражен, когда мы неожиданно оказались в небольшом буддийском храме.

В одном из бронзовых сосудов слабо горели тоненькие палочки — поминальные курения. Рядом с алтарем в желтом одеянии, с четками в руках стоял священник и, беззвучно шевеля губами, читал свою никому не слышную молитву.

Заметив священника, Зорге почтительно поклонился.

Начальник тюрьмы и его подчиненные обычно давали приговоренным к смерти возможность постоять здесь несколько минут и излить богу свои последние жалобы и просьбы. Но у Зорге такой потребности не было, и он движением головы дал понять, что оставаться здесь не хочет.

Нагата понимающе кивнул и вежливо предложил ему обойти вокруг алтаря. За высокой статуей скрывалась небольшая дверь, которая была уже открыта. Она вела в камеру смерти.

Когда доктор Зорге вошел в это холодное помещение, первое, что бросилось ему в глаза, была стоявшая посредине виселица, с которой уже свисала веревка с приготовленной петлей.

Рихард Зорге, ни секунды не колеблясь, решительно подошел к виселице. Обернувшись, он увидел стоявших слева от двери прокурора, выступавшего на процессе в качестве обвинителя, и судей, приговоривших его к смертной казни. В правом углу стояли три человека в темных кимоно и черных масках. Они быстро подошли к Зорге и набросили на голую шею веревку.

Наступила короткая гнетущая пауза.

— Нет ли у вас, доктор Зорге, каких-либо заявлений? — в соответствии с инструкцией спросил полковник Нагата.

Зорге посмотрел на него и вдруг неожиданно для всех засмеялся…

Равенсбург, поверьте, слышать этот смех, полный презрения и высокомерия, было просто страшно!

— К черту все! — крикнул Зорге так громко, что вены вздулись на его лбу.

В этот момент палачи подскочили к нему, быстро обвили веревкой тело вместе с руками и накинули на голову черный колпак… Нагата подал знак, и один из палачей резко опустил рычаг на стене. Люк под ногами Зорге с глухим скрежетом открылся… Что было дальше, вам нетрудно себе представить.

Когда окончилась длившаяся восемь лет война, а вместе с ней и военная диктатура, так долго господствовавшая в Японии, люди начали постепенно привыкать говорить свободнее и более открыто делиться своими мыслями.

Все чаще и чаще стали высказываться сомнения относительно казни доктора Зорге и правильности того, о чем с

такой убежденностью рассказывал Равенсбургу советник Кацуко. Было немало людей, которые не только с удовольствием слушали таинственные истории и верили быстро распространявшимся слухам, но и, рассуждая по законам логики,

приходили к выводу, что доктор Зорге еще жив. Даже преемник германского посла в Токио, человек очень трезвых суждений, до сих пор считает, что величайшего разведчика второй мировой войны постигла иная судьба, ибо просто повесить его было бы по меньшей мере глупо.

Сомнения в подлинности смерти Зорге основаны действительно на весьма поразительных фактах. Незадолго до 7 ноября 1944 года, объявленной даты его казни, для него был изготовлен новый зубной протез. При всей таинственности, которой было окутано дело Зорге, в тюрьму Сугамо был приглашен известнейший токийский врач-протезист профессор Такасака. Ему было заказано сделать для европейского арестанта вставные челюсти. Такасака лично видел Зорге, но разговаривать с заключенным ему не пришлось.

По описанию внешности этого необычного пациента, которое позднее дал Такасака, речь могла идти только о докторе Зорге. Он на самом деле попал в 1937 году в катастрофу, потерял все зубы и с тех пор носил искусственные челюсти, которые время от времени приходилось менять.

Профессору Такасаке, которому было дано задание изготовить протезы самого высокого качества, был выплачен гонорар из государственной казны. Поэтому те, кто не верит в подлинность смерти Зорге, считают невероятным, чтобы иностранному разведчику дарили зубы лишь для того, чтобы дать возможность блеснуть улыбкой перед своими палачами.

Сразу же после ареста Зорге его квартира была тщательно обыскана и опечатана. За все время, которое Зорге находился в тюрьме, не замечалось, чтобы кто-нибудь заходил в его дом, и лишь однажды, когда профессор Такасака работал над протезами для Зорге, с дверей были сняты печати и оставшиеся в квартире вещи описаны. Все костюмы, принадлежавшие Зорге, были уложены в чемоданы и куда-то увезены. Вслед за этим в дом вернулись те же люди и начали искать по списку книги, а точнее, словари и справочники, которыми обычно пользовался Зорге во время работы. Только после этого вся оставшаяся обстановка была распродана, а дом снова сдан внаём.

Незадолго до опубликования официального сообщения о казни дом Зорге на побережье в Фунабаси, до этого стоявший совсем заброшенным, был заново отремонтирован, расширен, вокруг него появился забор, огораживавший большой участок.

Старую служанку Зорге, которая, прежде чем выбраться на свободу, прошла через бесконечные допросы, полицейская машина привезла обратно в Фунабаси. Старуха поселилась в доме своего прежнего хозяина. Когда ее спрашивали, что она там

делает и у кого работает, японка давала сбивчивые, противоречивые ответы. Но ее ежедневные покупки давали основания предполагать, что она снова работает у какого-то одинокого человека. Две или три любопытные женщины, которым не хватало своих домашних хлопот, попытались было пойти за ней и наконец выведать, у кого же она работает, но были остановлены полицейским чиновником в штатском. Дюжий страж не особенно почтительно посоветовал им немедленно идти домой и к старухе больше не приставать.

Что касается рассказа советника Кацуко, то по своему содержанию он, конечно, по всем пунктам совпадал с той процедурой казни, которая существовала в тюрьме Сугамо. В этом нет сомнения. И все же каждый человек, хорошо знакомый с обстановкой, царившей тогда в Японии, не может не задуматься над тем, что это был всего лишь рассказ. К тому же в то время еще не было какого-либо убедительного повода к тому, чтобы нарушить молчание о судьбе Зорге, столь тщательно хранимое до сих пор свидетелями его казни. И все же мысль о том, что советник рассказывал эту историю по специальному заданию, может быть, не так уж и далека от истины. После своего посещения Равенсбурга Кацуко почти дословно пересказал ее еще нескольким лицам и опять с такой же готовностью. Не исключено, что определенные органы были весьма заинтересованы в распространении такой подробной, а поэтому кажущейся наиболее правдоподобной версии о смерти Зорге, особенно в тех кругах, где его хорошо знали.

Выдвигается еще одна причина, возможно, заставившая сохранить доктору Зорге жизнь: японцы сами были не прочь использовать его исключительные способности для своих целей. Зачем же отправлять в вечную ночь такую одаренную голову, если она может еще принести пользу им самим, то есть японцам?

Тогда встает и другой вопрос: неужели японцам

понадобилось три года для того, чтобы понять целесообразность использования попавшего к ним в руки иностранного разведчика в своих целях?

Таким образом, как у этого аргумента, позволяющего предполагать, что Зорге жив, так и у многих других доводов, отрицающих это предположение, есть свои основания и объяснения.

Зубные протезы, хорошее обращение, нормальное питание и даже возвращение одежды и книг, видимо, говорят за то, что японцы готовили Рихарда Зорге для обмена и из

пропагандистских соображений хотели представить его по возможности в лучшем виде. Это, однако, не доказывает, что он на самом деле был обменен. Переговоры об обмене, видимо, окончились безрезультатно, ибо та страна, которой японцы предлагали Рихарда Зорге, не захотела дать за разведчика-двойника соответствующую компенсацию. В таких случаях, как везде и всегда, ничего не остается другого, как привести в исполнение вынесенный ранее смертный приговор.

Что касается ремонта и обнесения забором дома на побережье в Фунабаси, то и этот факт не может служить достаточно веским аргументом, способным убедить в том, что Зорге остался жив. Во время войны немало домов — особенно домов, особняком стоящих на берегу моря, — использовалось для самых различных секретных целей. И если бывшая служанка Зорге действительно работала в этом доме, то это могло стать возможным потому, что она, безусловно, находившаяся под полицейским надзором, была хорошо обучена ведению немудреного хозяйства этого примитивного дома.

Для того чтобы привести смертный приговор в исполнение и казнить Зорге, у тогдашнего правительства Японии были два немаловажных мотива: во-первых, чтобы наказать одного из самых крупных врагов государства и, во-вторых, чтобы навсегда обезвредить этого крайне опасного человека.

Подходя к тайне смерти Зорге с любой стороны, можно найти достаточно доводов как для утверждения того, что он нашел свою смерть на виселице, так и для предположения о том, что он еще жив. Поэтому вопрос, жив этот удивительный человек или казнен 7 ноября 1944 года, остается открытым.

Ясно только одно: если Рихард Зорге все еще ходит по этой земле, он представляет для всех нас такую опасность, которую едва ли можно себе вообразить.

270

После многих блестящих побед, одержанных японскими вооруженными силами в первые годы войны, и завоевания огромных территорий положение Японии резко изменилось. Под натиском противника, уже сумевшего развернуть все свои силы, Япония вынуждена все больше и больше уступать врагу завоеванное и отходить все ближе и ближе к своим островам.

И все же… И все же своя территория оставалась неприкосновенной, свободной от противника. До лета 1945 года японцы были твердо убеждены в том, что в критический момент богиня Солнца Аматэрасу пошлет на врагов «божественный ветер» и уничтожит их еще до того, как хотя бы один из них ступит на японскую землю. За две с половиной тысячи лет своего

существования Страна восходящего солнца не видела на своей земле ни одного иноземного завоевателя.

Огромная, хорошо вооруженная армия с военно-воздушными силами, располагавшими девятью тысячами самолетов, в том числе двумя тысячами «живых бомб»1, еще накануне окончания второй мировой войны находилась в метрополии и была готова до последнего дыхания защищать свою родину.

После события на острове Сайпан2 и боев за Окинаву, где японцы сражались в полном смысле слова до последнего дыхания, все в мире считали, что война с Японией примет затяжной и крайне ожесточенный характер. На быструю и легкую победу над этим островным государством, пожалуй, никто не рассчитывал.

Но вот 6 августа 1945 г. в 8 часов 45 минут с американского самолета на город Хиросима была сброшена бомба, сразу уничтожившая 150 тысяч человек; такая же бомба, сброшенная на другой японский город — Нагасаки, унесла жизни еще восьмидесяти тысяч японцев.

Начался век ядерного оружия.

1 Самолеты, пилотируемые смертниками. {Прим. перев.)

1 На острове Сайпан (один из островов Марианской группы) японцы в течение месяца сдерживали натиск противника, имевшего десятикратное численное превосходство и располагавшего огромным количеством боевой техники. Когда у оборонявшихся кончились боеприпасы, они покончили жизнь самоубийством. Все гражданское население, первоначально насчитывавшее около 80 тыс. человек, также покончило жизнь самоубийством. Большинство людей, в том числе и женщины с детьми, бросились со скал в море. Победители (американцы. — Прим. перев.) не захватили ни одного пленного. (Прим. авт.)

К вступлению в этот век Япония была не подготовлена, а ее боги оказались слабее силы, созданной человеком.

Несколькими днями позже японцы впервые услышали по радио голос своего императора и от него лично узнали, что они побеждены.

Весь народ, казалось, был оглушен, ошеломлен этим сообщением, смысл которого полностью осознать еще никто не мог. Сотни высших офицеров, чиновников, патриотов вспороли себе кинжалами животы или пустили пулю в лоб. Император приказал отравить свою любимую лошадь Белый Снег: главнокомандующий американской армией поклялся въехать в Токио на этом коне.

Без единого выстрела противник вступил на Острова

восходящего солнца и оккупировал всю страну. Чужеземные войска шли по пустынным улицам. Все окна были зашторены, двери заперты.

Весь состав правительства был арестован, американский трибунал за военные преступления приговорил к различным суровым наказаниям бесчисленное множество людей. Все высшие чиновники и весь офицерский корпус были отстранены от занимаемых должностей, а виднейшие промышленники попали под надзор или в тюрьму.

Опасность со стороны Японии была ликвидирована, экономическая конкуренция островной империи устранена. Казалось, что теперь с Японией покончено на вечные времена и она никогда больше не возродится. «В будущем только в аду можно услышать японский язык!» — заявил японский адмирал.

Все дипломатические представители стран, некогда состоявших в союзе с Японией, оказались в особых лагерях для интернированных.

Только император остался неприкосновенным. Если бы его устранили, Япония погибла бы в хаосе! На островах возник бы новый, более опасный очаг пожара.

Хотя условия жизни побежденного народа, пережившего восемь лет войны, были тяжелыми, они в значительной степени облегчались благодаря сплоченности всего населения и взаимной помощи отдельных людей.

Лица, разыскиваемые оккупационными властями, бесследно исчезли, различные документы, в получении которых был особенно заинтересован противник, невозможно было найти. Почти все показания, полученные на допросах, вскоре оказывались заранее тщательно согласованными. И все это делалось, чтобы ввести победителей в заблуждение и по возможности надежнее скрыть правду.

272

И хотя американцы пустили в ход целый штаб способнейших специалистов, им не удалось разгадать тайну «дела доктора Зорге», не говоря уж о том, чтобы узнать подлинную правду о его судьбе. Все их попытки найти генерала Одзаки окончились провалом. Генерал исчез, не оставив после себя ни малейшего следа, хотя прекрасно знал, что лично ему, собственно, опасаться нечего — его ни в чем не обвиняют. Все вражеские агенты, арестованные в период войны, были обнаружены в специальном лагере; все они находились в относительно хорошем состоянии здоровья, хотя по действовавшим законам военного времени их ожидала смертная казнь. С арестованными агентами Одзаки обращался корректно и даже по-человечески.

Американцы были крайне заинтересованы в том, чтобы заполучить такого человека к себе на службу. Ибо уже в это время их беспокоил вопрос, как воспрепятствовать созданию в оккупированной стране красного подполья. О коммунистических течениях в Японии, о руководителях этого движения лучше самого генерала Одзаки никто не знал, да и не мог знать. Исчез не только бывший руководитель японской контрразведки, но и все его сотрудники остались ненайденными.

***

В числе многих сотрудников американской секретной службой был допрошен и советник Герберт Равенсбург. Давая показания по «делу доктора Зорге», он ничего полезного сообщить не мог. О дальнейшей судьбе Зорге Равенсбург знал не больше того, что ему однажды рассказал Кацуко.

В начале 1946 года режим содержания интернированных немецких дипломатов был смягчен. Равенсбург получил отпуск и решил заняться розыском личных вещей, которые перед интернированием оставил у своих друзей в Камакуре.

Садовый домик, где хранились его чемоданы, оказался пустым. Друзья рассказали ему, что незадолго до капитуляции Японии к дому подъехал военный автомобиль и какой-то сержант, предъявив полномочия на конфискацию вещей, забрал чемоданы с собой. Сержант оставил адрес, по которому Равенсбургу следовало обратиться за получением своих чемоданов.

Простившись с друзьями не слишком вежливо, чего за

ним раньше не наблюдалось, Равенсбург пригородным поездом отправился в Токио с намерением разыскать дом по оставленному сержантом адресу.

Дом оказался в самом населенном и самом бедном квартале японской столицы, в той части города, которая меньше всего пострадала от воздушных налетов. Не без труда ориентируясь в запутанном лабиринте узких улочек и переулков, Равенсбург наконец подошел к ветхому домику, вход в который был завален старой, полуразвалившейся мебелью.

Недоверчиво встреченный какой-то хмурой старухой, он с трудом разъяснил ей цель своего прихода и лишь после того, как показал листок с написанным сержантом адресом, был впущен в дом.

Равенсбург оказался в большой лавке. Судя по всему, здесь торговали старой мебелью, домашней утварью и старинными книгами. Все помещения, через которые ему пришлось проходить, были завалены этим хламом настолько, что он с трудом пробирался сквозь него.

Наконец старуха попросила ее подождать и куда-то исчезла вместе с запиской.

Прошло немало времени, прежде чем появился мужчина немного моложе японки и пригласил Равенсбурга следовать за ним.

Пройдя через два задних двора и какие-то темные сараи, они вышли к большому складу, где хранилось бесчисленное множество обвязанных и опечатанных чемоданов.

— Ваши вещи здесь, — сказал японец и указал в темный угол. — Проверьте, пожалуйста… Все цело…

И вправду, все было на месте. Не пропало ни одной даже самой маленькой вещицы. Чемоданы были уложены друг на друга, а на одном из них висела дощечка с его, Равенсбурга, именем.

Когда Равенсбург обернулся, чтобы поблагодарить японца, он увидел совсем другого человека.

Перед ним стоял генерал Одзаки.

— Окажите честь, дорогой друг. Зайдите, пожалуйста, в мою контору.

Не успел Равенсбург поприветствовать бывшего начальника японской контрразведки, как тот скрылся в узком проходе между стеллажами. Равенсбург последовал за ним.

В конце коридора Одзаки отодвинул едва заметную дверь, и они вошли в небольшую уютную комнату, об

ставленную в японском стиле. В углу на угольях подогревалось сакэ.

Подвинув гостю подушку и предложив сесть, Одзаки наполнил чашечки горячим напитком.

— Прошу меня извинить, Равенсбург-сан, за то, что в свое время велел отправить ваши вещи в Камакуру. Сделал это для того, чтобы дать вам случай посетить меня в моем новом заведении.

Едва оправившись от неожиданной встречи, Равенсбург засыпал бывшего генерала такой массой вопросов, что тот вынужден был остановить своего собеседника.

— Вы же знаете, Равенсбург-сан, — с улыбкой проговорил Одзаки, — я люблю последовательность и всегда все делаю по порядку. Сложные вопросы, не требующие срочного решения, обычно оставляю под конец… Что касается меня, то мне не нужно вас спрашивать о том, что вам за это время пришлось пережить. Мне все известно. Я хотел бы вас только поблагодарить за то, что вы на допросе ничего не сказали о моем доме под Омари. Хотя больших неприятностей это мне и не причинило бы… Сейчас

никто из моей семьи больше не живет там.

Равенсбург никак не выразил своего удивления. Впрочем, чему тут удивляться? То, что такой человек, как Одзаки, даже теперь располагает прекрасной информацией, Равенсбург принял как факт, само собой разумеющийся.

Сейчас Одзаки был намного общительнее и доступнее, чем раньше. Такая перемена и общность их судеб, судеб побежденных, по-человечески сблизили их и внесли в их отношения больше тепла и искренности, чем это было в то время, когда им приходилось общаться в официальной обстановке.

— Значит, теперь вы торгуете подержанными вещами. Одзаки-сан? — спросил Равенсбург.

— Нет, что вы! Я их держу лишь только для того, чтобы… ну, как бы вам сказать… чтобы сохранять вещи, например, таким людям, как вы. В конце концов, я считаю своим долгом оказывать посильную помощь моим бывшим сотрудникам. А это занятие… торговля подержанными вещами дает мне возможность в какой-то степени сохранять свое бывшее учреждение.

— Как? Разве сотрудники вашей контрразведки целы? Их не разбросало по свету?

Одзаки улыбнулся.

— Ваш вопрос, господин Равенсбург, слишком прямо-

линеен, и дать ясный и полный ответ на него мне очень трудно… — Бывший начальник контрразведки немного помолчал, а потом сказал: — Когда американцы проиграли войну против Японии, я попытался…

— Как вы сказали, простите? — прервал его Равенс-бург. — «Американцы проиграли войну против Японии?»

— Конечно, — кивнул головой генерал. — В этом полушарии западные державы войну проиграли. Исход войны решают не военные результаты. Главное не в этом. Самое важное заключается в том, достигнуты или не достигнуты те цели войны, ради которых она велась. Ни американцы, ни англичане своих целей в этой войне не добились. Не большего достиг в этой войне и наш старый противник Чан Кайши.

Равенсбург был достаточно воспитанным человеком и не стал напоминать своему собеседнику, что гигантскую войну на Тихом океане развязала именно Япония и начала ее без объявления. Сейчас его интересовало, как Одзаки будет обосновывать свое крайне оригинальное утверждение.

— Как Америка, так и Англия, — с жаром продолжал бывший генерал, — вели против нас войну потому, что для них мы были слишком сильными соперниками не только в военном, но и

политическом, и экономическом отношении. Прежде всего они не могли примириться с тем, что мы вследствие перенаселения вынуждены завоевывать новые территории. Мы не только проникли в глубь Китая, но и угрожали Голландской Индии, Французскому Индокитаю, Малайе с Сингапуром, Филиппинам и многим островам экваториальной и южной частей Тихого океана… У Англии были немалые опасения и за Индию. Нетрудно понять, что цель войны, которую вели Америка и Англия, сводилась лишь к тому, чтобы сохранить прежнее положение в гигантском районе Тихого океана и убрать нас из Китая и Кореи. Япония, новая великая держава на Тихом океане, должна быть уничтожена! Вот какую задачу ставили перед собой западные державы. Ну… и что же из этого получилось? Как вы думаете, Равенсбург-сан, оправдались расчеты наших противников?.. Нанеся нам военное поражение, добились ли они своих политических целей?

Теперь Равенсбург уже понимал, куда клонит Одзаки.

— Из Китая нас выгнали, — подводил итоги своим рассуждениям японец, — но Чан Кайши там долго не удержится. Коммунисты скоро возьмут верх в этой гигантской стране и организуют пятьсот миллионов человек

так, что для Запада Китай станет куда более опасным противником, чем когда-то была Япония. Кроме того, мы угрожали только оружием, Китай же грозит миру опасной идеей. Вот теперь и скажите: что же выиграли мнимые победители в минувшей войне?

— Да, конечно. В некотором смысле вы, разумеется, правы, — согласился Равенсбург. — Англичане, элегантно попрощавшись, ушли из Индии, голландцев бесцеремонно выперли из их колоний, а французы до сих пор ведут в своем прекрасном Индокитае бесперспективную колониальную войну. И странное дело, войну ведут французы, а кровь льется в основном немецкая — кровь немцев, оказавшихся во французском Иностранном легионе.

— Да и это еще не все! — в возбуждении подхватил Одзаки и, едва сдерживая переполнявшее его чувство злорадного торжества, стал продолжать перечень поражений противника. — Американцы отказываются от своих последних прав на Филиппинах, англичане никак не справятся с восстаниями и бунтами в Малайе! Западные державы потеряли все свои позиции в Китае, обширнейший рынок сбыта закрылся. Корея разорвана на две части: одна половина красная, а другая пожирает колоссальные деньги, ассигнуемые ей в порядке оказания помощи

и поддержки. Мощнее, чем когда-либо, стал Советский Союз, и его влияние в Азии еще более усилилось. Таким образом, желая уничтожить нашу мощь, западные державы дали возможность возникнуть на Дальнем Востоке двум новым силам — красному Китаю и Советскому Союзу, для Запада более опасным, чем прежняя Япония. Следовательно, в минувшей войне наши противники своих целей не добились! Наоборот, в этой части земного шара их позиции намного ухудшились и обстановка для них сложилась более сложная, чем раньше. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что войну на Дальнем Востоке Англия и Америка проиграли! Против этого вы ничего не возразите. Факт, как говорится, бесспорный.

— Я не собираюсь возражать и спорить, — сдался Равенсбург, — но мне кажется, этот — факт — утешение слабое. У вашей страны было великое будущее, а теперь она его лишилась. Остались только старые острова. Япония так же безнадежно истощена и повергнута, как и Германия.

— Пока вы абсолютно правы, — с легким поклоном ответил генерал. — Но это не надолго. Положение скоро изменится. Ибо наша извечная проблема — проблема

перенаселения еще не решена. Сейчас в год у нас рождается полтора миллиона человек! Так что население Японии непрерывно растет. Растет намного быстрее, чем до войны. Несмотря на все потери, которые страна понесла на полях сражений, его императорское величество сейчас имеет больше верноподданных, чем их было к началу войны. К этому следует добавить японских граждан, переселившихся на родину с территорий, которые мы вынуждены были оставить. Этих людей тоже надо куда-то втиснуть! Таким образом, наша перенаселенная Япония сейчас напоминает паровой котел, предохранительный клапан которого слишком закручен. Если его, этот клапан, своевременно не открыть, то рано или поздно японский котел взорвется. Но до этого… — Он придвинулся ближе к Равенсбургу и несколько тише проговорил: — Но до этого дело не дойдет! Прежде чем восемьдесят миллионов японцев взорвутся от голода и отчаяния и из этого хаоса поднимется третья ярко-красная мировая держава, наши вчерашние враги с очаровательной улыбкой протянут нам руку. И те же самые люди, которые разрушали наши города и деревни, фабрики и заводы, будут в той или иной форме принимать участие в нашем восстановлении. Те же державы, которые вчера уничтожили наши вооруженные силы, завтра вежливо попросят нас начать снова вооружаться. Да, дорогой друг… — мечтательно

проговорил Одзаки, — придет время, позовут и тех чиновников и офицеров, которых с насмешками и издевками вчера выгнали вон…

— Я слышал, Одзаки-сан, что вас уже приглашали на работу.

— Да, приглашали, — утвердительно кивнул бывший генерал. — Но мое время еще не пришло! Пока что рано. Работать на чужих, на иностранцев, я не хочу. Я буду служить своей стране. Лишь в случае, если оккупанты окажутся добрыми друзьями, моя группа официально выйдет на поверхность. А пока подождем.

— Теперь я понимаю, почему вы так ревностно сохраняли связи с вашими старыми сотрудниками.

— Мы не только сохраняли связи, но и делали нечто большее… Мы работали.

— Работали?

— Конечно. Мы продолжали выполнять наш долг. Не так, конечно, как прежде, но все же… Наша цель осталась прежней. Мы стремились наше государство, точнее — будущее государство, обезопасить от тайных

врагов. Разумеется, нам было нелегко. Не было денег… Но зато у нас было другое преимущество. Обезвреживать вражеское подполье из подполья гораздо удобнее, чем выполнять эту задачу в официальном порядке. Как вы думаете, Равенсбург-сан, что бы стало с этой страной, если бы нас не было?..

— Что вы можете сказать о докторе Зорге, Одзаки-сан? Или вы тоже думаете, что он жив?

Генерал Одзаки проверил, не остыло ли сакэ, и снова наполнил чашечки.

— Вы знаете, Равенсбург-сан, какие дружеские чувства я к вам питаю. И если я не отвечу на ваш вопрос, вам нетрудно будет понять, что у меня есть очень веские причины для этого.

Равенсбург слегка наклонился и принял из рук Одзаки протянутую чашечку с сакэ.

Выпив горячий напиток и с минуту помолчав, Одзаки с вежливой улыбкой заговорил снова:

— Но на другой вопрос, который, безусловно, вас мучает сейчас, Равенсбург-сан, я с удовольствием отвечу. Я еще не забыл своего обещания, которое я вам дал тогда, в своем саду.

— Где она?.. Вы знаете? Генерал утвердительно кивнул.

— Баронесса Номура сейчас находится в Миайиме, в бывшем военно-морском госпитале. Теперь там лечатся только дети… дети, пострадавшие в Хиросиме от атомной бомбардировки… Кийоми-сан — одна из тех японских женщин, которые посвятили

себя уходу за этими детьми.

Равенсбург нерешительно задал свой следующий вопрос:

— Не можете ли вы сказать, как… как она теперь относится к этой истории?.. Вы ничего об этом не знаете, Одзаки-сан?

— Нет, мой друг, к сожалению, этого я не знаю и ничего сказать вам не могу. С того самого утра в Фунабаси видеть баронессу мне ни разу не доводилось. На все мои приглашения она отвечала решительным отказом и видеться со мной не хотела.

— Как вы считаете, Одзаки-сан, не следовало бы мне поговорить об этом с ее отцом? Капитан Номура снова живет в своем доме?

Генерал склонил голову.

— Вице-адмирал Номура вместе со своим кораблем опустился на дно морское…

279

Бухта Миайима, несомненно, один из красивейших уголков богатой живописными пейзажами Японии. Зелень холмов, спускаясь к морю, вплотную подходит к белоснежным пляжам, длинной изогнутой лентой окаймляющим бухту. Морской прибой не бросается с ревом на берег, а мягкими волнами накатывается на теплый песок и, поиграв и согревшись, с легким шорохом отходит назад.

Атаки океана отражает «Священный остров», вечным стражем вставший перед бухтой для охраны ее мира и покоя.

Посредине, между островом и берегом бухты, над зеленой поверхностью воды возвышаются гигантские деревянные ворота, покрытые ярко-красным лаком. Построенные в незапамятные времена, они до сих пор считаются священными, и сюда из разных мест приходят многочисленные паломники. Наивные люди верят, что, если они посмотрят на восход солнца через эти ворота, их минуют горести и невзгоды и исполнятся все их желания и ожидания.

Вряд ли можно найти более подходящее место для несчастных детей, которых разорвавшаяся над Хиросимой бомба лишила родителей, здоровья.

В море, мелком и укрытом от больших волн, дети могли безопасно купаться, а пляж с его белым, чистым песком стал для ребят любого возраста идеальной площадкой, на которой можно было играть в разные игры. Любители приключений и природы возвращались с зеленых холмов, богатых дичью, полные незабываемых впечатлений и радости.

Состояние длинных бараков бывшего госпиталя, на которых еще с войны остались красные кресты, оставляло желать лучшего.

Построенные на скорую руку из дерева, они сейчас имели жалкий вид, а у обедневшего государства не было средств, чтобы заменить их более солидным строением.

Равенсбурга приняли здесь за члена одной из многочисленных международных миссий, часто приезжающих сюда, чтобы посмотреть на маленьких жертв атомной бомбы. Привыкнув к посещению иностранцев, поодиночке или группами осматривающих столовые и спальные комнаты пострадавших от бомбардировки детей, никто из персонала не обратил на него внимания. Ибо от обыч

ных посетителей он отличался лишь тем, что ничего не фотографировал.

Равенсбург намеренно никого не спрашивал о Кийоми. Он решил сам найти ее, даже если эти поиски заняли бы весь день. Он боялся — хотя в этом не хотел признаваться даже себе, — что она, узнав от кого-нибудь о его приезде, попытается скрыться.

Дети, встречавшиеся на пути, были одеты в одинаковые белоснежные кимоно с красным крестом, как у раненых солдат. От этого вида маленьких калек, ставших невинными жертвами стратегии, которой неведомы различия между возрастом и полом, между солдатами и детьми, на душе становилось еще тягостнее и больнее.

Он, верно, долго бы проискал Кийоми, если бы кто-то вдруг не позвал ее громко по имени.

Одного услышанного имени было достаточно, чтобы воскресить в его памяти прошлое. Его сердце снова учащенно забилось, как тогда, когда он слышал ее шаги, приближавшиеся к его двери. Пять горьких лет, минувших с той счастливой поры, сейчас на мгновение стерлись — так отчетливо представились в его воображении прекрасное прошлое и она.

Как и все сестры в этом детском госпитале, Кийоми носила белый халат и туго накрахмаленную косынку, строго обрамлявшую ее лицо.

Она не заметила Равенсбурга. Пожилой врач, окликнувший ее, задал Кийоми несколько вопросов, на которые она ответила очень серьезно.

Рассчитывая поговорить с ней без свидетелей, Равенсбург стоял в стороне и нетерпеливо ждал окончания этого казавшегося ему бесконечным разговора. Когда врач ушел и Кийоми наконец вышла на террасу, где не было никого, кто мог бы помешать их встрече, Равенсбург окликнул ее. Кийоми, вздрогнув, сразу же остановилась и медленно повернула голову. Ее глаза не выражали ни испуга, ни радости. Она холодно посмотрела на

него и низко поклонилась.

— Рада видеть вас в добром здоровье, — не поднимая головы, проговорила она тихо.

Это «вас» больно кольнуло его.

— Я приехал за тобой, Кийоми, — сразу заговорил он. — Нас скоро отправят в Германию, и я хотел бы взять тебя с собой. Ты и я… Мы начнем там новую жизнь.

Она ничего не ответила и лишь смотрела на него неподвижным взглядом.

Он повторил свое предложение еще раз и еще, но она стояла все так же безмолвно. И лишь глаза стали чуточку больше, и в них едва заметно сверкнули прежние искорки.

— Вы очень добры, господин Равенсбург… Большое вам спасибо…

Холодная отчужденность, с которой она проговорила эти слова, лишила его уверенности.

— За эти пять лет очень многое изменилось. Но что касается моих чувств к тебе, Кийоми, то они остались такими же сильными и глубокими… Я люблю тебя… После всех этих испытаний, которые нам пришлось вынести, я люблю тебя еще больше, еще сильнее…

Она немного отшатнулась, ее губы мелко задрожали.

— Господин Равенсбург… вы должны понять…

— Пожалуйста, Кийоми, оставь эти «вы» и «господин». Ты не представляешь, как мне больно это слышать!

Мимо них прошла молоденькая сестра с двумя детьми. И только когда она скрылась из виду, Кийоми заговорила снова:

— Простите меня. Я не хотела вас… Я не хотела тебя обидеть. Но только теперь… Теперь все иначе… не так, как было раньше…

— Объясни, Кийоми, пожалуйста, что значит «иначе»? Мир, может быть, и стал иным. Но мы, мы-то не стали иными! Два человека, которые были так близки друг другу… Два человека, такие, как ты и я, не могут быть иными. И отношения, чувства между ними никогда не смогут измениться, стать другими!

Она смотрела мимо него на берег, где несколько ребят несли на руках мальчика, у которого не было обеих ног.

— Мы уже не те, Герберт, какими были раньше… И время не то. Того времени не вернешь… Мне жаль… мне больно… очень больно оттого, что ты по-прежнему питаешь ко мне хорошие чувства.

Он подошел к ней ближе и положил руки на плечи.

— Не говори так, дорогая. Поедем со мной, брось все это. Ты многим пожертвовала, многое пережила и теперь должна

подумать о себе… и обо мне тоже…

Он заглянул в ее ставшие влажными глаза, и в нем снова зародилась надежда.

Но она сняла его руки со своих плеч медленно и легко и вместе с тем решительно и непреклонно.

— Я недостойна твоей любви, Герберт, — уже более

твердым голосом проговорила она, — и еще меньше — твоей верности. Я заслужила лишь презрение… Лучше бы ты меня не искал!

Она отвела глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом.

— Тебе надо вылечиться от этой депрессии! — крикнул он громче, чем хотел. — Как только ты уйдешь отсюда, все это пройдет! Уедем!

— Нет… Нет, Герберт! Пожалуйста, не настаивай! Тебе лучше сейчас уйти… Уходи и больше не думай обо мне… Забудь меня.

Равенсбург понимал, что пробудить в ней прежние чувства ему не удалось. Как холодно она на него смотрит! Каким чужим он стал!

Но так быстро он сдаваться не хотел. Если бы ему удалось хоть немного смягчить ее сердце!

— Я всегда думал только о тебе, Кийоми, и не могу думать больше ни о ком. Я не оставлю тебя здесь… Пойми, я не могу допустить этого идиотского самоистязания. У тебя один только путь… один выход — уехать со мной… Сегодня!.. Сейчас! С главным врачом я все улажу сам.

— Это бесполезно, Герберт… Я никуда не поеду. Не думай больше обо мне… Я стала уже совсем другой женщиной, непохожей на ту юную девушку, какой была пять лет назад… Прежняя Кийоми, та действительно тебя безумно любила… Но что стало с ней после… — Она подняла голову и, глядя прямо ему в глаза, твердым голосом сказала: — У этой женщины, какой теперь стала Кийоми, ничего уже не осталось от прежних чувств.

Равенсбург сунул руки в карманы.

— Ты меня больше не любишь, Кийоми? Она покачала головой.

— Нет… Не люблю.

Что ему было на это ответить? Что может сказать мужчина женщине, которая заявляет, что она его больше не любит?

— Тогда я действительно хотела помочь тебе, Герберт, но при этом сама потеряла голову… Он был намного сильнее меня.

— Ты говоришь о… Зорге?

— Да, — откровенно призналась Кийоми. — Я говорю о нем.

Равенсбург до крови прикусил губу — физическая боль

несколько подавила душевную.

283

— Но об этом пора уже забыть. Пять лет — время немалое!

Она почти не слушала его.

— Он совсем меня преобразил… Сделал из меня абсолютно другого человека. Я… Я не могу себе представить никого другого, кроме него… Ты этого, конечно, никогда не поймешь. Это чувство намного превосходит… намного выше того, что мы называем любовью. Я вся принадлежу ему. Он сделал меня частицей самого себя… Я — его раба, я — его собственность, его…

Этого Равенсбург уже вынести не мог! Он схватил Кийоми за плечи и начал трясти, пытаясь образумить ее.

— Этот человек уже мертв, Кийоми! Ты сама помогла ему отправиться на тот свет… И он заслужил это!.. Тысячу, десять тысяч раз заслужил! Я не могу терпеть, когда этот человек отбирает у меня женщину уже спустя много лет после своей смерти… Слышишь, Кийоми, не могу терпеть… Не могу! Не могу!

Хорошо, что последние слова он прокричал на немецком языке — его возбуждение и крики начали привлекать внимание персонала госпиталя. Некоторые сестры уже давно издали поглядывали на них.

Кийоми оставалась спокойной и невозмутимой. Она не разделяла его переживаний.

— Нет, Герберт. То, что ты говоришь о Зорге, неправда… Он не мертв… Я точно знаю, что он жив. Как женщина, я чувствую это своим сердцем, а женское сердце в этих случаях не обманывает. Я здесь жду его, терпеливо жду, и верю, когда-нибудь он сюда придет… Придет… Обязательно придет!

Равенсбург понял, что потерял ее окончательно и бесповоротно. Она уже едва замечала его. Потеряв самообладание, он начал насмехаться над ее преданностью другому, над ее любовью к умершему человеку.

— А если он воскреснет из мертвых, Кийоми, как ты думаешь, что он тебе скажет? Ты же поставила ему ловушку. Ведь ты своей бабьей хитростью и изощренным коварством заманила его в эту ловушку и выдала врагам! Ведь ты, образно говоря, подала им веревку, на которой они его повесили… Может, ты думаешь, он скажет тебе за это спасибо?

Она слушала эти злые слова, и ни один мускул не дрогнул на ее бледно-матовом лице.

— Конечно, он меня ненавидит, — спокойно согласилась она. — Иначе и быть не может! У него есть основания проклинать меня. Но вот как раз его гнев и ненависть и приведут Рихарда сюда… И когда он наконец придет, я все ему скажу. Он меня

поймет. И я пойду с ним… Пойду куда угодно… Пойду, куда он захочет… А пока буду его ждать.

Она стояла перед ним совершенно потерянная, с глазами, полными веры в несбыточное, неосуществимое. Ее вид не мог не вызвать в нем человеческого сострадания. На него снова нахлынули воспоминания о том, теперь казавшемся бесконечно далеким времени, когда они были так близки друг другу. Равенсбург готов был закричать, заплакать. Заплакать так, как плачут над гробом любимого человека.

Он не мог оторваться от нее, она тоже стояла недвижно не в силах тронуться с места.

В гнетущем молчании прошло несколько минут, пока не подошли дети и не вывели их из этого тягостного состояния.

Держась за руки, ребята боязливо приближались к ним.

Первый мальчик, за которым цепочкой выстроились другие, робко позвал:

— Кийоми!

Ресницы ее дрогнули, и она пошла навстречу своим подопечным.

Она молча взяла малыша за руку и повела всю цепочку к морю. Сделав несколько шагов, она остановилась, повернулась к Равенсбургу и, низко поклонившись, сказала:

— Прощайте, сударь!

Не в силах что-либо сделать, он стоял и смотрел, как Кийоми уходит из его жизни.

Идя впереди детей, она медленно спускалась с холма к морю. Ее хрупкая фигурка становилась все меньше и меньше и, превратившись в белую точку, наконец слилась с прибрежным песком.

Так он стоял, пока солнце за Священными воротами не опустилось в море.

***

Примерно год спустя газета «Нихон нити-нити» поместила следующее сообщение:

«Киото, 11 сентября 1947 г.

Баронесса Кийоми, единственная дочь погибшего вице-адмирала Номуры, до последнего времени работавшая в госпитале для детей, пострадавших в Хиросиме, вчера, направляясь с больными детьми на купание, была убита тремя выстрелами из пистолета. Мотивы преступления, а также личность убийцы не установлены. Ему удалось скрыться незамеченным, ибо все дети, которых вела сестра Кийоми, были слепыми».

Литературно-художественное издание
Ханс-Отто Майснер ДЕЛО ЗОРГЕ
Редактор Н. П. Болдырева Оформление художника В. И. Терещенко Технический редактор Е. Б. Голова Корректор А. В. Федина Н/К
Сдано в набор 23.06.89. Подписано в печать 29.08.89. Формат 8–1 ЮН'/.. (имен офС.Н 1 Гарнитура «Тайме». Печать высокая. Тираж 250 000 экз.

notes

Примечания

1

Японская обувь. (Прим. перев.)

2

Короткое кимоно, которое надевают для выхода на улицу. (Прим. перев.)

3

Автор, видимо, подразумевает военные действия между гитлеровской Германией, Францией и Англией. (Прим. перев.)

4

Автор допускает ошибку. В действительности Франция капитулировала не весной 1941 года, а в июле 1940 года. (Прим. перев.)

5

Соглашение об оси «Берлин — Токио» было подписано 27 сентября 1940 г. {Прим. перев.)

6

Улица в Берлине, где помещалось гитлеровское министерство иностранных дел. (Прим. перев.)

7

Так обращаются в Японии не только дети к отцу. Это обращение применяется и в разговоре с мужчинами, пользующимися уважением. Слуги также называют своего господина «данна-сан». (Прим. авт.)

8

Бусидо — в дословном переводе «рыцарский путь» (кодекс самурайства), требует абсолютного послушания, верности и самопожертвования на службе у императора, то есть ради государства. (Прим. авт.)

9

В такую опечатанную фарфоровую трубочку закладывалась иллюстрированная записка, в которой говорилось, что должна знать молодая девушка о своих брачных обязанностях. Незадолго до брака пекущаяся м добропорядочности своей дочери мать вскрывала трубочку и тактично разъяснялаа своему чаду, как вести себя с мужем. Однако нынешние девушки Японии имеют и другие возможности получить информацию по такому вопросу, поэтому этот старый обычай стал отмирать. (Прим. авт.)

10

Доктор Зорге, я не понимаю по-немецки. Сожалею, но не смогли бы ли перейти на английский? (англ.) (Прим. перев.)

11

Я не понимаю, что вы хотите сказать, доктор, вы говорите загадками (англ.). (Прим. перев.)

12

Дом с небольшими благоустроенными квартирами и полным обслуживанием (нем.). (Прим. перев.)